

Библиотека журнала "Голос Эпохи"

ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И СЛАВУ ТРИДЕСЯТИ РУСО!

ІС

ХС

Ѡ

Н

НИ

КА

РУССКИЙ ЖРЕБИЙ

/новороссийская повесть/

Елена Семёнова

Елена Семёнова

РУССКИЙ ЖРЕБИЙ

/новорооссийская повесть/

*Защитникам Новороссии,
духа русского и страха Божия в себе не угасившим,
не забывшим завета предков
и долга перед будущими поколениями,
избравшим торный путь
благополучному дезертирству,
вставшим на защиту Русской Земли и своего народа,
Правды и справедливости,
сохранившим честь русского имени
среди лжи и бесчестья,
живым и павшим
посвящается...*

«Традиция»
Москва, 2015

УДК 82-3

ББК 84 (2Рос=Рус)6

С30

Семенова, Е.В.

Русский жребий. Новороссийская повесть/ Семенова

Елена Владимировна. – М.: ООО «Традиция», 2015.

– 240 с.

ISBN 978-5-9905733-7-6

«И как так случилось, что этот город, ещё несколько месяцев назад редкому русскому уху известный, вдруг стал теперь подлинным сердцем России? И не России даже, а Святой Руси, Русского Мира? И со всей определённою чувствовалось, пока не будет возвращено оно, освобождено из плена, не видать ни конца войне, ни возрождения России», - так размышляет один из героев повести. Русский жребий свёл в этом городе самых разных людей: одесского юриста, чьи друзья погибли в Доме Профсоюзов и московского историка - потомка белого генерала, простых донбасских парней и прошедших Чечню офицеров, эмигрантку-кинематографистку и столичного военкора. Этих людей объединило одно: чувство Правды и Родины. Их судьбы, оборона ставшего русской крепостью Города, трагедия братоубийственной войны, её причины и суть - об этом рассказывает данная повесть.

© Семёнова Е.В., 2015

© ООО «Традиция», 2015

Мой черный грач, простимся, брат.

Я - ополченец, я - солдат.

И может жизнь в момент любой

Позвать меня на смертный бой.

И мать опять не спит моя,

Ночами господ а моля

О том, чтоб сын ее родной

Живым с войны пришел домой.

Скажи мне, грач, какой же толк

В словах про память и про долг,

Когда не сможем мы сберечь

Ни нашу честь, ни нашу речь.

*И плачет женщина моя, ночами господ а моля,
Чтоб, хоть изранен, но живой с войны вернулся я домой.*

Мой грач, о, как бы я хотел,

Устав от скорбных ратных дел,

Прижать к груди жену и мать

И просто жить - не воевать.

Но плачет родина моя

Меня о помощи моля

И я иду опять, мой грач,

На этот зов, на этот плач».

Юрий Юрченко

Все персонажи повести являются вымышленными.

Любое сходство с реальными людьми случайно.

Пролог

Эту запись он пересматривал уже не в первый раз, снова и снова разворачивая незаживающую рану, задавая вопросы, ответы на которые давно знал, но облегчения это знание не приносило.

На этой записи Город ещё был жив. Уже растревоженный первыми выстрелами, он ещё без страха смотрел в завтрашний день, ещё верил в то, что всё закончится хорошо, ещё бодрился, показывая решимость стоять до конца и в душе надеясь, что стоять-то при-

дётся недолго, потому что вот-вот придёт помощь, как было это только что в Крыму. Крым – мечта, надежда, великий соблазн Юго-Запада России, отторгнутого от неё великим предательством безо всякой войны...

Совсем недавно Город сделал свой выбор, следуя примеру крымчан. Такой же сделали другие города и веси... Позже умные головы обратят внимание, что и вопрос-то на референдуме поставлен был как-то лукаво, неточно, оставляя возможность для трактовок, и наблюдателей-то не было даже от России, а значит юридическая легитимность народного волеизъявления остаётся под большим вопросом. Но кто об этом думал тогда? И кто разбирал эти нюансы?

А вскоре после этого Город отмечал Победу. Ту, без малого 70-летней давности, и грядущую, в которой многие ли из запрудивших площадь нарядных и радостных людей в тот день сомневались? В этот день в Городе даже прошёл парад – снятый с пьедестала танк «Иосиф Сталин», несколько бронемашин, «отжатых» у неосмотрительно заскочивших в Город «укров». Как радостно приветствовали эту «колонну техники сепаратистов»! Вон, поймал брошенный букет широко улыбающийся парнишка, сидящий на танке. Андрюха... Вот, он машет рукой – словно бы тем, кто видит его на экране, а на самом деле – своей невесте Катьке. Где-то есть и она в толпе, но на записи её не видно. Жениться на Катьке Андрюха так и не успеет. Через месяц после импровизированного парада снайперская пуля оборвёт его казавшуюся ему вечной жизнь...

Люди машут руками своим героям, развиваются флаги Республики и России. Родители дают маленькие флажки детям, и те весело машут ими и радостно цепляют на одежду георгиевские ленточки – самый желанный «сувенир» в эти дни. Большинство этих детей теперь в Городе нет. Многие будут вывозить из него уже под огнём, с риском для жизни. Некоторые останутся в нём навсегда, как та девочка с пышным бантом, цепляющаяся за руку матери – она погибнет в собственном дворе под очередным обстрелом, а мать, бежавшая к

ней и застигнутая взрывом в дверях подъезда, останется калекой...

Но на этой записи никто ещё не знает, что будет именно так, никто не верит в возможность подобного. И, кажется, даже собаки, которых граждане, конечно, взяли с собой, разделяют их радость, не зная, что скоро станут искать пропитание за пределами Города, сбившись в стаи, потому что хозяева не смогут взять их с собой, убегая в неизвестность...

Город будет жить надеждой ещё долго. Ведь все слышали Крымскую Речь! Россия не допустит!.. Если Россия увидит!.. Россия оставляет за собой право!.. Россия защитит!.. Боже, для чего были все эти обеты, если не собирались защищать?.. Конечно, всё всегда знающие «мудрецы» найдут обоснование. Хитрый план, например... На худой конец, разведут руками и скажут, что весной наш лидер был одним человеком, а спустя несколько месяцев стал другим. Много мелкой лжи будет сказано в обоснование первой Большой Лжи, а знающие Правду за редким исключением предпочтут оставить это знание при себе. Ибо правда всегда куда менее затейлива, чем ложь, но куда более неприглядна и опасна для говорящих её.

В 19-м веке на пике могущества Империи её самый могущественный и рыцарственный Царь вынужден был изменить своё решение о лишении доходов с имений бежавшего в Англию для ведения подрывной работы против Империи Герцена оттого лишь, что этого потребовал... Ротшильд. А что теперь? Когда «Ротшильды» держат в своих липких лапах правящие анти-элиты всего мира, включая нашу? Держат тем, что все их капиталы, добытые, само собой, исключительно непосильным трудом на благо своих народов, находятся в банках этих самых «Ротшильдов»... Глядя, как извиваются европейские лидеры, повинувшись вышестоящей указке, требующей новых санкций против России, как они, зная, что санкции эти бумерангом ударят по экономикам их стран, по ним самим, противясь им остатками здравого смысла, всё же покорно голосуют «за», и самый не верящий конспирологии человек убедится в

наличии Мирового Правительства, чьи цели противоположны интересам всех без исключения народов.

Чего же ждать от антиэлиты российской? Да и не ждали бы, если бы не Крым! А ещё ведь раньше и осетин защитили от Грузии... Так неужто же своих, русских, и не защитят? Забыли, забыли мечтатели, что русских у нас не защищают уже без малого век (да и прежде-то не так чтобы...). Не учли, что крохотная периферийная Грузия, не имеющая никаких ресурсов, не могла стать причиной для всемирного гевалта, а определённый ритуальный «наезд» с избытком компенсировался взрывом народной любви, столь нужного на фоне проведения в жизнь вредительских законов и грядущих выборов. Не учли, что Крым – это иное территориальное положение, наша морская база, престиж и, наконец, большой «навар» в перспективе. А, впрочем, может, и Крым бы не взяли, когда бы ни скоротечность событий, не давшая просчитать потенциальные «убытки» и «доходы». А как просчитали бы, как снеслись бы с «Ротшильдами» (и те-то в этой горячке промедлили на все рычаги разом надавить), так и устранились?

А после в эйфории этой и сказалась та самая пресловутая Крымская Речь, послужившая детонатором для оккупированного русского Юго-Запада. А когда спохватились, что наговорили лишнего, уже и поздно было, заполыхало зарево, уверовали желавшие верить Долгожданному Слову и никаких намёков, идущих вразрез ему, уже не слышали, не видели. И сомневающимся клеймили, не допуская сомнений. И в заверти этой лишь немногие головы трезвы остались. Как тот Батюшка из бывших десантников, что наперекор политике своего церковного начальства благословлял ополченцев сражаться за Родину, а о Крымском Триумфаторе высказался, уравнивая его, словно пророка, со свергнутым Киевским Вором: «Висеть бы им на одной верёвке, только на разных её концах...» Что ж, законная участь всех предателей, тем более, тех, чья измена оплачивается такой великой кровью...

То, что его предали, Город поймёт после двух месяцев бомбёжек, и тогда, умирающий, полуразрушен-

ный, истекающий кровью, начнёт проклинать вслед за Киевским Потрошителем и его бандами столь прославленного недавно Крымского Триумфатора, пообещавшего, обнадёжившего и бросившего на растерзание вандалам...

На этих кадрах этого ещё ничто не предвещает... Лица, лица, лица... Многие из них до боли знакомы – всё это соседи, друзья, знакомые... Кого-то из них уже нет в живых, кто-то пропал, другие бежали на «большую землю», третьи остались на родных руинах, а четвёртые продолжают битву. И среди них он – Олег Тарусевич. Эту любительскую запись своего погибшего друга Борьки Головатого он теперь всегда возит с собой, потому что в ней – вся его память, всё, что он любил и за что сражается...

На экране появились трое: стройная русоволосая красавица в светлом платье, скрюченная в инвалидном кресле девушка, в крохотной, слабой руке сжимающая маленький российский флаг, пожилая женщина в огромных очках и с длинной тростью. На этом капитан Тарусевич всегда выключал запись, не имея сил смотреть дальше, и ещё долго сидел в каком-то оцепенении, разговаривая со своей памятью, ища ненаходимые ответы на сжигавшие сердце вопросы.

Глава 1.

На чёрной от копоти стене явственно различался отпечаток чьей-то ладони. Ладонь какое-то время держалась, а затем поползла, поползла вниз, и след оборвался вместе с чьей-то задохнувшейся в ядовитом дыму жизнью...

Когда осенью на майдане начала «скакать», Роберт не обратил на это ровным счётом никакого внимания. Начинаящий юрист, только что закончивший институт, он был занят совсем другими проблемами. Да нешто всякий раз оборачиваться, когда на этом дебильном киевском танцполе очередная дискотека развернётся? Сколько их уже за последние годы было!

«Геть» да «геть»! Да не быдло мы, да не козлы. Насчёт быдла и козлов можно, конечно, дебатировать, а, вот, что бездельники стопудовые – факт. Ибо только бездельник может позволить себе роскошь месяцами скакать в центре любимой столицы, питаясь халявными печенюшками. Впрочем, самые большие мастера по части скакания – это именно козлы, так что зря открылись от родства.

В феврале месяце казавшиеся ритуальными «скачки» вдруг обернулись кровью и беспределом. Будучи человеком дотошным и натасканным на поиск фактов, Роберт внимательно разбирал, что же всё-таки происходило в сатанеющей столице. А происходило нечто похабное и жуткое.

Сперва сукин сын Янок не изволил дать оружия парням из «Беркута». У Роберта в «Беркуте» приятель хороший был, Пашка, приезжал потом, уже уволясь, рассказывал, трясясь от негодования, как кинули их с дубинками – считай безоружных – против молодчиков с «коктейлями Молотова», битами и прочим добром, как те заживо жгли их, а им и ответить было нечем. Даже водомётов не дали – как же! Це ж дети, помэрзнут на февральской холодрыге!

Оружие лишь в последний день применять дозволили – да поздно! Уже и те оружием бряцали! И, презрев договорённости с властью, пошли толпой бить небольшой митинг «регионалов» (старичков и старух так отходили битами, что добро б всем выжить), а затем – палить офис правящей партии. Нет, само собой, большей части этой партии, начиная с Янока, место на нарах – в этом правовед Роберт был убеждён. Но прийти, забить до смерти вышедшего из офиса клерка, а затем спалить здание с ещё двумя сотрудниками, находящимися внутри... Даже и не верилось. Но Пашка настаивал, что было именно так.

С этого-то и покатило колесо по человечьему насту, позвонками похрустывая... Стычка, другая... И, вот, снайперы заработали – чьи, откуда? Леший знает! Пашка божился, что не их. Да и как могли быть их, коли и по ним же стреляли, как и по той стороне? Из одной

точки по обеим сторонам, провоцируя! И ведь ни одна пуля не попала в какого-нибудь бешеного молодчика из «ПСов» или «Свободовцев». Так, в массовку, ни шиша не понимающую... В девчонку-медсестру, прибежавшую на помощь раненому, которой горло пробило насквозь...

Раненые... Это, вообще, отдельная страшная страница. Если раненый «беркутовец» оставался «на территории противника», был утащен туда, «взят в плен» - пиши «пропало». Врагам поборники демократических ценностей помощи не оказывают. А иные ещё и истязают беспомощную жертву. Одному пленнику выкололи глаз прямо перед камерой, и никто, ничто не дрогнуло в опьяневшей от крови и вседозволенности стае.

В конце концов, раненых затащили в Дом Профсоюзов, а затем этот дом... загорелся... Случайно или нет, вряд ли узнать когда. И сколько людей там погибло – не узнать также. Пашка знал точно, что именно в этом «крематории» нашёл свою смерть его сослуживец.

Кстати, о крематориях. Это раньше захватывали телефоны и телеграфы. Новые революционеры захватили крематорий. И тот работал сутками на фоне бушующего безудержного грабежа, насилия, беспредела.

Янока, конечно, в тот момент в Киеве уже не было. Этот похититель меховых шапок в общественных сортирах, избранный украинским народом своим президентом, благополучно бежал, пока истекающий кровью «Беркут» ещё защищал легитимность его презираемой без исключения всеми власти...

После победы Майдана Пашка не раздумывал – прихватил табельное оружие и, пока суть да дело, рванул в Крым, зная наперёд, что этот анклав не позволит прийти восторжествовавшей в Киеве мега-мрази на свою землю.

Пашка оказался прав. В Крыму и прежде-то не давали «баловать», даже флот НАТОвский на свою территорию не пустили, а уж «поезда дружбы» от товарищей Яроша, Фарион, Тягнибока и прочих, звавших омыть русской кровью украинскую незалежность, и подавно.

Народ в Крыму поднялся быстро и массово. Заполнилась площадь Севастополя русскими флагами, и раздалось забытое, столько времени к забвению принуждаемое, а с той поры рефреном звучавшее, в единый глас народный слившееся: «Мы – Русские!» И, кажется, замерло всё в ожидании – чья переважит, да какой кровью станет, да в какой срок?..

А прошло всё неожиданно быстро, без сучка и задоринки. Референдум, возвращение в Россию, торжественная встреча в Кремле и ставшая знаменитой речь российского президента... Пашка звонил из Севастополя счастливый – он теперь российский гражданин!

Ветер крымской весны весь Юго-Восток овеял надеждой, разбудил, взбудоражил. Если Крым смог, то почему бы и нам не сделать то же? Не с этим же бандеровским отребьем жить! Хватит, нажились в чужой стране, пора и «до дому, до хаты» – в Россию! И хотя не сказать, чтобы прежде всем виделась современная Россия с её властителями такой уж прекрасной страной, но сейчас ничего не хотелось вспоминать, что бы марало светлый лик замаячившей совсем рядом Родины, которая, кажется, сама протянула руки, позвала: бегите, дети, а я помогу, укрою...

Роберт, не без основания ругаемый друзьями и домочадцами «сухарём», хотя и разделял общее желание, но не выходя из своей колеи. Несколько раз он был, конечно, на Куликовом поле, но... Душа его ещё не созрела для борьбы, и борьба эта казалась ему какой-то ненастоящей. В сущности, какие у неё перспективы? Одно дело, когда в Севастополе на площади весь город собрался, а в Одессе на Куликовом – сколько? Большинство горожан продолжало жить своей повседневной жизнью и тоже не было готово к борьбе. Сходить на референдум, проголосовать и вступить в состав России – пожалуй. Но бороться?

Осознавая это, Роберт смотрел на активистов Куликова, как на прекрасных чудаков, упорство и вера которых восхищают, но которые ничего не смогут добиться. Потому и не стоял с ними Роберт в одном

строю, а сидел в своей конторе, исправно оформляя юридические документы...

Как же он жалел об этом сейчас! Как же жалел! Вечером второго мая он, как обычно, завершил рабочий день, краем глаза успел увидеть в новостях, что футбольные фанаты подрались с кем-то из «куликовцев», но не придавал этому значения (фанаты всегда дерутся), потому что спешил на свидание с Яной. Их отношения тянулись уже несколько месяцев и, хотя давно уже стали близкими, не налагали никаких обязательств на обоих. Роберта это вполне устраивало, так как он ещё не чувствовал себя готовым к созданию семьи, не питал ни к кому серьёзных чувств, а с весёлой и беспечной Яной ему просто нравилось проводить время.

Ту проклятую ночь он провёл именно с ней. Вино, лёгкий ужин, жаркие янины ласки... Он даже телефон отключил, чтобы никто не испортил приятного вечера и ночи. А едва включил утром, как раздался звонок, и обрывающийся голос матери сообщил, что «бандеровцы» разгромили лагерь на Куликовом Поле и сожгли Дом Профсоюзов вместе с пытавшимися укрыться в нём от расправы активистами. И что тётя Сима с дядей Лёшей до сих пор не могут найти Юру и Иру...

Юра Лоскутов, музыкант и поэт, был лучшим другом Роберта со школы. Юрка, один из последних романтиков, веривших, что мир можно изменить Словом, стихами, конечно, был одним из самых горячих активистов Куликова с первых дней. Он почти безотлучно находился там, рисовал плакаты, сочинял песни, горел, как факел, освещая всё и вся вокруг себя. Его нельзя было не любить, им нельзя было не восхищаться. Он не жил, он парил над землёй, витал в одному ему ведомых горних высотах. А ещё он по-детски трогательно любил Россию, и своих родителей, и друзей, и Иру... Ира была, наверное, самой прекрасной девушкой, какую когда-либо видел Роберт. Чистый ангел двадцати двух лет с сияющими звёздами-глазами и чудной улыбкой. Они с Юркой, казалось, были рождены друг для друга. Две половинки, два лебедя высокого полёта...

Ну и забава у людей
Убить двух белых лебедей...

Эта строчка Высоцкого пребольно резанула сердце уже в первый миг, но Роберт ещё надеялся на лучшее, ещё не верил в возможность такого ужаса. Мать успела сказать, что погибло не меньше полусотни человек, а дальше он уже не слушал, а мчался к Куликову – искать, спасать, помогать...

Но спасать было уже некого... Обугленный остов Дома Профсоюзов смотрел жутко, но ещё жутче были глаза людей, чьих родных поглотила эта гигантская печь... Им ещё предстояло тяжкое испытание – опознать в изуродованных телах тех, с кем ещё вчера они прощались, не подозревая, что это – в последний раз.

Одна за другой всплывали из рассказов страшные подробности. Как футбольные «ультрас» из Днепрпетровска, вотчины выроodka Бени, были спровоцированы на драку молодчиками, нацепившими георгиевские ленточки, но не снявшими красных шевронов «ПСов», как последние завели их в лагерь, как начался погром, в который, уже не скрываясь, влились фашисты. Как забивали битами тех, кто не успевал убежать, как жгли палаточный городок, как спасающиеся от избиения закрылись в Доме Профсоюзов. Как убийцы ворвались и туда, крушили топорами двери, за которыми искали спасения жертвы, а потом убивали их, экономя патроны. Как распылили какой-то ядовитый газ, а затем закидали Дом бутылками с зажигательной смесью, подожгли и несколько часов не давали подъехать пожарным, а несчастных, бросающихся из окон, добивали на земле...

Так, на земле, был до смерти забит семнадцатилетний студент. Его мать прибежала к горящему дому и умоляла убийц позволить её сыну выйти. В ответ не люди посмеялись: пусть попробует – получишь калеку. Она получила лишь растерзанное тело...

Когда же пожар окончился, убийцы вошли внутрь, чтобы заснять на камеры мобильных тела своих жертв и ещё поглумиться над ними...

Казалось бы, это – предел кошмара. Но нет, зло

не имеет предела. Волна ликования пронеслась от сетевых отмороzków до высокопоставленных киевских узурпаторов. Они восхваляли «подвиг патриотов» и потешались над «жареными колорадами», «майским шашлыком».

И милиция арестовывала не убийц, а их уцелевших жертв, которые якобы подожгли себя сами...

Юру и Иру нашли лишь на следующий день. Они, как рассказывали, сидели на полу, обнявшись. Их тела почти не обгорели. Они просто задохнулись в пылающей газовой камере... Какие слова говорил он ей в последние мгновения? Что отвечала она? Только Господь Бог слышал их, принимая чистые лебединые души в свои чертоги.

Они упали вниз вдвоём,
Так и оставшись на седьмом,
На высшем небе счастья...

Однако и это не было последней каплей кошмара, в который обратилась в те дни жизнь Роберта. Просматривая со всей въедливостью юриста многочисленные видеозаписи, выложенные в Сети, он наткнулся на сюжет о девушках, готовивших «коктейли Молотова» для убийц. Вот, они – весёлые, бодрые. Проворно и со знанием дела готовят мучительную смерть для людей, которых никогда не видели, которые ни им, ни кому бы то ни было не сделали ничего дурного. И вдруг среди этих смеющихся лиц промелькнуло... Роберт не поверил своим глазам, отмотал назад, ещё раз, ещё... Но видео упрямо показывало одно и то же лицо – лицо его родной младшей сестры Лили, которая все эти дни была молчалива и угнетена, что приписывалось естественному потрясению от трагедии...

Не помня себя, Роберт бросился в комнату Лили:
- Ты!.. Ты!.. – заревел с порога, захлёбываясь от ярости.

Сестра смотрела на него испуганными, затравленными глазами, вжимаясь в угол кровати.

- Я не хотела... Я не хотела... - залепетала она. – Я же не знала, что так получится... Что Юра с Ирой...

- Заткнись! – завопил Роберт. – Не смей произ-

носить их имён! Юра с Ирой?! А остальные семьдесят человек, которых ты убила?!

- Я не... я не... убивала... - глаза Лили наполнились слезами. - Я только...

- Нет! Это ты! И твои подружки! Вы убили семьдесят человек! Вы... вы... Твари! Нежить!

- Не надо! Перестань! - вскрикнула сестра, закрывая ладонями уши.

- Сука! Убийца! - докончил свою тираду Роберт. - Будь ты проклята!

При этих словах Лиля сникла всем телом, сползла с кровати и, как тень, скользнула мимо него, вжав голову в плечи, точно боясь, что он ударит её.

Он не ударил, он словно окаменел и не двинулся с места, пока её торопливые шаги и всхлипы не стихли на лестнице, а затем тяжело опустился на её кровать, стиснув руками голову.

Лилька была младше его на восемь лет. Роберт любил её, конечно, но никогда не принимал всерьёз - маленькая сестра, ребёнок и только. А надо было принимать, ещё как надо! Особенно, когда стала она водить дружбу с этим «небыдлом-некозлом» в нацистских татушках. Только сейчас запоздало понялось, что это не дружба никакая была, а втрескалась девчонка по уши в урода. Может, уже и спала с ним... Ей, конечно, только шестнадцать, но в наши дни - дело обычное. Стало быть, всё из-за этого убудка. Как там его? Стасик, что ли? Неважно. Окрутил малолетнюю дурёху, попросил пособить - бутылки зажигательные сделать. Понятно, не говорил, что людей жарить собираются - так, оружие самообороны. Разве ж могла дурёха любимому отказать? Разве думала, что делает, и к чему это может привести? Конечно, нет... Млеющая от каждого его слова, просто выполнила просимое.

А ведь он, Роберт, видел и Стасика этого, и как сестра на него смотрит, и не обращал внимания. Считал, что не следует мешаться в чужую личную жизнь, не будучи тем паче сам в ней образчиком. Донемешался... Юрист хренов! Судил-рядил о происходящем с приятелями за кружечкой пивка, да, вон, в Фейсбуке, а

собственной сестре положение дел пояснить не судьба была. Мала ещё – зачем ей? Ни разу не поговорил с ней серьёзно, ни разу не поинтересовался всерьёз, что у неё на душе и в мозгах делается. Всё работа, да приятели, да Янка-шалава (почему-то сейчас воспоминание о Яне было особенно неприятным) – нормальный современный деловой человек без «загонов» и «крайностей»: таким видел себя Роберт, таким нравился себе. А сейчас внезапно испытал к этому «нормальному человеку» жгучую ненависть.

Не он ли должен был заботиться о сестре, защищать её, помогать ей? Не он ли должен был стоять плечом к плечу вместе с Юрой и Ирой и, если надо, погибнуть с ними? А он валялся в постели Яны, ни о чём не заботясь. «Нормальный человек», значит? Просто эгоистичная скотина...

И, вот, какое право он имел так говорить с Лилей, будучи сам виновен в том, что с ней случилось, допустив это своим равнодушием? Никакого не имел... Скорей бы уж возвращалась она. Надо будет извиниться и, наконец, поговорить по-человечески. Матери обо всём этом знать, конечно, не надо. Незачем, чтобы ещё и она страдала. И без того намучилась двоих детей поднимать после смерти отца, которого не стало через год после рождения Лильки.

Куда, кстати, интересно, убежала она? Уж не к этому ли своему?.. Или к подружкам? Отчего-то на душе стало беспокойно, и Роберт, отступив от собственного правила «не вмешиваться в жизнь сестры», стал обзывать всех Лилькиных подруг...

Увы, ни одна из них ничего о ней не знала. Вечером с работы вернулась мать и, глубоко встревоженная исчезновением дочери, начала второй виток звонков с прибавкой больниц и моргов.

Уже чувствуя, что случилось что-то непоправимое, Роберт отправился на поиски сестры. Сжимая в кармане нож (времена-то какие), он обходил двор за двором, улицу за улицей, побывал на вокзале и набережной, но Лильки не было нигде.

Её нашли утром. Повесившейся... В кармане у

неё была короткая записка: «Я виновата. Я убийца. Я не могу с этим жить. Простите». Прочитав эти строки, Роберт почувствовал убийцей себя. Безмятежный мир «нормального человека» рухнул окончательно, рассыпался в прах. Он ненавидел себя и не находил себе места. Всё, решительно всё, отторгало его, гнало прочь.

Он не мог находиться дома, где зияла пустотой Лилькина комната, а в ней – её фотографии, плакаты с импортными артистами, мягкие игрушки... В том углу кровати, где сидела она в тот проклятый день, теперь сиротливо жался большой белый медведь, её любимец, которого Роберт выиграл для неё меткой стрельбой в тире. Когда Лильке бывало грустно, она сидела, обхватив его руками, уткнувшись носом в его голову. Роберту казалось, что и теперь она сидит так и смотрит на него затравленными глазами – как в последний раз...

Он сглатывал подкатывавший к горлу ком и спешил уйти. Он не в силах был видеть и убитую горем мать. На счастье из Херсона приехала тётя Клава, её любимая младшая сестра, и взяла на себя заботу о ней.

Роберт не ходил на работу, избегал встреч с приятелями. Эти «нормальные» и «адекватные» люди теперь страшно раздражали его. Им всё нипочём. Лишь бы работа, заработок – лишь бы их не трогали. Тронут! Непременно тронут! Всех... Когда-нибудь...

Случайно завидев на улице Янку (её плещущее через край жизнелюбие и яркий наряд выделялись оскорбительными в такие дни), поспешил перейти на другую сторону. Она – спасибо ей – всё поняла правильно, не полезла с утешениями-соболезнованиями. Или, может, просто сторонилась чужого горя, боясь, что оно и её заденет, оберегая свою бесстыжую радость жизни?.. Не так ли, бывало, поступал и он сам?..

Всё гнало его прочь из родного дома, с родных улиц, из родного города... Да и город-то точно иным стал. Прежде шумливый и весёлый, он затих теперь, в испуге ожидая, что же будет дальше. Этим страхом пропитались, кажется, сами стены... Перешёпот: выживших ищут и добивают... Слухи ползут один другого страшнее. А те, что убивали, и сами не вот отваги пол-

ны. Слияли из города тайком. Стасик тот же... Страх, тишина, пустота... С темнотой уже редко кто отваживается выйти из дому, а ведь на дворе май – самая лучшая пора для прогулок, свиданий и прочей прекрасной ерунды, оставшейся в другой жизни. Пуста Потёмкинская лестница, пуста набережная, одиноко взирает на своё детище Дюк, подле которого впервые не резвятся влюблённые парочки. Город в трауре, город пытается понять, как это именно в нём, славящемся своей весёлостью и беспечностью, в 21-м веке, в мирное (казалось бы) время могла случиться новая Хатынь? И как с этим жить? И что делать?

Делать, конечно, ничего не будут... Кроме некоторых единиц, «подполья», которое ничего не изменит. Судьбе Юго-Востока не здесь решаться. Здесь обыватель слишком разнежен, расслаблен. А теперь ещё и запуган до конца своих дней.

Люди, впрочем, каждый день шли и шли к Дому Профсоюзов, несли цветы, фотографии. Выродки по ночам норовили убрать их, даже сожгли крест на могиле одного из убитых: «Спокойно спать будете в России!»... Пришёл на 9-й день после смерти Лильки и Роберт. Долго-долго ходил, узнавая места, виденные на фотографиях и видео. Вот, в этом кабинете отморозок сломал хребет женщине. Её крики слышны были снаружи. Над ними смеялись, записывая на камеры. Одной «самкой колорада» меньше... Роберт уже знал поимённо всех погибших, знал, кем они были и какую смерть приняли. Лица, лица, лица... Он долго стоял на месте, где нашли Юру с Ирой, зажёл большую свечу, положил цветы. Он уже точно знал, что делать дальше. Если прошлая жизнь не позволяет тебе вернуться в неё, а на твоей душе лежит невыносимый груз вины, то единственный способ освободиться – бросить эту самую жизнь на алтарь чего-то, за что не стыдно умереть. Лишь теперь стало осознаться, что и жить надо только тем, ради чего умереть не стыдно. Всё, что не стоит смерти, и жизни не стоит. Это понимал своей чистой душой Юра. Это понимала Ира. И все, кто погиб здесь, понимали. И пошли до конца...

Матери о своём решении Роберт ничего не сказал, соврав, что, не имея возможности найти новую работу в Одессе, хочет попытаться счастья в России. Мать не возражала. Тётя Клава уговорила её погостить у неё в Херсоне, и это было к лучшему. Однако, выговориться всё-таки хотелось. Долго ища, кому бы излить душу, Роберт отправился к Михалычу. Михалыч – старый рыбак, человек простой и грубый, но притом цельный и отличавшийся природным здравомыслием – был другом отца Роберта. Но после его смерти Роберт почти не встречался с ним. А, вот, теперь вдруг вспомнил о нём. Вспомнил, как часто в детстве «ходил» с Михалычем и его ребятами в море, рыбачил. А потом занёсся... Образованный человек, успешный молодой юрист, которому прочили хорошую карьеру. О чём ему было говорить со старым рыбаком? И, вот, появилось, о чём...

Михалыч жил в крохотной комнатухе старого дома. Кроме железной, похожей на больничную, койки, стула, стола, сбитой собственноручно полки и старого, разошедшегося сундука в ней ничего не было. Но даже здесь всё как будто пропахло рыбой, от духа которой Роберт поморщился.

Старик гостю не удивился:

- Седай, - кивнул на койку, - помянем.

Водку Роберт не любил, но помянуть – дело святое. Впрочем, это и не водка была, а что-то сильно худшее, от чего зарябило в глазах.

- Слабак, - махнул рукой Михалыч. – Отец твой крепше был. О горе вашем знаю. Прости, что не зашёл. Я, сам видишь, как бомж теперь, хоть и с крышей над головой. Сомневался, что тебе и твоей матери будет отрадно мою морду видеть. Рад, что сам пришёл, вспомнил старика.

- Я попрощаться пришёл, - сказал Роберт, уже оправившись от выпитого «зелья».

- Уезжаешь?

- Уезжаю.

- На войну?

- Как вы угадали?

- А я не угадывал. Я отца твоего знал. Мужик был.

Хотелось бы, чтобы и ты в него пошёл. А мужику сейчас место на войне. Я бы и сам... кабы не мои годы. А так – разве что Бовочку своего порешить тут, - старик нахмурился. – Знаешь ли, что Бовочка-то, падлюка, в фашисты записался? То-то! У Дома Профсоюзов был, да. С другой стороны! Я как узнал, сказал: «Я тебя, сучонка, породил, я тебя и пришибу, чтобы имя моё не позорил. Пусть оно и не славное, но честное!»

Роберт только рот открыл, не веря своим ушам. Бовочку, старшего сына Михалыча, он помнил хорошим, бойким парнем. Именно он, Бовочка, учил когда-то Роберта и другую «малышню» плавать. А теперь?..

- Правосек ..., - аттестовал рыбак сына непечатным словом, качая заросшей седым волосом головой. – Перед людьми стыдно, веришь? Что от моего семени такая гадина выросла.

- Что же с нами случилось, Иван Михалыч? – тихо спросил Роберт. – Моя сестра готовила для них «зажигалки», ваш сын бросал их в здания... Мой лучший друг с невестой погибли там. А ведь мы же росли вместе, мы все были – одно! Мы учились в одних школах, говорили на одном языке, в наших жилах течёт одна кровь, а теперь они убивают нас?!

- А нам ничего не остаётся, как убивать их, чтобы не быть убитыми, чтобы не позволить им убивать безнаказанно...

- Почему?

- Почему-почему... Потому что в одних дьявол вселился и гонит их бить, жечь, уничтожать... Тех, кому он ещё не указчик. Нас.

- Вы разве верите в Бога?

- Да не то, чтобы... Сам понимаешь, нас воспитывали без всяких там... религий. Но, вот, в дьявола я, глядя на всё теперешнее, начинаю верить. Не обошлось здесь без козлобородого, точно не обошлось. А раз он есть, так, значит, и Бог должен быть... Я-то уж вряд ли эту заковыку пойму, а ты поймёшь! – Михалыч округлил красноватые глаза и пристукнул кулаком по столу.

- Почему вы думаете?

- Ты на войну идёшь. Война тебе и ответит. А ты

мне расскажешь, ежели живой вернёшься, и ежели я прежде того не помру. Обещаешь? – старик лукаво прищурился.

- Обещаю, Иван Михалыч.

- Ну и добре. Поезжай с Богом. Предложил бы я тебе на посошок накатить, да вижу мой самогончик тебе кишки шибко жгёт. Ступай, Робочка. Воюй честно и вертайся с победой. А я постараюсь тебя дождаться.

С этим напутствием и покинул Роберт родной город, захватив с собой лишь деньги и смену белья. «Тебе бы снайпером быть!» - сказал когда-то хозяин тира, где он выиграл медведя для Лили. Снайпером или не снайпером, но за всех погибших, за Юру, за Иру, за сестру он этим гадам отплатить сумеет. А попутно, может, и самого себя на войне отыщет, и поймёт что-то, что не даётся пониманию «нормальных людей»...

Глава 2.

Мирослава – это имя отец дал ей при рождении, а спустя шесть лет, при крещении назвали Верою... Редко бывает, чтобы имена так точно отражали душу, саму жизнь носящего их человека. Миротворчество и вера – такова была суть Мирославы. Да и как иначе могло быть, если сама жизнь сделала её стезю узкой и не предполагающей выбора. Впрочем, может, это ей казалось, что выбора нет, а другая на её месте легко бы увидела его и, не смущаясь лишними «комплексами», обычно отягощающими жизнь совестливых людей, двинулась по совсем иной дороге.

Мирослава была младшим ребёнком в семье. Её любимая сестра, Галинка, была старше её на два года. Умная, весёлая, большая рукодельница, она была для Мирославы примером. К сожалению, от рождения сестра была больна – тяжёлый порок сердца. Врачи вынесли приговор: без операции девочке не дожить и до восемнадцати лет. Операция же сама могла стоить Галинке жизни...

Всё же, когда сестре исполнилось десять, родите-

ли решились. Ведь каждый год промедления снижал шансы на успех операции. Галинке, конечно, не сказали, что именно её ждёт, пообещав, что во сне доктор починит её сердечко, которое позволит ей, наконец, также беспечно резвиться со сверстниками, как Мирославе.

Галинка обрадовалась этому обещанию (она так мечтала о велосипеде и коньках!) и ничуть не боялась. На последнем семейном ужине перед отправкой в далёкий кардиологический центр сестра была очень весела. Родители и бабушка надарили ей множество подарков и также старались выглядеть бодрыми.

Утром Мирослава в последний раз видела ту Галинку, которой так восхищалась, которая учила её читать, помогала с уроками, с которой они вместе взялись сочинять рассказы из жизни животных и мечтали уговорить маму завести им собаку...

Через долгих два месяца сестра вернулась. Но это был уже другой человек. А, точнее сказать, тень, память прежней Галинки... Через три дня после операции её сердце остановилось. Пока снимали незадолго перед тем наложенные швы, пока пытались заставить сердце биться вновь, мозг оставался без кислорода. Итог – полностью недееспособный, искалеченный человек... Впрочем, с «починенным» сердцем, дающим ему возможность промучиться ещё долгие годы.

Даже теперь обращаясь памятью к тем дням, Мирослава иногда думала, что лучше бы этой операции не было. Да, может быть, Галинка прожила бы обидно мало, но она бы жила! Пять, семь, десять лет – жила! Ведь это лучше, чем двадцать лет сидеть недвижно, бессловесно в своём кресле, ничего не мочь, от всего страдать... А сколько ещё впереди...

Тем не менее, Мирослава очень любила свою сестру. Её детство закончилось, когда ту привезли домой, и вся жизнь полностью изменилась. Теперь Мирослава словно стала старшей. Она чувствовала себя ответственной за Галинку и всеми силами старалась помочь ей, ещё надеясь, что её можно вернуть. Она принесла в дом щенка и настояла, чтобы он остался в доме, обе-

щая заботиться о нём единолично. Когда Мирослава к ужасу матери посадила тёплый, повизгивающий комок на колени сестре, лицо той впервые ожило, дрогнуло в подобии улыбки, в её глазах девочка прочитала бесконечную благодарность. Так сёстры снова стали понимать друг друга. И Мирослава поставила себе целью хоть отчасти возратить Галинку к жизни и сделать эту жизнь, насколько возможно лучше, наполнив любовью и заботой.

В школьные годы у неё не было подруг, потому что на них просто не оставалось времени. С уроков она бежала домой – заниматься с Галинкой. Когда к той приходила нанятая родителями учительница-специалист, Мирослава не отходила ни на шаг, запоминая, как та работает. Вместе с Галинкой она смотрела мультфильмы, гуляла, играла перед ней с выросшим в большого косматого пса Динго, читала вслух, рассказывала... В глазах сестры она видела понимание, и это придавало сил. Постепенно Галинка худо-бедно научилась сама есть, ей нравилась музыка, нравились службы в церкви, прогулки, живопись... К сожалению, Город был весьма беден по части галерей, и Мирослава заботливо собирала фотографии известных полотен, увешивая ими комнату сестры. Когда-то имевшая талант к рисованию, Галинка и теперь иногда бралась за карандаш, словно что-то вспоминая, напрягая плохо слушающиеся пальцы. Её рисунки были похожи на те, что рисуют маленькие дети для своих родителей, но врачи и это считали большим чудом «в таком состоянии».

Так прошло детство. Сверстники играли, ходили на танцы, влюблялись. Мирослава ходила за сестрой и вместо модных журналов штудировала медицинскую литературу. Она уже знала, что непременно станет врачом, чтобы помогать таким, как её сестра, и самой Галинке.

Институт Мирослава закончила с красным дипломом. Это была последняя радость отца, ушедшего две недели спустя... Через несколько лет не стало и бабушки. Они остались втроём: Галинка, Мирослава и мать, теряющая зрение и всё реже выходявшая на ули-

цу. Вся жизнь молодой женщины разделилась между больницей, где она работала, и домом, где об отдыхе также можно было не мечтать. И всё же Мирослава не жаловалась. Их троих связывала такая крепкая любовь, которая давала силы им всем. И никогда не думала она поменять свою участь на неведомую «лучшую». Казалось, что всё так и будет вечно... Старый дом на самой окраине с огородом и козой, три женщины, живущие в своём, оторванном от остального мире.

Но однажды в Город пришла война. Без торжественного сообщения («Сегодня в четыре часа утра...»), буднично, но от этого не менее жестоко. Когда колонна вражеской техники только ползла к Городу, казалось, что это всего лишь попытка запугать. Ведь не будут же они, в самом деле, всё это использовать против ни в чём неповинных людей, «преступление» которых состояло лишь в том, что они посмели высказать своё нежелание жить в одной стране с властью, которая не уважает их прав, языка и традиций? Ведь эти вопросы можно решить миром! Просто поговорить с людьми, понять друг друга, приструнить сумасшедших радикалов, чей разбой и спровоцировал народное возмущение!

Когда под танком погиб первый человек – один из тех простых деревенских мужиков, что вместе с бабами вышли останавливать технику голыми руками и витиеватой бранью, закралась первые сомнения. Неужто и нас так давить будут? По трупам пойдут – лишь бы догнуть своё? Нет, не может быть... Ведь всё-таки мы – один народ! Что же они там – если не в правительстве, то в армии – без совести все?

Не верилось. Даже когда гнали к Городу «Ураганы» и «Грады» (никогда Мирослава в оружии не разбиралась, а теперь заставила жизнь) – не верилось. Братья! Люди! Одумайтесь! С кем вы сражаться хотите таким страшным оружием? С малолетними детьми и немощными стариками? Или уже вовсе зашорены ваши глаза и души, и вам всё равно, кого убивать – *лишь бы убивать?*..

Пока шли перестрелки, попытки прорывов в Город, отражавшиеся ополчением, ещё теплилась надеж-

да. Но сегодня утром в огород соседа дяди Вити упал первый снаряд. А затем чуть поодаль ещё один. Дядя Витя задумчиво ходил вокруг воронки, шкрябая покрытый седой щетиной подбородок, качал головой:

- От же ж бисово отродье... Ну, ты, поглянь, Славушка, шо понаделали. Пропали мои грядки! Ещё и стекло на веранде посыпалось... Нет у этих фашистов матерей, не может быть! Чёртовы они дети...

- И чёртовой бабушки, Петрович! – раздался весёлый голос.

Олег легко перемахнул через невысокий забор, хлопнул деда по щуплому плечу:

- Не горюй, отец! Скажи спасибо, что в дом не попало!

- Да уж, спасибо! – фыркнул дядя Витя. – А завтра, поди, попадёт? Как думаешь?

Олег посерьёзней:

- Всё может быть. Пока они только пристреливаются. Проба пера, так сказать...

- Ну, дякую тобі, сынку, обнадёжил, - усмехнулся дед и, припадая на больную ногу, заковылял к дому, бранясь сквозь зубы.

Олег присел на жёрдочку забора и потянул за собой Мирославу, крепко сжав её руку. Та послушно села рядом, глядя перед собой.

Олежку Тарусевича она знала ещё со школы. Это был единственный мальчик в классе, который, насколько не опасаясь прослыть «чеканутым», как «эта», исправно провожал её до дома, выискивал картинки и открытки для Галинки и даже гулял с ними обеими и приходил на чай. Это человеческое отношение к сестре особенно трогало Мирославу, и она была глубоко благодарна за него Олегу.

После школы Тарусевич ушёл в армию, а, вернувшись, устроился в мастерскую по ремонту машин. Руки у Олежки всегда золотые были. Если дом Мирославы ещё не рассыпался на части, то только благодаря ему: крыша, пол, ступени – всё было починено этими работающими руками. Впрочем, было у Олега и ещё одно занятие – так сказать, для души. Пописывал он для себя

разные занимательные истории да стихи. Последние, правда, слабоваты были, а, вот, рассказы Мирославе нравились. Кое-что она даже читала вслух Галинке, и той они нравились также. Сам же Олег, относился к своей «писанине», как к забаве и не более того.

Странные сложились отношения между ними. Мирослава знала, что Олег питает к ней не только дружеские чувства, что он любит её, любит по-настоящему. На видного и работающего парня девицы заглядывались – только свистни! Мог бы Олег и жениться уже, и жить, как все. А он словно не обращал внимания ни на кого, преданно помогая своей однокласснице, вменив себе эту заботу в обязанность. А что же она? Своих чувств к Олегу Мирослава не понимала. Конечно, это был самый близкий, не считая матери и Галинки, для неё человек, единственный друг, на которого всегда можно было рассчитывать. Но любовь... Так связана была Мирослава семейным горем, так занята хлопотами о сестре, что не до себя было, не до разбирания собственных чувств. К тому же какое будущее могло быть у неё с Олегом? Зачем ему такая жена, такие проблемы? Ему совсем другая женщина нужна. Рассуждая так, Мирослава, однако, чувствовала себя виноватой перед Олегом. Ведь невольно подавала она ему надежду, принимая его бескорыстную помощь, позволяя ему подлаживать свою жизнь под её...

Вот, и теперь отчего-то совестно было поднять на него глаза... А он сидел рядом, сильный, уверенный в себе, мужественный. Одним из первых он вступил в ополчение, уже несколько раз побывал «в деле» и чувствовал себя в этой круговерти, как рыба в воде. Прирождённый защитник... Обычную футболку и джинсы сменил камуфляж, лицо загоревшее, обветренное, а глаза синеватые поблёскивают озорно, и волосы светло-русые непокорно вьются – сидит, семечки полужигает и тоже не смотрит на ту, к которой пришёл.

- Я чего пришёл, - сказал, наконец. - Я вечером на передовую выдвигаюсь.

- Куда? - спросила Мирослава.

Олег назвал Предместье, которое наиболее рьяно пытался взять противник.

- Отправляемся в подчинение Сапёра.

- Кто это – Сапёр?

- Комендант тамошний, линию обороны держит.

Говорят, отличный мужик и начальник грамотный.

- Местный или из России?

- Говорят, местный. Но шифруется знатно. При посторонних, а тем паче при журналистах только в маске появляется.

- Может, семья у него, не хочет подвергать опасности, - предположила Мирослава.

- Может быть, может быть, - согласился Олег. – Я, вот, тоже не хочу, чтобы ты себя подвергала опасности.

- Ты о чём?

- О чём? Ты думаешь, «подарок», что к деду на огород залетел, последний?

- Теперь уже... не думаю...

- Ну, правильно. Ты знаешь, сколько они техники нагнали, Мирка? Таким огнём здесь всё живое с лица земли смести можно. Они и будут сметать, потому что воевать не умеют, потому что трусы и сволочи.

- Разве это возможно?

- Возможно, Мирка. Нет, конечно, если к нам «вежливых людей» с не менее «вежливой» техникой пришлют, то «укропам» ловить будет нечего.

- А если не пришлют? – Мирослава тревожно взглянула в лицо Олегу.

Тот помрачнел:

- Если не пришлют, то армагеддец нам здесь обеспечен. По высшему разряду.

- И что же делать?

- Кто может, тем лучше уезжать из города. Детей увозить, больных... Это я тебе, в общем, и хотел посоветовать.

- Ты прекрасно знаешь, что нам некуда ехать, - развела руками Мирослава. – Кому и где мы нужны? У нас же никого нет. Да и больницу я не могу оставить. Там мои больные, их надо лечить...

Олег обречённо махнул рукой:

- Другого я не ждал. Ладно, тогда запоминай: если начинается обстрел, немедленно прячься в подвал. И всё самое ценное и необходимое заранее туда отнеси.

- Олеж, самое ценное у меня – Галинка и мама. Ты себе представляешь Галинку в подвале? И как её туда-сюда таскать? Да ещё немедленно? А если меня не будет дома?

Олег досадливо стукнул кулаком о деревяшку:

- Мир, что ты хочешь услышать? Я не знаю ответа на все эти «если». Если бы моя жизнь могла избавить вас ото всего этого, я бы с радостью отдал её тотчас, но она, знать, слишком дешёва!

Мирослава опустила руку ему на плечо:

- Это твоя-то жизнь дешёва? Да как бы мы без тебя жили последние годы... Я таких людей, как ты, никогда не встречала. Поэтому береги свою жизнь, пожалуйста! У нас ведь кроме тебя никого нет...

Олег сжал её ладонь, пытливо посмотрел в глаза:

- У нас? А у тебя?

- И у меня... - потупила взгляд Мирослава.

- Вот что, Мир... Я давно с тобой поговорить хотел, но всё откладывал. А теперь уже откладывать некуда. Вечером я уезжаю... И я не знаю, что будет через день, через неделю, через месяц. Так, вот, я хочу знать, мы так и будем играть в детскую дружбу или ты всё-таки выйдешь за меня замуж?

Мирослава вздрогнула:

- Олеж, да ведь у меня Галинка, мама... Ты же знаешь...

- Кажется, все эти годы я заботился обо всех вас троих. И твоя сестра с тётёй Аней уже давно мне не чужие. Вы уже моя семья, неужели ты этого не понимаешь? Но я устал от неопределённости, Мир. Я люблю тебя, и не делай вид, что этого не знаешь. Я хочу, чтобы всё по-человечески было и только.

- Я тоже этого хочу, - тихо отозвалась Мирослава. - И... я согласна!

Лицо Олега просветлело:

- Тогда мы обвенчаемся, как только я вернусь! - решил сразу. - А в том, что я вернусь, ты теперь можешь

не сомневаться. Мне и бронежилет не нужен – я теперь заговорённый! – с этими словами он обнял Мирославу и поцеловал её.

Прекрасное мгновение, однако же, было тотчас прервано бестактным ворчанием дяди Вити:

- Гляди-ка, нашли, понимаешь, время хороводиться! Тут, понимаешь, грядки все кобелю под хвост, а у этих...

- А ну тебя, старый ты хрыч, с твоими грядками! – воскликнул Олег. – Женимся мы, отец, понимаешь? Она мне только что согласие дала, вот! А ты – «грядки»!

- Ну... то другое дело, - смягчился дед. – Наши вам поздравления. Такое событие и sprыснуть бы не грех.

- Спасибо, отец, но я на службе, - твёрдо ответил Олег. – Сам знаешь, у нас тут «сухой закон».

- Тоже правильно, - согласился дядя Витя. – Ладно, сынку, ты, главное, накрути хвосты этим поганым за мои грядки да целым возвращайся.

- Обещаю, отец! – рассмеялся Олег и, расцеловав напоследок Мирославу, простился с нею «до свадьбы».

- Эх, дочка, что ж теперь будет? – вздохнул дед, озабочено бродя вокруг воронки.

- Не знаю, дядя Вить, - откликнулась Мирослава. – Что Бог даст... - взглянув на часы, она заспешила домой. Нужно было покормить Галинку, приготовить для неё с мамой всё, что им может понадобиться до завтрашнего утра – Мирослава должна была уйти на ночное дежурство. И... самое необходимое в подвал отнести. Подумать, как оборудовать его для Галинки с мамой. А, главное, как сделать спуск туда. Галинка и теперь всё что маленький ребёнок была – лёгкая, как пушинка. И мама сможет поднять её в случае необходимости. Но мама плохо видит, и, значит, спуск должен быть лёгким. Эх, не догадалась Олега спросить – придётся самой придумывать... И так мало времени на всё!

- Война, дочка, страшная это штука, война... - бормотал вслед дед. – Я войну мальцом пережил, помню... И хаты сгоревшие, и людей повешенных... От уж не думал, что снова придётся ей, проклятой, в бельма её посмотреть...

Не думала и Мирослава, что «война», такое незнакомое ей понятие, «война» - что-то из книг и фильмов, да из других стран, «война» - что-то далёкое и неосвязаемое, станет вдруг жуткой реальностью, в которой ей придётся существовать, ежечасно борясь за свою и чужие жизни.

Глава 3.

- И что у тебя, Таруса, морда, как у нажравшегося сметаны кошака? – насмешливо спросил Олега Стёпка-Курган, когда машина под покровом сумерек тронулась в направлении Предместья.

- Да, вот, женюсь! – без обиняков объявил Олег.

- Тоже дело, - одобрил, блеснув стёклами очков, Профессор. – На свадьбу-то пригласите?

- Всех, всех приглашу! – пообещал Олег.

- Всех, всех... - передразнила рыжая Ленка-Белка.

- В шесть часов вечера после войны, что ль, приглашать будешь?

- А хоть бы и так!

Рота уже успела сложиться и принять участие в первых стычках. Хотя... Какие это, в сущности, стычки были? Так, постреляли маленько, размялись. Зато теперь дело предстояло. На каждого ополченца добро если по десятку человек у противника выходило, а то и больше. А уж оружия-то!.. Против наших «калашей» стареньких, да гранатомётов, да какой-то рухляди времён ВОВ, из музеев изъятой – танки, БТР, самолёты, самоходные установки... Но, чёрт возьми, победил же Давид Голиафа? И в лучшие дни русские не числом, а умением побеждали!

- Да разве ж дело в числе... Как «Градами» крыть пойдут – какое тут на хрен умение поможет? – машет рукой Курган, профессиональный скептик, которого язва-Ленка прозвала «Каркушей».

Но, в общем, прав он, Курган-Каркуша. Если на сердце руку положить, то и с умением у нас не так, чтоб здорово. Ополчение – это тебе не регулярная армия. В

нём простые мужички да пацаны, военных премудростей не знающие. А иные и не служившие вовсе. «Рота» - это пока лишь только название громкое. По численности скорее взвод. До роты ещё добирать и добирать добровольцев. Они, правда, подтягивались в последние дни энергично - и из местных, и из окрестных регионов, и с Большой Земли - но, большей частью, необстрелянные и необученные, которых ещё всему учить да проверять, на что годны. Ведь не каждому это дано - воевать. Не обвыкшему на войне худо бывает. А у тех, что местные и вовсе - «рабочий синдром»: день отслужил, а на ночь к бабе домой. А то ещё, пожалуй, и щец навернуть в обед поспеть норовят.

Ох, и намыкался Профессор, такое пополнение тренируя. Теперь счастлив был. Тренировать остался другой офицер, а его с уже подготовленными бойцами, наконец, отправили на передовую.

Профессора звали Сергеем Васильевичем. Он в Город примчался напрямик из Крыма, а туда из Москвы. Известно о нём было мало, так как он не любил рассказывать о своей жизни. Но уже не раз успели отметить бойцы, что знаний у этого человека на академию наук достанет. О чём ни спросишь, всё знает. Особенно о том, что касалось войн всех времён и народов, да истории, да философии, да литературы... Да и на религиозные темы Профессор не хуже попа трактовал. А, пожалуй, что и лучше. Жаль, времени не хватало на разговоры эти - другим заниматься нужно было. Да и не все ведь просвещения жаждали, хотя свою «энциклопедию при погонах» ценили высоко, уважали.

А Олег не упускал случая оной воспользоваться. Сам он к наукам способностей никогда не имел, потому и о высшем образовании не помышлял. Вроде бы и ничего, да подчас при Мирке неловко становилось. Вот ведь голова! Школа с золотой медалью, институт с красным дипломом, прекрасный врач... А Олег рядом с ней вахлак вахлаком. Только что в живописи маленько поднаторел, пока репродукции для Галинки выискивал. Книжки, правда, почитывал, да и то с ленцой. А Мирка пеняла, настаивала, чтобы он читал и писал

сам. Без чтения, - говорила, - сам не научишься писать по-настоящему. Да он и не стремился, в общем... Всё равно ведь Толстым не станешь, как мать-покойница говорила.

Олег рос без отца. Тот, ещё когда ему не было и двух лет, сошёлся в командировке с другой женщиной да так и остался с нею в Киеве. У них родился сын, Лёнька. Олег ездил к отцу каждое лето, подолгу жил в его новой семье. С Лёнькой они были настоящими братьями и очень любили друг друга. Правда, в последний год пробежала меж ними кошка. Уж очень увлёкся братишка «романтикой» Майдана. Даже башку свою обкорнал – чисто кузнец Вакула, даже усы такие же. И мамаша его с папашей хороши тоже. С него-то что взять – мальчишка, считай! Но эти? Раиса Леонидовна, правда, никогда не отличалась умом, а всё больше настырностью и умением «дожать». Но отец-то куда смотрит? Совсем уже под каблуком у своей Раечки думалку отключил?

Нарочно не общался Олег с родными последние месяцы. На отца он и вообще два года зол был за то, что на похороны матери не приехал. Так и не бывал с той поры в Киеве...

А отца, между тем, не доставало. Не теперь только, а всю жизнь. Оттого ещё так тянуло Олега к Профессору – сыновним чувством. Нет-нет, а думалось, будь у него такой отец, может, и не был бы вахлаком, а совсем наоборот... Интересно, есть ли у Профессора семья? Не похоже... От семьи да налаженного быта, давно переступив сорокалетний рубеж, не срываются так очертя голову. «К чёрту за синюю птицей», как любил он говаривать, цитируя белого генерала Маркова, о котором Олег прежде и слыхом не слыхивал.

Когда Сергей Васильевич узнал, что бойцы окрестили его Профессором, развеселился – так и Маркова величали. Это сходство явно нравилось ему. Он, вообще, словно из другого времени был. Высокий, подтянутый, с сухим строгим лицом, умными, выразительными глазами, чуть скрывааемыми стёклами маленьких очков. Лицо, манеры, речь – всё было каким-то странным в этом человеке. Никогда не слышал Олег, чтобы

Профессор ругнулся непечатно или объяснился ещё более, как он считал, «мерзким» современным сленгом. Ему ругань и не нужна была. Его приказы и без того звучали веско. Замечательны бывали метаморфозы: сидит во время отдыха мирный, как будто и вовсе далёкий от войны человек, рассказывает вкрадчивым, негромким голосом о событиях давно минувших дней, точно сам был свидетелем их – ни дать – ни взять профессор институтский, интеллигент-белоручка. Но, вот, что-то бахнуло, и во мгновение ока исчезает «белоручка» и на его месте является офицер. Голос становится стальным, приказы лаконичны и чётки, движения быстры и уверены. И не вот скажешь, какая ипостась ему идёт больше...

Из остальных сослуживцев Олег давно знал Каркушу и ещё несколько ребят. Был ещё парень из Одессы по кличке Дениро. Он ещё мало чего умел, но так рвался на передовую, что решено было взять его с собой – по ходу дела всему и научится, если жив останется. А пока что окопы пороет, как все новички. Перспектива «землестроительных работ» Дениро не вдохновила, но отступить было поздно. Он жаждал стать снайпером, утверждая, что исключительно метко стреляет. Стрелял он и впрямь изрядно. Вот, только снайпер – это не только умение попасть в цель, но особый психологический склад, хладнокровие. А этого Дениро как раз не хватало.

Снайпер в роте, между тем, был. Белка прикатила, страшно сказать, из Ровно. Её в роте уважали особенно, именно потому что она не просто ополченка, а снайпер. Такие кадры на вес золота. Правда, Олег питал к Ленке смешанные чувства. С одной стороны он восхищался её профессионализмом, выдержкой, мужеством, тем, что она, выросшая на Западной Украине, приехала сражаться на стороне Востока. Но... Но женское ли это дело – стрельба по живым мишеням? Даже, если эти мишени – враги? Ведь это же даже не в бою убивать – ты стреляешь, в тебя стреляют. Это – охота. Выслеживание ничего не подозревающей жертвы и... Необходимость, конечно, но для женщины... С той сто-

роны, кстати, тоже – женщины. Латышки, эстонки... Профессор говорил, такие же были в Приднестровье. Там некоторых из них жестоко истязали, когда удавалось поймать. Они же, твари, не только убивали, но и увечили, глумясь. И в Чечне – так же было.

И чего это бабы в снайперы идут? Или психика их для этого дела более пригодна, нежели мужская? Не мог этого Олег в толк взять. И виделось ему, что женщина-снайпер – это уже не совсем женщина. Во всяком случае, любя и уважая Белку, как мастера и боевого товарища, он никак не мог представить, что её можно, например, поцеловать... Жениться, завести детей... Ну, как, чёрт возьми, жить со снайпером?

Однажды Олег поделился этими своими сомнениями с Курганом. Тот, обычно мрачный, покотился со смеху. Оказалось, что он как раз совсем иначе на Ленку смотрит. И снайперская винтовка в его глазах лишь красит её. Сильна баба!

Ну... Как говорится, каждый выбирает по себе. Для Олега лучше Мирославы на свете нет никого. А разве можно её представить с винтовкой? Ни в каком бреду! А разве слабее она Ленки? Разве занимать ей мужества и стойкости? Да всем одолжит ещё! Но при этом она – сама женственность, нежность, любовь и чистота.

Этого Олег грубоватому Каркуше, конечно, не говорил. Своё вынашиваемое со школьных лет чувство он ревниво оберегал, привыкнув, что понимания оному не встретишь. Скорее, пальцем у виска покрутят. Так было всегда. Сначала в школе он был предметом насмешек за свою дружбу с Миркой. Мальчишки – ладно. Им он всегда мог надавать хороших тумаков и заставить уважать своё право водить дружбу с теми, с кем ему угодно. Но девчонки... Эти со своими языками острыми, когда что не по ним, в настоящих злыдней обращаются. К Мирке они ревновали и считали своим долгом шпынять её, дразнить, пакостить. Ну, и Олегу, конечно, тоже. Но им-то не мог он навешать тумаков! Ходи и терпи...

Даже мать не понимала этой дружбы с «бедной девочкой, у которой такая тяжёлая ситуация дома».

Даже соседи норовили «дать добрый совет». За двадцать лет знакомства с Миркой «советов» этих Олег выслушал бесчисленное множество и, в конце концов, смирился с мыслью, что ожидать понимания от кого-либо не стоит. Даже брату Лёньке он никогда не рассказывал о своей подруге. Даже отцу.

Мать, впрочем, Мирославу всё же приняла. Она заболела, когда Олег был в армии, и Мирка, уже учившаяся на врача, каждый день навещала её, помогала, чем могла. Мать даже как-то сказала, что, если бы не эта забота, то, может, и не дождалась бы она Олега. Правда, после она на какое-то время поправилась и прожила ещё несколько лет... А перед смертью благоговела: «Твоя Мирослава – ангел. Она святая. Если пойдёт за тебя, женись на ней».

Олег и сам Мирку святой считал, потому так долго и не решался объясниться с ней. Он-то рядом с её каждодневным подвигом что такое был? Он и слова для объяснения выдумывал высокие, поэтические (всё-таки книжки читал, поэзию особенно): не банальное предложение руки и сердца, а предложение разделить крест, подвиг... Сочинял и отбрасывал. «Крест», «подвиг» – сам порог церковный в сознательном возрасте лишь однажды переступил, когда мать отпевали, а туда же! Что б понимал... Кабы не война, пожалуй, ещё долго бы не решился заговорить. А тут прижала она, и само всё сказалось – просто и безыскусно. И, оказалось, что лучше этой простоты ничего и нет. Он просто сказал, она просто ответила – и всё встало на свои места. Теперь бы только нечисть эту бандеровскую разгромить, и начнётся совсем другая жизнь. В своей стране, не опоганенной мразью, в своём доме, со своей женщиной, которую он всегда и от всего сумеет защитить...

Глава 4.

По улице из последних сил бежит человек. Рубашка на нём разорвана, по лицу течёт кровь, в глазах – животный страх. Этот страх передаётся мгновенно, как

электрический ток по проводу, и Ирина Ростиславовна вжимается в стену – жаль, никакой ниши рядом.

Топот десятка ног – это уже преследователи. «Москалей на ножи!» «Слава Украине!» «Смерть москалям!» Люди ли это? Нет, не люди. Сбившиеся в стаю дикие звери или, скорее, свора притравленных собак, спущенных с цепи с командой «Ату!» Они уже попробовали крови, и кровь опьянила их, а безнаказанность и даже поощрение в преступлениях окончательно обратили в бешеных зверей.

Они бегут от здания посольства России. Кто этот человек, которого положили они растерзать? Они думают, что это – враг. Сотрудник посольства. И, значит, его надо убить. Киев 2014-го, многим ли отличаешься ты от Тегерана 1829-го?.. Разве что посольство отличается. В нём нет Грибоедовых. Грибоедовы теперь России не нужны. Россия предпочитает Зурабовых. Да и этого подлеца, впрочем, здесь нет, давно «побиг» от греха. Остались лишь рядовые сотрудники. Но беснующаяся толпа легко может растерзать их. Она уже перевернула машины и теперь швыряет в здание булыжники и зажигалки. «Москаляку на гиляку!» «Героем слава!» Этот нескончаемый, месяц за месяцем не смолкающий рёв может свести с ума любого.

Такое ощущение, что уже свели... Едва ли не всех. А тех, кого не свели, тех заставили замолчать. Бойся крикнуть тише других «Слава Украине!», бойся прыгнуть не так высоко, как прыгнул стоящий рядом. Или ты не патриот, гражданин? Тогда ласково просимо на гильотину. Гильотины, правда, пока нет, но и без неё справляются.

Две недели назад арестовали Гришу Федотова, профессора, известного учёного. Ему в его шестьдесят два года вменили работу на ФСБ, подготовку теракта в здании избиркома в день выборов и ещё что-то несусветное. С большим трудом жена, Сонечка, добилась свидания с ним... Оказалось, что в тюрьме Гришу избивали, требуя признания. Сонечка ревела в голос, рассказывая, что у него пол-лица – сплошная гематома. Впереди – суд...

Страшно, страшно жить в Киеве 2014-го года. Страшно уже давно. Выйти на улицу в сумерках – страшно. В лучшем случае, обчистят, в худшем отходят битами. Недавно какой-то «борец за евроинтеграцию» устроил пальбу из пистолета в метро – так, из озорства. Чудом никто не пострадал. И хорошо ещё один был – скрутили его. А, вообще, по одиночке они не ходят – только сбившись в стаи. И что бы они ни делали, милиция не вмешивается. Милиция стоит рядом, когда они убивают и грабят, и делает вид, что ослепла и оглохла.

Она и у посольства стоит сейчас. Слепо-глухая. А что другого требовать от них? За обиду «героям революции» можно, в лучшем случае, поплатиться погонами. А то ещё и подкараулят. А то ещё и до семьи доберутся. Сколько в дни Майдана сыпалось угроз по адресу семей «беркутовцев»! И мало кто сомневался, что это не просто слова. А после «победы» скольких милиционеров отправили на тот свет те самые «герои», которым «слава»? Одних гаишников десятков добрый...

В стране торжествующего беспредела милиция чётко поняла своё место и следовало тому похабному правилу: «тебя не ..., не лезь». Власть теперь они – понаехавшие отовсюду вооружённые молодчики. Склады с оружием на Западе ещё в первые дни раскурочили, а к ним несколько милицейских отделов – милиция и тогда не сопротивлялась, покорно отдавая табельное. Каждый теперь сам за себя, не взывайте, граждане. А граждане, которых «потрошили» уже в марте, обрывали телефоны милиции (той самой, вчера проклинаемой, как «псы режима»), требуя защиты, но «псы режима» не отвечали на звонки. Хотели революцию? Получайте и расхлёбывайте! А мы пушечным мясом уже побыли на майдане – хватит.

В какое-то утро Ирина Ростиславовна была разбужена воплями, доносившимися с улицы. Там шесть молодчиков в масках и шевронами Правого Сектора избивали двух ребят, а вокруг бегала и звала на помощь обезумевшая от ужаса девица. До приезда вызванной кем-то милиции «правосеки» укатили. Милиция записала показания и развела руками. С «правосеками»

вязаться – себе дороже. Впрочем, может и не «право-секи» то были, а обычные уголовники. Красно-чёрный шеврон теперь все цепляли – лучшая броня!

Вон, в поликлинику детскую заявили четверо мальчишек, вызвали заведующую отделением: «Вы не сочувствовали революции и симпатизировали режиму Януковича. И пациентов вы принимаете неправильно, потому что украинцы у вас сидят в общей очереди с неукраинцами. Вы должны уволиться. А если нет, то вашей семье придётся плохо». По-хорошему, поймать сопляков и выпороть по первое число. Но у них – *красно-чёрные шевроны*. А это – страшно. Одессу помнят все. И заслуженная врач покорно пишет заявление...

Страшно! Страшно приближаться к майдану, превратившемуся в Хитровку. Пьянство, наркотики, разврат, драки и грабежи – всё это цветёт здесь буйным цветом. А как иначе? Съехались в Киев «активисты» со всех концов страны. К труду не приучены, аппетитом не обделены, оружие «надыбыли». Да ещё же по амнистии уголовщину из тюрем повыпускали – пополнили ряды «героев». И что же делать этой публике? Из столицы уезжать они совсем не желают – им тут в палатках и захваченных зданиях куда как неплохо. Работать они не умеют. Да и на кой работать, когда можно грабить случайных прохожих и неслучайные магазины и банки, заниматься рэкетом по собственному почину или запродавая себя в качестве грубой физической силы более «крутым пацанам»? Не жизнь, а малина!

Малина – то-то и оно. Вся незалежность воровской малиной обратилась. А «фраерам» остаётся одно: бояться или воевать, как Луганск с Донецком.

Мимо посольства Ирина Ростиславовна идти не рискнула. Слишком жарко там было. Уже ревели протяжно дурными голосами излюбленное: «Путин - ...! Ла-ла-ла-ла-ла-ла!» Вот оно – альфа и омега национального сознания! Вот он пик развития древних укров, произошедших от греческих богов по утверждениям особо патриотичных историков! Вся культура, вся свобода свелась у них к возможности хором петь матерные песни из двух слов, привлекая к тому и детей, писать

непечатные слова на билбордах и футболках. Тяжела поступь торжествующего Хама, мнящего себя венцом цивилизации!

При мысли о детях совсем затуманилась душа Ирины Ростиславовны. Она, педагог с почти полувековым стажем, последние месяцы едва находила в себе силы переступить порог родной школы. Потому что и там, на переменах – скачки дикие: «Кто не скачет...!» А иные педагоги поощряют это, калечат вверенные им души.

«Маши пусть едут туда, где Маши живут, и Петя должен уехать отсюда, если не станет Петрыком», - Ира Фарион, депутат и фурия майдана, ещё когда детишек наставляла, ястребиным носом едва не клюя их! «Нужно, чтобы Бандера приходил к тебе, в твой мир как родственник, как отец, как брат, как что-то родное и неотъемлемое». Чудовище! Истинное чудовище! Виево отродье... Её бы воля – всю Украину русской кровью залила и дальше бы двинулась, в крови той по колено. А ведь кто она? Бывший член КПСС! Комсорг! Помнила Ирина Ростиславовна Фарион в те далёкие годы. Оголтелая большевичка, каких поискать. И ничуть не изменилась с той поры. Просто место КПСС заменило УПА. И то сказать, куда было позднеей КПСС до любезного Фарион большевизма – одно название и осталось. Ни тебе террора, ни тебе «врагов народа» (за редким исключением). То ли дело теперь! Теперь на «ридной Украине» возродился тот самый, первобытный большевизм с его кровавым оскалом и блудливо-безумными глазами. «Каждый должен заплатить кровью за неуважение к украинскому языку! Не знающих украинского языка надо расстреливать!» Одно только и утешает – украинского языка и новая власть толком не знает, потому всё больше по-русски клянутся в ненависти к москалям. И эта ненависть теперь – главная идеология Украины, которой пронизано всё.

По счастью Ирина Ростиславовна преподавала математику, а математика наука точная и неизменная при любых идеологиях. В сущности, оттого и выбрала её полвека назад, несмотря на любовь к литературе и

истории. При советском строе гуманитарные предметы было невозможно преподавать без лжи, а Ирина Ростиславовна лгать детям не хотела. Годы спустя, солженицынскую нобелевскую речь прочитав, поняла – именно тем и руководствовалась она инстинктивно, ещё не вполне умея сформулировать сама: «Жить не по Лжи!»

Она и старалась так жить. И детей учила тому же, насколько было то возможно. И уверена была, что математика всегда оградит её от конфликтов на идейной почве... В советские времена, действительно, ограждала. А, вот, в новые, «евроинтеграционные», не спасла. В мае на очередном уроке один из учеников спросил Ирину Ростиславовну, что она думает о событиях в Одессе. И старая учительница ответила. Не по лжи. Всё, что думала об убийцах и насаждаемой идеологии ненависти. И не учла, что нынешние «павлики морозовы» куда смышлённее и технически оснащённее. В тот же день диктофонная запись её ответа была в СБУ, а на следующий её уволили. «За антигосударственные высказывания»...

Ученики не могли сдержать слёз, прощаясь с Ириной Ростиславовной. Плакала и она. Столько лет в этих стенах проработала! И своих учеников любила, как мать, вникая в их проблемы, стремясь не «программу дать», а воспитать... Сын, Петруша, даже ревновал её всегда к ученикам. Казалось ему, что Ирина Ростиславовна тратит на них больше времени, чем на него, любит их больше... Может, и впрямь в заботе о детях чужих и не досмотрела она за единственным сыном? И он вырос чужим, не понимающим её, не понимаемым ею...

Вот, и семейная жизнь у него как-то не так пошла. Сперва, было, женился на хорошей, скромной девушке, переехал в другой город по распределению, сын у них родился – всё, как должно. А потом завертела нелёгкая! Встретил эту Райку свою... И чем так взяла она его? Конечно, девка красивая была, спору нет. Даже теперь ещё – ядрёная, как говорят, баба. А душа-то скверная, ледащая душа...

Отец Райки был важный партработник и, как

большинство из них, лодырь и пьяница. И сума пере-
мётная. Из ярого коммуниста «перековался» он в столь
же ярого демократа и украинского националиста. За-
нимал тёплые кресла и при Кравчуке, и при Кучме, и
при Ющенко... И всегда тонко-тонко чувствуя перемену
ветра, успевал перескочить на сторону нового фавори-
та. В последние годы был Аркадий Яковлевич консер-
ватором и сторонником сближения с Россией, заседал
в Раде во фракции «регионалов». Повезло же старому
прохиндею, прости Господи, не дожить до новой эры.
А, впрочем, пожалуй и в неё бы успел вписаться и во-
время вскарабкаться на очередной майдан?..

Зато уж Райка-то – успела. Эта женщина не ра-
ботала ни одного дня в своей жизни, хотя любящий
отец на всех своих постах умудрялся оформлять на неё
штатную единицу, обеспечивая дочке «заслуженную
пенсию». Домашних хлопот также не знала она – в се-
мье её не приучали к таким, а Петруша принял это как
данность, взвалив все домашние дела поверх работы на
себя. Сына, правда, Райка ему родила, но воспитанием
его себя не утруждала, предоставив это мужу и свекро-
ви. У самой же у неё были куда более важные дела... Са-
лон красоты, фитнес, кафешки с подружками, премье-
ры и вернисажи, магазины и модные показы, на худой
конец – бразильские сериалы по телевизору. Когда кра-
сота начала увядать, Райка решила заняться более «се-
рьёзными делами» – политикой. Она стала ходить на
демонстрации, примкнула к сумасшедшим «свободов-
цам» и уж конечно с осени торчала на майдане. Даже в
телевизоре несколько раз мелькала – почти «звезда»! А
самое тошное, что потянула Райка за собой и Петрушу-
увальня, и Лёньку, который не так давно вернувшись
из армии, болтался без дела, унаследовав от матери ле-
ность и привычку к «светскому образу жизни».

Этим вечером Ирина Ростиславовна в очередной
раз поссорилась с родными. Семейный обед не задался
с самого начала, потому что Райка с полуоборота завела
«митинг», счастливо сообщив:

- Лёничка записался в добровольцы!

Так и горела вся, не только щёки, но и грудь – что

варёного рака панцирь... И голос визгливо-вызывающий.

- И что у тебя за радость? – хмуро осведомилась Ирина Ростиславовна. – Что твой сын поедет убивать невинных людей и сам может при этом погибнуть?

- Это кто невинные?! – всколыхнулась Райка. – Это путинские террористы невинные, которых он травил на нас?! Это Лугандон с Дондурасом – невинные?!

- Кого ты называешь террористами, Рая? Людей, которые не хотят повторения второго мая?

- Второе мая – гнусная провокация «колорадов»!

- Разумеется. Сами себя подожгли, сами забивали ногами и битами, сами...

- Это всё российская пропаганда! Откуда вы её только набираетесь? Наши ребята пытались помочь этим сумасшедшим! Оказывали им помощь, когда те выпрыгивали из окон!

- Я видела эту помощь, Рая. Я хоть и старуха, но у меня были хорошие ученики и хороший внук, научивший меня пользоваться современной техникой.

- Видимо, в определённом возрасте это становится вредным!

- Рая! – вяло одёрнул жену Петруша, всегда занимавший нейтралитет в семейных спорах.

- Вредно, Рая, слушать лишь голоса ненависти и позволять этой ненависти отравлять свою душу.

- А в 41-м разве не ненавистью фашистов гнали?!

- Ты говоришь о фашистах? – улыбнулась Ирина Ростиславовна. – Ты, стоящая на трибунах рядом с читателями Бандеры...

- Бандера не фашист!

- С людьми, доказывающими превосходство одной нации над другими?

- Мы только боремся за наше национальное достоинство!

- Убивая своих сограждан? Женщин? Детей?

- Предателей, сепаратистов и российских диверсантов! Мы должны защищать нашу страну, разве вы не

понимаете?! Если на нас нападают, то мы не можем сидеть сложа руки!

- На вас? Нападают? По-моему, вас всего лишь попросили оставить их в покое и уважать их право жить так, как они хотят. А вы, вместо того, чтобы любовно уладить конфликт, прийти к разумному компромиссу, послали армию против народа. Неужели вы думаете, что сохраните государство, разорив, уничтожив и навсегда отделив от себя пролитой кровью огромную его часть? Вы просто безумцы! Вы пришли на Майдан свергать бандитскую, насквозь проворовавшуюся власть. Но с кем вы пришли её свергать? С представителями этой же власти, такими же ворами и мерзавцами! И их вы возвели на высшие посты!

- Не смейте так говорить! Мы боролись за наше достоинство!

- Достоинство во главе с ворами и извращенцами во главе?..

- Вы оскорбляете память небесной сотни, погибших героев!

- Мне жаль ваших героев. История знала много революций. Но наша страна может гордиться своим первенством, ибо никогда ещё нищие не свергали одних олигархов с тем, чтобы посадить на их место других. За что погибла небесная сотня? За то, чтобы олигарха Януковича сменил его министр финансов олигарх Порошенко, а вся страна была разделена на вотчины новых феодалов панов Коломойского, Таруты и иже с ними? Рая, попытайся хоть раз посмотреть правде в глаза.

- А мне не нужна ваша москальская правда! - зло бросила Рая. - На нас напали, и мы должны дать сдачи - это сейчас главное! А вам бы следовало помнить, что это не мы вторглись в чужие границы, а москали!

- В самом деле? Когда ваши хлопцы со Львова и Ивано-Франковска приехали в Харьков и Донецк и, захватив там администрации, попытались диктовать свою волю, это разве не было вторжением в чужой дом со своим уставом? Или, быть, может их туда звали?

- Это были просто дети! Настоящие патриоты,

желавшие поскорее покончить с остатками «совка» и прошлого режима!

- Остатки прошлого режима сидят в кабинете министров. А те, кого ты называешь детьми, избивали людей железными прутьями, видимо, желая таким образом донести до них «европейские ценности».

- Неправда! Это их избили ваши звери!

- Их в течение недель просили уйти по-хорошему и дать людям работать. Естественно, когда слова не возымели действия, пришлось попросить менее вежливо. И, между прочим, никто при этом не был хоть сколь-либо изувечен. Разбитые носы в расчёт не принимаются.

- Вам лучше уехать с Украины, - холодно произнесла Рая.

- Почему вдруг? Я здесь прожила всю жизнь. И мои родители, и деды. Почему я должна уехать?

- Потому что вы не любите Украину и украинский народ! И украинский язык!

- Ты знаешь украинский язык, Рая? Это новость, я рада за тебя. Но ты напрасно упрекаешь меня в не любви к нему. Напротив, я люблю украинские язык, люблю украинские песни, которым учила меня ещё моя бабка. Но песни «Ла-ла-ла-ла» и «Мы не быдло...» я, действительно, не люблю. Потому что я вообще не люблю пошлости, злобы и бездарности. Я люблю Украину и украинский народ, потому что это моя земля, моя кровь. Но я не собираюсь любить безродное племя, которому вместо национальной культуры, вложили в душу дикую спесь ограниченных холопов, возомнивших себя потомками древних римлян и родичами лучших европейских фамилий, и ненависть и презрение ко всему, чей цвет выбивается из жёлто-блакитных тонов. Я предпочитаю, чтобы именно это племя покинуло мою землю, уехав в Галицию, в Польшу, в Литву... Хоть в Америку! Только подальше от моего города, потому что мне невыносимо видеть как измываются над ним ваши новые гунны!

- И всё же уехать придётся вам, - поджав губы, процедила Рая, не обращая внимания на робко-про-

сительные взгляды мужа. – Вы настолько ненавидите Украину, что вас даже не волнует судьба вашего внука, который идёт за неё воевать!

- Опять неправда. Я очень люблю моих внуков. Если ты не забыла, их у меня два. И мне жутко от мысли, что, может статься, эти мальчики будут стрелять друг в друга. Во имя чего, Рая?

- Во имя свободы и независимости Украины!

- Во имя свободы очередных олигархов грабить нас, прикрываясь словами о пламенной любви к отечеству? А ведь их сыновья не идут воевать, Рая. Идут наши. Мой старший внук, по крайней мере, будет сражаться за правое дело. А Лёня... Мне очень больно, Рая. И очень страшно. Потому что я не хочу потерять моих мальчиков для того, чтобы какие-то мерзавцы получали свои дивиденды с их крови. Попытайся остыть и понять меня, - с этими словами Ирина Ростиславовна поднялась из-за стола: - И ты, Петя, попытайся. Олег и Лёня – твои сыновья. И нельзя, чтобы они стреляли друг в друга. Подумай об этом.

- Нам не о чем думать! Наш сын - герой майдана! И на войне он будет героем! – эти истеричные крики она услышала уже в прихожей. И как после такого разговора не поверить, что над Украиной ставится эксперимент по испытанию новейшего психотропного оружия? Ведь они – неменяемы! Настолько, что самые естественные человеческие инстинкты и то притупились в них. Слепая ненависть и безумная гордыня вытеснили всё... Сумасшедший дом, секта... Только неделей раньше у Рады собрались на радение методисты в жёлто-блакитных одеждах и пели «Аллилуйю» властям. Дикое и страшное зрелище массового беснования. А ведь оно – по всей Украине смертоносным вирусом расплозается...

Устало брела Ирина Ростиславовна по пустынным и грязным (грязь – тоже примета времени) улицам. Болело сердце за внуков, и оттого ещё пуще, что ничем не могла им помочь, не могла защитить их. Во второй раз рушился мир, в котором прожила она более семидесяти лет. И на этот раз, пожалуй, страшнее. А, по

сути, нынешний кошмар лишь естественное продолжение того, двадцатитрёхлетней давности. В других странах гражданская война и этнический геноцид прошли уже тогда, сразу, по горячим следам. Молдавия, Грузия, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан... А на Украине отсрочка вышла. Не вызрел тогда ещё плод ненависти, но за без малого четверть века изрядно удобрили и взрыхлили почву, чтобы он наполнился соком. И, вот, настала страдная пора, и проклятие 17-го, а затем 91-го годов вновь потребовали кровавой жертвы. И, вот, приносилась она под сатанинскими плакатами с изображением смерти, черепов, младенца Антихриста и прочей символики, коими украшен был Майдан, под ритуальные песни и удары в бубны, достойные диких племён африканского континента, под зовущие убивать крики застрельщиков новой великой бойни... И в этот-то обмолот, в жернова беспощадные внуки должны попасть. Господи, как же страшно жить в мире Твоём, людским безумием и злобой изувеченном!

Глава 5.

Последний вечер перед отправкой в зону АТО Лёня Тарусевич коротал в палатке Стасика Лося и Сёмы Лопаты. Знакомство их было давнее – ещё со времён школьного лагеря, в который мать определяла Лёню на каждое лето. В лагере было хорошо: ни доставших по самое не могу «родаков», ни бабки, вечно читающей нотации. А пацаны там были – не в пример ему «мальчику из интеллигентной семьи» - уже с приводами в милицию, с трудной судьбой, с «прошлым». Они в своём детско-подростковом возрасте уже успели испробовать, если не всё, то почти всё, а потому были у остальных мальчишек, не имевших столь солидного «опыта» в большом авторитете. И Лёня не был исключением. А над этим авторитетом был ещё один авторитет – Стёпа Гетман. Гетман – уважительно – за то, что для мальчишек не каким-то там «пионер-вожатым», а истинным предводителем, командиром был. И за то,

что истинный патриот Украины. Лагерь, в сущности, весь был патриотическим – песни УПА знали назубок, портреты Бандеры и Шухевича висели на почётном месте. Но Гетман был Патриотом с большой буквы. Никто не умел так вдохновенно рассказывать об истории и героях Украины. И ещё тогда, десять лет назад, говорил Стёпа, что Украине ещё предстоит отстаивать свою свободу перед лицом хищных москалей и в кровавой купели обретать её, ибо только омытая кровью, она будет осознаваться величайшей ценностью, которая вновь сделает из украинцев великую нацию, какой она была когда-то, но перестала быть под гнётом всё тех же проклятых москалей.

Гетман доходчиво объяснял, что Украина была не просто частью Европы, но её основой, именно древним украинцам обязана Европа своей цивилизацией и свободой, и теперь, века спустя, украинцам вновь надлежит вернуть себе утраченное положение, вернуться в европейскую семью, вырвавшись из лап азиатских варваров – потомков Чингисхана. У них, у потомков, и во все никакой цивилизации не было, кроме той, что украли они у украинцев. А так, до 18-го века жили они под властью крымских татар, от которых их цари получали ярлыки. Между тем, как свободные украинские казаки уже тогда вместе с европейцами воевали с неверными и ходили в морские кругосветные путешествия.

Величаво смотрелась родная история в рассказах Стёпы, и мальчишки слушали его, разинув рты. Гетман же настолько увлекался, что подчас, рассказывая о самых драматичных страницах, срывался на плач. А ещё у него был прекрасный голос, и он пел украинские песни, играя, между прочим, на бандуре.

В общем, для мальчишек Гетман стал первым кумиром, которому они свято верили, и за которым готовы были идти в самое пекло. Именно тот факт, что Стёпа отправился воевать с сепаратистами, подтолкнул Лёню последовать его примеру, записавшись в батальон, которым командовал Гетман. Сообщить об этом и проститься и пришёл он теперь на майдан, где ещё недавно вместе со Стёпой и его сотней, в которой, ко-

нечно, состояли Лопата и Лось, свергали ненавистный режим.

Теперь майдан больше напоминал помесь беженского лагеря и ночлежки. Бывшие активисты пили так, что запах перегара разносился по округе, что выкупе с грязью и отдельными безобразными выходками «героев», вызывало законное недовольство граждан. Асоциального вида типы собирали деньги «в помощь АТО», которые немедленно пропивались. Не утратившие крестьянской закваски разбили возле палаток грядки. Само собой, не было недостатка и в бабах, и в палатках царил разврат. Власти города уже не раз предпринимали попытки спровадить куда-нибудь зажившихся в центре столицы вчерашних «героев», но те на все подобные предложения отвечали дружным посылом по известному адресу, который по утверждению лингвистов, также был украден у украинцев проклятыми москалями.

- Ну, шо, Леон, никак на защиту отечества собрался? – весело приветствовал уже поддатый Лось Лёню. – Молодец! Только смотри, к Ляху не записывайся! Слышь? А то, говорят, что он с Мусей и Лялей всех новобранцев сперва дегустирует! Трубой!

- Какой ещё трубой?

- Железной, какой ещё? Своя-то, видать, перегорела от перенапряжения! – Лось и Лопатой загоготали, и Лёня, поморщившись, хохотнул тоже, успокоил друзей:

- Я к Гетману в батальон записался.

- Во! Гетман – мужик! Гетману – уважуха! – согласился Лось.

Щуплый, с обритым черепом и оселедцем, с кольцом в ухе и пирсингом в носу и губах – он производил карнавальное впечатление, но Лёня не делал ему замечаний. В феврале в стычке с «беркутовцами» Лосю выбили четыре зуба и вообще здорово отходили дубинками, так что его героизм подвергать сомнению было невозможно. То ли дело Лопата, прозвище которого явилось из похабного анекдота, который он норовил всем рассказать. Этот дюжий молодец, тучный и не-

поворотливый, валялся теперь на грязном матрасе и самозабвенно курил «траву», которую так легко теперь стало добыть.

- А вы-то, пацаны, ещё долго портки здесь просиживать собираетесь? – поинтересовался Лёня. – Война ж идёт...

- Курнуть хочешь? – вяло спросил Лопата.

- Мы лучше выпьем, - ответил Лось, потягивая Лёне початую бутылку пива. – Задрал уже своей «травой»...

Пива Лёня глотнул и вопросительно посмотрел на Лося.

- Ну, шо пялишься? Можно, подумать, мы здесь из трусости сидим. Ты пойми, фронта у нас сейчас два. Один – внешний, другой – внутренний. Сам-то вишь, какая ... выходит? Мы в феврале кровь свою проливали на ..., чтоб олигархов и жидов убрать, а что в итоге? Пришли те же п...сы, чтобы дальше нас дегустировать, как Лях новобранцев, в особо извращённой форме! И оказалось, что мы им на ... не нужны! Денег ваще не платят! Даже оружие хлопцам за свои кровные покупать приходится!

При упоминании о деньгах Лёня смутился. Ему и в феврале никто ни за что не платил... Что ж, выходит, сотне Гетмана платили? А с оружием и впрямь засада. Порох, сука, обещал солдатам занебесное жалование перед выборами, а теперь и не хрюкает. Бронежилеты и то самим покупать приходится. А не купишь сам – так и поедешь под пули сепаратистов безо всякой защиты.

- И дальше шо?

- А то! Что надо нам теперь и этих предателей урыть, как Янока, иначе опять житья нам не будет! Они будут жировать, а мы лапу сосать или ещё что! А вот ... им!

- Да ты, Лосяра, никак новый майдан собрался устраивать?

- А шо делать-то? Не сейчас, понятно. Сейчас перво-наперво москалей и сепаратюг урыть надо. Прав был Гетман – настала пора крови их испить! Мало им, что они наше украинское море, нашими предками вы-

рытое, своим объявили, так ещё ж и на наши земли лезут! Ну уж ... им! Мы ещё до Москвы дойдём! И Кремль разграбим! И х...о ихнее за ноги повесим!

- Ты же пока здесь остаёшься?

- Придётся... - вздохнул Лось. – Должен же кто-то и эту линию фронта защищать! А то снимемся мы все в патриотическом порыве, очистим майдан – им же только того и надо! Тогда уж за ними, предателями, вовсе никакого контроля не будет! Майдан – наша крепость! И её мы будем защищать с оружием в руках! А если нас здесь стоять не будет, то тутошние предатели вас там продадут! Вот, вы москалюг кровью умоете, а потом с оружием вернётесь, тогда-то и наведём порядок! И всех этих, - Лось принялся загибать пальцы, - Коломойских, Порошенок, Тимошенок, Яценюков – всех люстрируем по самое не могу! И будут ихние дворцы нашими, как дворец Янока был в феврале, жаль, недолго... Они думают, шо мы дебилы, и с нас хватит того, шо одна жирная ж...а заменила другую на золотом унитазе! Но мы не дебилы! И наши погибшие братья не за то погибли, а шоб власть была наша, народная! – он уже был сильно пьян, а от собственных речей ещё сильнее распался. И, вот, возопил, закатив налившиеся кровью глаза, хрипло: - Слава Украине!

И подскочил задремавший Лопата, как солдат при команде «подъём!»:

- Героям слава!

- Слава нации!

- Героям слава! – ответил эхом уже весь майдан.

- Путин – х...о!

- Ла-ла-ла-ла-ла-ла!

- Во! Чуть не забыл, - Лось полез под матрац и выволок оттуда щиток на ремешках с последним из только что прозвучавших «паролей», по которым патриоты узнавали друг друга.

- Это шо? – не понял Лёня.

- Бери-бери! Это подарок от нас с Лопатой! Будешь на бой с москалями одевать, как эту... как её...

- Кирасу, - подсказал Лёня.

- Во-во! Сейчас многие хлопцы такие себе сделали! Давай, Леон, накатим ещё – за хлопцев!

За хлопцев накатить – дело святое. Хлебнув ещё, Лёня, не очень-то привычный к «возлияниям», поделился с друзьями тяжкой думой:

- А у меня ведь брательник кровный там. На Донбассе...

- Сепаратюга? – нахмурился Лось.

- Скорее всего... Мы с ним ещё зимой разругались...

- И шо?

- А то. Шо ж, мы теперь с ним друг в друга стрелять будем? Нехорошо это...

- Ты это брось, – мотнул головой с сальным оселедцем Лось. – Сепаратюги нам не братья. Даже если кровные. Сепаратюги – це враги, а врагов надо убивать.

- Сепаратюги, москали... Лось, а у меня ведь отец – русский. И бабка. Выходит, что и я москаль?

- Какой ты на ... москаль? Ты украинец! Все, кто любят свободную от москалей Украину и сражаются за неё – все украинцы. И даже те москали, что в России нас поддерживают, они не враги нам. Гетман говорил, что миссия украинского народа – не только самому вернуться на искони принадлежащее ему в Европе место, но показать пример тем москалям, которые на самом деле не москали, а нормальные... Которые не колорады. Которые тоже сознают себя европейцами, а не азиатами с их выдуманым русским миром. Мы ещё и их должны освободить! И, вот, тогда заживём! Представляешь? Европа... Европейские харчи, тряпки... Мы по Парижам с Лондонами ездим...

- А на что мы по ним ездим? – прервал мечты друга Лёня. – Мы ж институтов не кончали... Кем же мы там работать будем?

- Дурак! На ... работать в Европе? Там всякие азиаты есть, шоб работать. А нам пособия будут платить. А у них там пособия такие, каких мы здесь зарплат не видали. То-то жизнь настанет! И давно бы настала уже, если бы не эта ватная сволочь... Ты уж, Леон, постарайся. Надо эту колорадскую мразь выжечь, как в Одессе,

чтоб и следа не осталось! И поскорее! Осень уже скоро, а там и зима. А вторую зиму ж...у здесь морозить да ещё без снабжения – околеть недолго!

- Ладно, постараюсь... - пообещал Лёня.

- Слава героям! – вновь истошно завопил Лось.

- Слава нации! – заревели нетрезвые голоса.

- Смерть москалям!

Кричал и Лёня, с каждым выкриком чувствуя, как отлетают от сердца туманившие его сомнения, как легка и пуста становится не отягощённая тяжёлыми думами голова, и как взамен этого всё существо наполняется твёрдой решимостью сражаться с врагами родной страны до победного конца.

- Ла-ла-ла-ла-ла-ла! – ударили в здоровенный там-там где-то совсем рядом, и ещё бодрее стало на душе.

«За одного нашего убьём десять ваших!» - так сказал священник на похоронах одного из погибших на войне хлопцев. Да-да! Именно так! Десять! Двадцать! И нечего жалеть и оглядываться! Потому что – никогда мы не будем братьями!

Глава 6.

Снова пиликнул, действуя на нервы, фейсбук. Кого там ещё несёт нелёгкая? А! Очередной скачущий придурок! В бан без разговоров – наговорились уже за эти месяцы с каждым по очереди и со всеми сразу. Каждый раз от таких «дискуссий» ощущение, точно в кунсткамере побывал или в дурдоме.

В последнее время Николай переживал, как сам он формулировал, кризис собственной идентичности, поскольку неожиданно для себя оказался по разные стороны фронта с лучшими друзьями и по одну с теми, с кем бы ещё недавно и разговаривать не стал.

Николай Юшин вырос в семье, где «советское» не признавалось категорически. В отличие от абсолютно-го большинства сверстников он хорошо знал историю своей семьи, начиная с 19-го века. А историей этой не грех было гордиться! Его прапрапрадед, белый генерал

Тягаев, служил у Колчака, а позже был ближайшим соратником Врангеля и скончался в эмиграции, а брат генерала погиб, обороняя Крым от большевиков; его прапрадед погиб при отступлении армии Колчака; прадед, которого прапрабабка вырастила чудом, оставшись одна в Советском Союзе, был художником, фотографом, кинематографистом, но практически ничего не успел создать, т.к. погиб в лагерях, успев оставить лишь сына, родившегося также, в лагере. Матерью же его стала оперная певица, чью жизнь также сломал ГУЛАГ, потомница старинного дворянского рода Аскольдовых, дочь белого офицера, прошедшего Соловки, тайно вернувшегося из эмиграции в СССР и до глубокой старости прожившего в Забайкалье под видом простого таёжного охотника...

Таким образом, по своей родословной Николай был «белым», как говорится «от и до», и гордился этим. Родители и воспитывали его в этой гордости. В сознании себя верноподданным Российской Империи и русского Царя, если только такового угодно будет Богу даровать России. Семья Юшиных была глубоко религиозна и принадлежала к той части Православной Церкви, что ещё в конце 20-х ушла в подполье, не желая иметь ничего общего с богоборческой властью, и донныне чтимой церковью официальной «расколом», несмотря на прославление большинства главных «раскольников» в лике Новомучеников и Исповедников.

Соответственным был круг семьи Юшиных: историки Белого движения, уцелевшие отпрыски дворянских родов, эмигранты, катакомбники!... В этой среде Николай рос и ею был во многом отделён от своих сверстников: слишком разны были их интересы и понятия, их запросы. Отчасти Юшин гордился этим. Как-никак он – настоящая белая кость и голубая кровь!

1 Представители той части Российской Православной Церкви, которая в 1927 году не поддержала политику митрополита Сергия (Страгородского), уйдя в подполье и образовав т.н. Катакомбную (иначе – Тихоновскую или Истинно-Православную) Церковь. Во главе ИПЦ стояли многие прославленные в лике святых Новомученики и Исповедники Российские.

А они кто? Продукт советчины, контуженные совдепом от рождения люди. В восемнадцать лет легко раздавать ярлыки, легко презирать и ниспровергать. Николай настолько вошёл во вкус своей «белизны», что нарочно выставлял напоказ свои убеждения и презрение к «совку», и, пожалуй, прыгнул бы с моста, если бы это понадобилось, чтобы лишний раз продемонстрировать, что сам он не «совок».

В двадцать два мыслится не шибко трезвее, но когда в судьбе страны, в которой ты живёшь (именно так, пресловутую РФ Николай не считал своей, заходя в своём отрицании значительно дальше умудрённых жизнью родителей) происходят поворотные события, то что-то ломается в твоём казавшемся таким незыблемым мировоззрении, какие-то неведомые шестерёнки начинают заедать и, наконец, рассыпаются, заставляя тебя многое увидеть другими глазами.

Ещё с февраля дома начались споры родителей с близкими друзьями семьи.

- Наконец-то! На Украине свергают большевиков! – радовался старый профессор Ревунов. – Валят поганые идолища!

- Помилуйте, да ведь эти несчастные люди просто не знают своей истории, иначе были бы благодарны идолищу за создание своего государства, – отвечал на это отец. – А они видят в нём лишь ненавистного москаля, оккупанта. Равно как в Кутузове, Пушкине, Екатерине Великой...

- Причём здесь Пушкин! Люди, наконец, восстали против ненавистного «совка», а вы!.. Всё-таки украинцы гораздо больше заслужили называться нацией, чем русские!

- Потому что свергают одних мерзавцев, чтобы посадить других за американские плюшки и в глупой надежде вступить в европейский Содом?

- Уж не Киселёва ли вы наслушались?

- Вы забываете, профессор, что в нашем доме нет телевизора. К тому же любая пропаганда всегда лишь вредит правде, заставляя сомневаться в ней путём прищипывания к ней вовсе не нужной лжи.

- Тогда не могу понять, откуда вы берёте столь дикие вещи. Вот, увидите, украинцы изберут достойных людей во власть и начнут строить правовое, демократическое государство.

Отец рассмеялся:

- Украина никогда не была государством и не будет. А будущих «достойных людей» мы уже видим на трибунах. Воры из всех бывших правительств и несколько маргиналов и уголовников.

- А народ? Народ?! Разве не видите вы, сколько прекрасных лиц среди него?!

- В толпе Февраля 17-го тоже встречались вполне симпатичные лица. Народ в истории – то же самое, что массовка в театре. Необходим для фона, но спектакля не делает.

В те дни Николай не понимал отца. Ненавидящий воровскую клику, заправляющую в РФ, он уже грезил, как и в России народ, наконец, поднимется и сметёт её, как сметали на Украине её подельников. Двое приятелей Юшина ездили в Киев и участвовали в столкновениях с «Беркутом» - вернулись полные восторга от увиденной «народно-освободительной борьбы». Восторгался, слушая их, и Николай.

Но победа майдана быстро охладили его восторги. Растерзанные «беркутовцы», грабёж и погромы, делёж областей между евреями-олигархами, беснование «черни» под водительством Ярошей, Музычек и прочих уголовников. Нет, это не долгожданной воздух свободы был, а смрадное дыхание 17-го года. Вон, даже «Яблочко» переиначили на «бандреровский» лад. Нет, это не победа народа была, а очередное торжество разнузданного Хама и узкой группы мерзавцев, натаскавших и спустивших его с цепи.

Страшён Хам, спущенный с цепи, опьяневший от вседозволенности... Пьяная вакханалия охватывает всё и вся. Гуляй, душа! Всё теперь можно тебе! Всё – твоё! Грабь, насилуй, жги, убивай – всё дозволено, если речь идёт о врагах, а во враги ты сам волен записать всякого, кто окажется недостаточно отзывчив к нуждам революции! Идут хлопцы по домам, стучат в двери: «Скида-

вайтесь, граждане, на нужды майдана!» А если нет, то всё равно возьмём – а вам пожалеть придётся! Налагают хлопцы налог на припаркованные у домов машины: «Платите, граждане, по тысяче в день на нужды героев майдана!» А не то сожжём ваши машины к известной вам матери – «зажигалок» у нас на всех хватит. Нападают хлопцы на одиноких прохожих, на автолюбителей, на гаишников (этих, как в 17-м городских, стреляют сразу). Слава Украине!

А ещё же открыты патриотам дворцы бежавших правителей – а там всего есть! И выпить, и пожрать, и своровать, и пострелять. У генпрокурора бывшего постреляли лебедей на пруду, в личном зоопарке Янока – распяли беркутов. От вида этих несчастных птиц затошнило Николая. Вот, она – революция во всей своей мерзости! Вот, он – большевизм настоящий, не в букве (лозунге), а в дьявольском духе своём.

За этих птичек «уели» Юшина друзья. Мол, как это не стыдно вам, Николай, петь с «совкового» голоса? Герои майдана птичек бы никогда не обидели! Не клеветайте!

Это Николай-то – с «совкового» голоса поёт? Ну, уж извините! Николай Юшин только своим голосом поёт, а вот вы, майданутые зомби, реальности видеть не хотите! От резкостей Николай на тот раз, правда, удержался, показал психическим видеозапись расправ над «беркутовцами», как глаза выкалывали, как истязали. То есть это могли делать герои майдана, а птичек не могли? И как вам это? Нравится? А «пофиг» им человеческий выколотый глаз и измывательства над ранеными людьми. Даже вниманием не удостоили. Ты нам, Николай, про птичек докажи, а если не можешь, так и не клевети. Пришлось послать майданувшихся друзей лесом. Ну, а как ещё, если этим человеколюбцам на живого человека плевать?

- Это только первые капли великой крови, - говорил в те дни отец. – Подождите, это лишь посев. А скоро будет жатва, страшная. Пол-Украины русская кровь зальёт. Уж они постараются...

Теперь уже прислушивался к нему Николай и по-

степенно понимал, что единственное важное теперь это именно судьба русских людей на Украине, крови которых жаждали радикалы, и единственной заботой России и русских людей должно быть – как бойню эту предотвратить, как своих защитить.

Пытался Юшин объяснять это, а на него махали руками, обзывая «ватником». Каких-таких русских людей увидел уважаемый Николай? Это те «быдлосовки», что у памятников Ленину гужуются? Не срамитесь! Русского народа давно нет! Он уничтожен большевиками! Остались только эти красные выродки...

Не понял Николай. А мы тогда кто?

Мы? Нет, ну, мы, само собой, русские. Русские европейцы, чудом уцелевшие...

Русские – кто? Русским Николай всегда себя считал, а европейцем... Да с какого же? Конечно, он знал и любил европейскую культуру, «европейские плиты», о которых Достоевский писал, но с нынешним Содомом иметь ничего общего не желал. Да и вообще западничество всегда было враждебным России течением.

Ах, опять у вас, Николай, советские штампы! До революции мы были Европой...

Достоевский – советские штампы? Брянчанинов? Нилус? Ну, отождели ребята! А Пушкина и государя Александра Миротворца слабо почитать? Не говоря уж о Данилевском... И ведь вот наглость – «уцелевшие» они! Николай и впрямь со своей родословной имел право себя таковым считать. А эти? Да почти все, кто постарше, в комсомолах состояли! Ну, а если сами по летам не успели, так родители! Все – из самых что ни на есть советских семей вышли. Туда же! «Уцелевшие» они! И теперь – борющиеся... Правда, «борьба» не мешает некоторым из них преподавать в государственных ВУЗах и печататься в прессе. Принципиальность – наше кредо, так что ли?

И ведь вот дикость – вся их «любовь» к «былой России» вылилась в ненависть к России теперешней, не режиму, но самой стране, в ненависть и презрение к отдельно взятому русскому человеку и всему русскому народу в целом. И это почитали они своей «фигой в

кармане», хотя именно в этом шли рука об руку с российской властью, питавшей вполне сходные чувства к русским людям.

В марте не усидел Николай. Хотя закончил он истфак, но подвизался по журналистской части и в качестве независимого журналиста поехал в Крым, русское восстание которого было тотчас объявлено его украинствующими знакомыми «совковым». Вот, только на многотысячном митинге и памяти о «совке» не было. Два знамени Победы, в счёт не идущие, да один косноязыкий оратор, которого быстро попросили с трибуны. Севастополь – из русских городов самый русский. Был, есть и будет. И какое отношение имеет он к Украине?

Севастополь... С особенным чувством ходил Юшин по этому городу. Графская пристань... Отсюда без малого сто лет назад уплывал из России навсегда его предок – белый генерал Тягаев. Николай всегда гордился этим родством, и фотография прапрапрадеда висела у него в комнате. Теперь же ему казалось, будто бы тень белого генерала идёт рядом с ним, следит за всяким его шагом, оценивая – достоин ли окажется потомок славы пращуров?.. Из Севастополя Юшин проехал в сторону Перекопа, где погиб другой его предок. Сердце бешено колотилось. Никогда ещё Николай с такой силой, с такой пронзительностью не ощущал своей неразрывной связи с Россией, своей русскости. До дрожи, до слёз...

А ночью ему снился Белый Генерал. Высокий, сухопарый, с тонким породистым лицом и пронзительными глазами, похожий на средневекового рыцаря... Белый Генерал шёл рядом с ним по Графской пристани, и слышно было, как бряцает его шашка – с георгиевским темляком. Он что-то говорил, но Николай не мог разобрать слов, а лишь чувствовал, что в них – напутствие ему. Наконец Белый Генерал остановился и, опустив на плечо Юшина единственную руку, сказал два слова: «Береги Россию!»

Этот сон, атмосфера Крыма, пронизанная одним общим вдруг воскресшим сознанием, рефреном повторяемыми словами «Мы – русские!», перевернули

душу Николая. Он внезапно осознал, что Родина – это не стеллажи прочитанных тобой книг по её истории, не высокопарные речи и статьи, не даже иконы с затепленными под ними разноцветными лампадами в твоей комнате, а то, за что здесь и сейчас ты готов отдать жизнь, что соединяет тебя со многими тысячами таких не похожих на тебя людей, но, несмотря на всю несхожесть, живущими тем же неизъяснимым чувством – любви к своей Родине. Мудрецы скажут, что это лишь призрак, Летучий голландец, которого нет в природе, скажут потому, что сердца их очерствели для жертвы, а человек, не способный к жертве во имя своей Родины, не достоин её, сам себя отлучил от неё, как отлучает себя от Бога утративший веру в него. Что проку от многочисленных знаний о Родине без знания самой Родины? Рабочий парень, «ватник» по-ихнему, прочитавший несколько книг и просто и безыскусно отдающий свою жизнь за Россию, знает её, себялюбец, презирающий свою страну, не знает её вовсе, сколько бы книг ни прочёл. Точно так же, как простой мужик-лапотник, не знающий грамоте, знает Христа сердцем, а учёный богослов, знающий всё о Христе, Христа не знает, потому что не имеет веры и любви, заставляющей гореть сердце чистым, святым пламенем. Некогда знающие букву и возносящие хвалы Богу своего Закона фарисеи распяли Христа, а простые рыбаки взяли на плечи крест и пошли по стопам Спасителя. И ровно так теперь знающие букву и воспевающие Россию своего Идеала («которую мы потеряли») произносили смертный приговор своей Родине, тогда как простые русские люди несли на плечах русский крест, служа ей.

Потрясённый контрастами, Юшин написал сразу целый цикл статей о Крыме. После публикации последней он встретился со своим давним приятелем, Ромой Томилиным, с которым подвизались они в рядах одного исторического клуба по восстановлению мемориалов и захоронений, уничтоженных большевиками.

Холёный, в элегантном костюме и при галстукe, Рома смотрел на Николая с выражением недоумения и сожаления. Странно, отчего это лишь теперь заме-

тилось, сколь надменно лицо этого не по летам рано располневшего «молодого учёного с большими перспективами»? Может, и у самого такое же? В сущности, доселе во всём ведь сходились... Надо бы в зеркале своё отражение подробнее изучить. Носить столь надменную мину, в конце концов, дурной тон.

- Я удивляюсь тебе, Николай, - Рома заказал себе кофе по-турецки и усталое вздохнул. - Как ты можешь поддерживать этот крымский аншлюс?

- За языком следи, - нахмурился Николай. - Какой ещё аншлюс? Там всё население поголовно за возвращение в Россию! Причём уже без малого четверть века с тех пор, как эта сволочь Ельцин их там оставил.

- А вот по-моему...

- Ром, ты там был? Не был. А я там две недели торчал - весь Крым исколесил. И ты мне сейчас будешь впаривать, что ты тоже «дочь офицера» и «там не всё так однозначно»?

- Мне не нравится твой тон.

- Мне тоже много чего не нравится. Ты, может, предпочёл бы, чтобы там сейчас резня была с поездами дружбы имени товарищей Яроша, Музычки и Фарион?

- Может, ты всё-таки позволишь мне высказаться? - Рома досадливо поджал губы.

- Валяй, - разрешил Николай, откупорив минералку.

- Давай посмотрим на дело строго прагматично.

- Давай.

- Чего мы достигли, присоединив Крым? Удовлетворили национальные амбиции. Подняли рейтинг «любимой» власти. Восстановили, допустим, историческую справедливость. Избавили наш флот от арендной платы и не допустили на его место флот НАТО. Я ничего не упустил?

- Упустил. Спасли от резни тысячи жизней русских людей.

- Спорный вопрос.

- Однозначный и перевешивающий любые доводы против.

- Тем не менее, я их приведу.

- Валяй.

- Мы поспособствовали сохранению в Крыму советского наследия и менталитета. Мы глубоко оскорбили Украину своим вмешательством в её дела, и теперь вместо доброго друга и соседа обрели вековечного врага. Вместо того, чтобы улаживать проблемы дипломатическим путём, мы нарушили территориальную целостность суверенного государства. Мы настроили против себя весь мир. Мы подставили под удар свою экономику, которой ваш Крым влетит в копейку. Наконец, вместо недорогого, но приличного украинского курорта наши граждане обретут дорогуший и безобразный российский типа какой-нибудь Анапы со всеми «совковыми» прелестями. Крымчан же быстро начнут осваивать наши воры, и спасённые от растерзания злыми бандеровцами граждане скоро взвоют, узнав размах отечественного беспредела. Между прочим, присоединять что-либо к путинской России, тем самым укрепляя режим – это само по себе огромная ошибка. И, наконец, прежде чем впрягаться за русских на чужой территории защитите их на своей. На Ставропольщине, например. Нужно сперва у себя дома наводить порядок, а уже потом лезть к соседям! Ну, что скажешь? Я не прав?

- Не прав, - покачал головой Николай, - потому что не утруждаешь себя отделением мух от котлет.

- А если тезисно?

- Изволь, - Юшин поставил бутылку и принялся загибать пальцы. – Нет России путинской, ельцинской или чьей-нибудь ещё. Есть наша Россия, тысячелетняя, в которой жили наши предки и, если мы не будем поколением предателей и трусов, будут жить наши потомки. Правители приходят и уходят, а Россия остаётся. В Крыму менталитет гораздо более русский, чем где бы то ни было, и гораздо менее советский, чем у большевиков-перевёртышей, щеголяющих теперь флагами УПА. А остатки советизма изживутся тем скорее, если мы, носители белой идеи, будем со своим народом, ощущая себя частью его, а не надменно возвышаться над ним, кичась мнимым избранством и внушая лишь

отторжение от себя, а главное от наших идей. Вы своим скулежом про аншлюс Белой Идее нанесли такой урон, какой никакие слившиеся с исторической сцены коммунисты нанести никогда бы не смогли! Никогда Белые не братались с петлюровцами, а вы, занимаясь этим сегодня, предаёте наши знамёна, мараете их и плюёте на память героев, павших в борьбе с этой нечистью, вторыми нашими врагами после большевиков. Про оскорбление Украины – бред. Западенцы никогда нам не были друзьями, а Восток разделяет мечты Крыма. В сущности, твоя Украина органически не способна быть государством, что и доказывают ежегодные майданы и прочие театрализованные представления. По уму, эту несчастную землю нужно просто поделить по исторической справедливости, между теми, кто ей владел прежде. Тогда есть шанс, что хоть подобие порядка у них будет. Европа в отношении нас всегда была столь же невежественна, сколь и не благодарна, как говаривал Александр Сергеевич, а потому об их неудовольствиях и вовсе говорить нелепо. Насчёт того, что русских надо защищать везде – без сомнения. Только тут никакого противоречия нет. Про то, что порядок наводить надо сперва у себя – тоже без вопросов. Всё это я понимаю не хуже тебя. Но когда в соседнем доме начинается пожар, то дико говорить: погоди, пока я сделаю у себя генеральную уборку. Пойми, Ром, вопрос территорий меня волнует в последнюю очередь. Если бы на Украине каким-то чудом установилась достойная власть, и жизнь бы устроилась, как должно, для чего там есть все ресурсы, то я бы несколько не стремился оторвать от неё часть территорий и присоединять к нашему бедламу, как это делали Советы, аннексируя Бессарабию и Прибалтику накануне войны. Пускай бы жили, как люди – и дай Бог им счастья! Да и они бы отнюдь не стремились в материнские объятия... Но тут-то совсем другое дело. А про вопрос денег и курортов заикаться – стыдно для человека идейного.

- И несколько нестыдно, - насупился Рома. – Это ваша горячность – глупа. Ведь уже наши добровольцы наводняют восточные регионы! Русских защищать!

- И что в этом плохого?

- Ничего. Просто люди с правильными идеями не должны собой разбрасываться, но беречь себя для будущего Отечества. Учиться, работать, зарабатывать...

- Хорошо есть, пить, спать, шляться по заграничным курортам...

- Ты превращаешься в... упоротого «ватника»! – возмутился Рома. – Даже твой лексикон!

- Поскольку тебе не нравится мой лексикон, я не стану сообщать тебе, в кого обращаешься ты. Когда мои предки уходили на Дон и в Сибирь – сражаться за Отечество, они почему-то не думали себя беречь. И никто из наших вождей и славнейших деятелей нашей истории – также. Нужно не себя для Отечества беречь, а само Отечество. А ты... «Работать, зарабатывать...» Это, друг мой, идеология мещанства, а не Белой армии.

- Что, может, тоже поедешь – советское «отечество» защищать? Смотри, как бы оно тебя за это по затылку не отблагодарило!

- Опять путаешь, Рома. По затылку даёт власть, а не Отечество. И, кстати, да, я поеду его защищать. Потому что меня уже тошнит от всей нашей болтовни, в которой две трети подлости, лжи, самолюбования и фиглярства! От ряженных в чужие мундиры дезертиров тошнит! От девальвации святых понятий из-за напыщенных витийств безответственных бездельников!

- Вот бы твой предок-генерал тебя сейчас услышал, – усмехнулся Рома.

- А он и слышит. И одобряет. Он против России никогда не воевал. А за неё – в трёх войнах. Хочется быть достойным его памяти.

- Я думал ты умнее, – с сожалением констатировал Рома.

- Прости, что не угодил. Но уж лучше я при своей дурости останусь, чем при твоём уме.

- Каждый выбирает по себе.

- Ром, ответь, пожалуйста, напоследок, ты русский?

- Чего?

- Я спросил: ты – русский?

- Да как будто не еврей!

- Не похож ты на русского, Рома.

- Это почему ещё?

- А потому что русский не может оставаться равнодушным, когда убивают русских, и шире ещё – славян. Не может резонёрствовать, когда попирается справедливость, когда гибнут невинные. Не может беду, боль своих братьев и сестёр не ощущать всецело своей! Русский – это не тот, кто просто любит Россию, но тот, кто во всякую минуту готов пожертвовать собой ради неё!

- Сам придумал?

- Не придумал, а понял, когда вспомнил о том, что сам я – русский. А лишь потом Белый. Россия выше окрасов, попытайся понять это.

- Но не антироссия, которую ты сейчас собираешься защищать.

Так и закончилась давняя и казавшаяся незыблемой дружба. А затем другая, третья... Неприятно было, но и не особо жаль. Совсем чужие оказались на проверку те люди, лишённые почвы, а потому заряженные на отрицание и разрушение, не способные в своей рыбьей хладности к живому, предметному делу.

Русская весна набирала обороты, попутно реабилитировав георгиевскую ленточку, опоганенную прежде разными «ползущими вместе» недоносками, цеплявшими её на непотребные места в знак особого «патриотизма». Теперь Николай носил её с гордостью, несмотря на негодование отдельных знакомых, которыми был он неоднократно обозван «ватником», «колорадом» и даже «колорадским ватником». Пришлось купить толстую стёганую жилетку и ходить в ней несмотря на жару, оправдывая кличку. Ну, и в блоге своём генерала Тимановского портрет вывесил, сплошь в «колорадских ленточках».

Черту под этим периодом играния мускулами и оттачивания зубов подвела Одесса. После неё Николай разом порвал отношения со всеми знакомыми, принявшими и в этой трагедии сторону убийц. Это уж не идейные противники, а самые что ни на есть нелюди, с которыми говорить не о чем. Выгвоздив всё, что ду-

мал о них в блоге в самых жёстких выражениях, Юшин принял окончательное решение, с которым и явился к отцу:

- Пап, как ты считаешь, должны ли современные белые защищать интересы России, русских на Украине?

Отец, работавший с какими-то бумагами у себя за столом, поднял голову и, внимательно посмотрев на сына, ответил после паузы:

- Считаю, что должны.

- А меня благословишь поехать?

- Зачем? – испытующе прищурился отец.

- Затем, что мне скоро двадцать три, а я ещё ничего не сделал в своей жизни. Затем, что я молодой здоровый мужик, а не офисная крыса, и не могу смотреть по телевизору, как каждый день убивают невинных людей, детей, женщин. Ты всегда приводил мне в пример наших предков – Тягаевых, Аскольдовых, Юшиных. Разве они сидели бы сейчас перед экраном, запасясь попкорном? Да они бы уже давно были там! Значит, и я должен.

- Достойная аргументация, - одобрил отец, снимая очки и массируя переносицу.

- Ты с чем-то не согласен?

- Ни в коей мере. Наоборот, горжусь тобой. Но прежде чем ты всё решишь, послушай меня. Помнишь, когда ты вернулся из Крыма, мы чуть не поссорились? Ты не мог понять, почему я не разделяю твоего восторга?

- Помню.

- Так вот, Коля, я не мог разделить этого чистого и прекрасного чувства потому, что уже видел всё, что будет дальше. Всю эту бойню. Всю эту кровь. Россия подала людям надежду, которую не сможет оправдать, потому что слишком ослаблена, слишком связана по рукам и ногам, а, главное, потому что правят ею предатели. И они будут предавать. Изо дня в день, раз за разом, как было в Чечне, как происходит везде и во всём. И это предательство будет оплачиваться кровью.

- А народ что же? Ты разве не учиываешь значение народа? Народ поднялся, и он не допустит...

- Когда в истории народ что-либо не допускал? Поднимаются не народы, а отдельные лучшие их представители. А им противостоят не только внешние враги, но и продажные политиканы за их спиной, которым менее всего нужны герои, пассионарии, люди сильные, цельные, гордые, помнящие своё имя... Политиканы будут делать всё, чтобы уничтожить как можно больше таких опасных им людей, потому что они ставят под угрозу всю их систему одним своим существованием, как солнце ночную мглу. А потом они будут договариваться с такими же политиканами по другую сторону фронта и наживаться на чужой крови и горе. Вот, что я вижу впереди.

- Ты, пап, всё-таки ужасный пессимист! Ведь с Крымом всё прошло гладко!

- Не жди, что так будет дальше. Даю руку на отсечение, они уже и Крыму-то не рады, что взяли... А те – в свою очередь – за Крым будут отыгрываться на Донбассе, не стесняясь в средствах. Прости, Коля, что говорю тебе это, но ты должен принимать решение с открытыми глазами. Эта игра продана и предана уже заранее. Я бы очень хотел ошибаться в своих прогнозах, но в таких вещах я ошибаюсь довольно редко – ты знаешь.

Да, Николай это знал. Владимир Петрович Юшин, доктор физико-математических наук, автор ряда крупных публицистических работ, в своих прогнозах всегда оказывался математически точен. Такой точности могла бы позавидовать сама Ванга. Впрочем, отец всегда лишь печально улыбался при таких сравнениях: «У нас Вангой быть легче лёгкого. Предсказывайте самый худший вариант из возможных – и никогда не ошибётесь. Разве что отыщется ещё худший, на который твоей недостаточно испорченной фантазии не хватит...».

- Всё-таки я поеду, - твёрдо сказал Николай. - Только у меня к тебе просьба. Поговори с мамой сам.

- Хорошо, поговорю, - согласился отец. - Но пообещай и ты выполнить мою просьбу.

- Какую?

- Прежде чем отправиться на войну, ты пройдёшь курс подготовки добровольцев. Как человеку, не служившему в армии, он тебе необходим, согласишься. Или ты явишься к месту действий ничего не умеющей обузой, с которой кому-то придётся возиться.

Трудно было отказать отцу в железной логике, которая никогда ему не изменяла. Конечно, терять времени было жаль, но подготовиться и впрямь следовало. Да и было где. Питерские монархисты уже организовали «курс молодого бойца» для стремящихся на Донбасс добровольцев, и Николай решил перво-наперво отправиться в северную столицу.

Обычно чуждый эмоциям отец на сей раз крепко обнял его, сказал с волнением:

- В твои годы я поступил бы также. И я рад, что ты вырос достойным наследником нашего рода. Признаться, ещё недавно я сомневался в тебе и боялся, что форма, видимость, о которой ты так хлопотал, вытеснит в тебе главное – внутреннее содержание, стержень. Слава Богу, что хоть в этом я ошибся. Слов старика Болконского повторять тебе не стану, ты и сам всё знаешь и понимаешь.

- Я понимаю, - кивнул Юшин. – И клянусь, что краснеть тебе за меня не придётся. А в остальном – как Бог даст.

Сухие губы отца дрогнули, но он мгновенно взял себя в руки:

- Прапрадеда Тягаева и прадеда Аскольдова Бог выводил из самых безнадежных положений, Его Рука всегда была с ними. Да будет она также и с тобой!

И ждать невозможно было,

И нечего было ждать.

Кроваво луна всходила

Кровавые сны рождать.

И был бы тяжёл покой

Тот сон, что давил мертво.

Россия просила боя

И требовала его!

Россия звала к отваге,

Звала в орудийный гром,

И вот мы скрестили шпаги
С кровавым ее врагом.
Нас мало, но принят вызов.
Нас мало, но мы в бою!
Россия, отважный призван
Отдать тебе жизнь свою!²

Глава 7.

Гром войны всегда будоражил душу Валерия, как ничто иное. И хотя уже первая в его жизни война, Чеченская середины 90-х, оставила его калекой, но непреодолимой тяги к этому «ремеслу» не поубавила. Тогда, в 90-е, он своей жизнью писал новую «Повесть о настоящем человеке». И хотя в отличие от Мересьева он, встав на протезы, не вернулся к собственно военному делу, но работа военкора в самых горячих точках – чего-то да стоит, пожалуй?

Вторую Чеченскую военкор Курамшин прошёл от начала до конца, проникая в самые опасные районы – логова боевиков, куда не рисковали соваться другие. А по окончании её, бездарном и подлом, как всегда, Валерий затосковал. Он не мог простить власти того, как его друзей, боевых офицеров, сажали в тюрьмы за мнимые преступления в Чечне ради удовлетворения растущих аппетитов тамошнего удельного князька, как, кичась мнимой победой, гонят и гонят несметные средства в республику на любые прихоти, не умея при этом защитить окрестные регионы (да что там – саму Москву и Питер!) от наплыва звереющей от безнаказанности этнической преступности и смертоносной заразы ваххабизма. С каждым годом в бездумно прирезанном Кавказскому федеральному округу Ставрополье сокращалось число русских, бегущих прочь от участившихся случаев насилия в их отношении со стороны «соседей», на которые никак не реагировали власти. Ставрополье превращалась в новое Косово, и никому до этого не было дела. А ваххабизм, буйным цветом

расцветавший в Дагестане и Ингушетии, захватывал уже и Татарстан, и даже заявлял о себе в Сибири. На всё это власть смотрела широко закрытыми глазами, предпочитая бороться с «русским национализмом» и кормя наивных байками про «замирение Кавказа»...

В эти унылые годы Валерий делал репортажи именно на эти болезненные темы, колеся по всей стране. Потом были командировки в Ливию, Сирию, а, увидев по телевизору киевский майдан, отчего-то понял сразу: «Быть войне!»

Само собой, жена отнюдь не обрадовалась стремлению Курамшина в очередное пекло, но смолчала: вернув его к жизни без малого двадцать лет назад, поставив на ноги, живя с ним все эти годы, она слишком хорошо знала своего мужа. Знала, что ничто не удержит его дома, если где-то гремит война, и мужественно мирилась с этим. Впрочем, теперь ей и полегче отчасти, чем во Вторую Чеченскую. Теперь не одна она остаётся, а с двумя детьми, старший из которых сам уже – почти мужик, настоящая опора матери.

Добраться до эпицентра боевых действий было задачей не из лёгких, но опытный Валерий быстро вышел на нужных людей, знавших все «потайные тропы», и вскоре присоединился к группе, отправлявшейся по одному из таких «крутых маршрутов».

Основу группы составляли Вадим и Агния, нанявшие микроавтобус и закупившие изрядный гуманитарный груз. Предполагалось, что обратно этим же автобусом удастся вывезти несколько семей с детьми. Впрочем, обратно собирался только Вадим, а его напарница намеревалась остаться на передовой. С нею Курамшин быстро нашёл общий язык. Агнии было лет сорок. Эта высокая, худощавая женщина сразу обращала на себя внимание. Худое, бледное лицо с тонким, самую малость изогнутым носом, бледными, не тронутыми помадой губами и большими тёмными глазами, под которыми залегли глубокие тени, было обрамлено густыми, стриженными до плеч и кое-как перехваченными заколкой тёмными волосами, обильно разбавленными ранней сединой. Это лицо невозможно

было забыть или спутать с другим. Так же, как и голос, низкий, звучный. В музыкальном мире такие, кажется, именуются контральто.

По образованию Агния – кинематографист, и это было очень на руку Валерию: сразу договорились работать вместе. Хотя Курамшин – газетчик, но сейчас время другое, сейчас людям картинка нужна, а картинка – это, прежде всего, ютуб. А для нормальных репортажей желательно всё-таки два человека: один – в кадре, другой – с камерой. Агнии с камерой и фотоаппаратом работать не впервой, и она готовно согласилась сотрудничать. Тем более, и канал у неё на ютубе свой есть. Ещё в Италии завела...

Оказывается, эта странная женщина уехала из России ещё в 90-е – пригласили работать по контракту в Рим. Так и осела там, легко выучив язык и полюбив эту страну. Если в России кино благополучно приказало долго жить, то в Италии наоборот наблюдался подъём, и Агния наслаждалась возможностью полноценно работать. Конечно, в Италии нельзя было реализовать многих собственных идей, неотрывных от русской почвы, но хоть что-то, хоть как-то...

Из Италии она вернулась лишь месяц назад с одной единственной целью – ехать на Донбасс. Увидеть собственными глазами происходящее, рассказать об этом и, чем возможно, помочь людям. Автобус и гуманитарка были полностью оплачены Агнией, Вадим же, имевший солидный опыт перехода границы и передвижения через зону боевых действий, должен был доставить «на место» очередных двух добровольцев. Каким образом они с Агнией в столь короткий срок вышли друг на друга и сработались, Валерий так и не узнал. Вадим вообще не отличался разговорчивостью. Да оно и понятно – в конце концов, успех их рискованного путешествия зависел именно от него. Коренной ростовчанин, отец четверых детей, до войны он работал шофёром, а теперь взялся за это тяжёлое и опасное предприятие – возить в одну сторону гуманитарные грузы и «охотников», а в обратную – беженцев. Сколько-то

семей он уже спас, две из них жили теперь у него (в тесноте да не в обиде), пока не отыщется другое жильё.

Ребята-добровольцы прибыли из Москвы и Питера. Валерий сразу обратил внимание на москвича Николая. Стройный, хорошо сложенный, светловолосый молодой человек с решительным лицом, которое немного портили слишком тонкие губы, в сочетании с острым, хотя и аккуратным носом, предававшие ему по временам слишком жёсткое выражение, он был сосредоточен на своих мыслях, говорил неспешно и совсем без обычных для молодёжного лексикона междометий и, тем более, мата. Было в этом парне что-то, что, должно быть, правильно называть «порода». Высокий, открытый лоб, светло-синие, выразительные глаза... Не курит, не выражается, на груди крестик серебряный, на руке – маленькие чётки-лестовка. По ним он читает 90-й псалом и «Иисусову».

- Ты, что ль, православный фундаменталист, которыми товарищ Наливайченко доблестных укров пугает? – пошутил Курамшин.

- Он самый, - чуть улыбнулся Николай. - А ещё потомственный монархист и белогвардеец, если угодно.

- Так и есть, - подтвердил его приятель Максим. - У него все предки в Белой армии служили. Вы поспрошайте его, товарищ журналист, он вам расскажет. Такой материал забабашаете, что все ахнут. Это ж не человек, а динозавр, - рассмеялся по-мальчишески звонко. - Стихи наизусть шпарит, библию... Шекспира в шесть лет читал! В подлиннике!

Валерий с любопытством посмотрел на безмятежно улыбающегося Николая.

- Про Шекспира врёт, - ответил он. - В подлиннике я его только в старших классах прочёл. А в шесть лет – как все – в переводе.

- Вы что-то заканчивали?

- Истфак МГУ.

- С красным дипломом!

- Это тоже правда. Признаться, до сего года я им жутко гордился. Да и, вообще, я собой очень гордился,

своими предками, своими знаниями. В общем, я мало отличался от тех господ, которые сегодня с идиотским пафосом изрекают: «Слава Богу, что я не «совок»!» Я этим фактом тоже очень гордился. А потом посмотрел, что тут творится, и отчего-то мне перестало нравиться моё отражение в зеркале. А как человеку самолюбивому мне как-то тяжело стало жить с ощущением, что я трус и дезертир, занимающийся словоболудием, пока другие проливают кровь, защищая мою страну. Какое, спрашивается, я потом буду иметь моральное право проповедовать какие-либо идеалы, если отсижусь на мягком диване в то время, когда мой народ убивают? Трусы такого не имеют. Поэтому мне ничего не осталось, как реабилитироваться в собственных глазах, выбыв из рядов дезертиров и встав в ряды воинов.

- И ведь как говорит, а! Как по писанному! – восхитился Максим, хлопнув рукой по коленке. – Чисто как с луны свалился! Погодите, он вам ещё не то расскажет! И галерею предков покажет – она у него в планшет забита.

- На самом деле, Макс рассказывает гораздо лучше, - сказал Николай. – А про меня у него особенно красочно выходит. Так что вы, Валерий Геннадьевич, можете поговорить с ним – он вам всё популярно изложит. А, вообще, я против, чтобы вы обо мне теперь репортаж делали.

- Почему? – спросил Курамшин.

- А о ком его делать? Я ведь ещё даже под огнём ни разу не был. Что ж, рассказывать о том, как я, «книжный мальчик», забросил свои книги и, разругавшись со многими друзьями, обозвавшими меня «колорадом», укатил воевать?

- Между прочим, тоже интересно. Не такая уж обычная история...

- Возможно. Но она будет интереснее, если мне удастся проявить себя в деле. Тогда я буду в вашем распоряжении и чистосердечно отвечу на все вопросы. А пока лучше про Агнию напишите. У неё, вы уже знаете, история тоже примечательная. Да и свой вклад в борьбу она уже внесла.

- Хорошо, - согласился Валерий. - Ловлю вас на слове. После первого же боя мы с вами сделаем материал.

- И все твои бывшие дружбаны долго будут обтекать, увидев твою крутизну! - засмеялся Максим, хлопая друга по плечу. - Чур, меня тоже сфоткаете! Я хоть с царями Романовыми не в родстве, а перед своими покрасоваться портретом на первой полосе тоже хочу!

- Про Романовых - это шутка, - уточнил Николай.

Дорога до пункта назначения, по счастью, прошла без приключений. Разве что ухабы и колдобины давали себя знать, а в одном месте машина и вовсе застряла, угодив в глубокую яму, и вытолкнуть её удалось с большим трудом.

По прибытии в Город Вадим отправил своих подопечных на пункт приёма добровольцев, а сам занялся грузом. Курамшин же решил, не откладывая дела в долгий ящик, отправиться «на передний рубеж обороны», где горстка ополченцев под командованием Сапёра, уже две недели умудрялась сдерживать натиск многократно превосходящих сил противника. О стойкости этого маленького гарнизона уже ходили легенды. И как раз сегодня там был сбит вертолёт украинских ВВС. Валерий стремился как можно скорее всё увидеть своими глазами и, конечно, заснять. А ещё - поговорить с самим Сапёром. Этот человек ещё ни одному из журналистов не давал интервью, его имени так и не удалось узнать. А, между тем, чувствовалось, что человек этот на войне не случайный.

Агния с готовностью согласилась ехать, а местный водила - подвезти «товарищей журналистов».

Уже по дороге слышали они редкие залпы:

- Ишь сволочи, - ругнулся водила. - Сегодня с утра начали! Скоро из подвалов совсем вылазят перестанем.

Чем ближе к месту, тем грознее открывающиеся пейзажи: то там, то здесь рытвины от снарядов, обгоревшие деревья, чёрные остовы домов...

- Неужели здесь ещё остаются люди? - поразилась Агния.

- А куда ж им деваться-то? Фашисты ж нам даже коридора гуманитарного не дали, чтоб детвору вывезти. Хотят из всего нашего города и окрестностей один гигантский Дом Профсоюзов сделать. Чтоб уже сдохли они там все в своём Киеве...

Ополченцы были предупреждены о гостях, и их встретил молодой загорелый парень в пятнистой бандане, представился, протягивая руку:

- Олег! Позывной «Таруса». Вы вовремя – у нас как раз затишье.

И впрямь умолкли слышанные с дороги раскаты.

Ополченец оказался из местных, на вопросы отвечал охотно и с задором. Курамшину он сразу понравился:

- А что, Таруса, вертолёт-то на самом деле сбили или брешут в интернетах?

- Куда там брешут! – рассмеялся Олег. – Сбили чин по чину! Дружок мой и сбил. С Одессы парень. Самого, правда, контузило его маленько при последнем обстреле. Но, думаю, через часок-другой уже в форме будет. А в вертолёте какие-то важные персоны летели. Ой, у свидомья сейчас кипеж поднялся! «Нас-то за шо?!» Жаль, что не у нас эта кастрюля с укропом рухнула... Эх, нам бы, вот, хоть оружия нормального самую малость – тут бы вообще бесполётная зона была.

- Ну, с дружком твоим мы поговорим, – решил Курамшин. – А прежде мне бы командира вашего увидеть.

- Сапёра, что ли? – приподнял бровь Олег. – Так он вашего брата не жалует. Уж не взыщите.

- Знаю. Но попытка не пытка, разве нет? Можешь доложить?

Ополченец пожал плечами:

- Чего ж не доложить. Идёмте.

Они прошли к небольшому дому, обозначенному как комендатура. Попросив гостей подождать, Олег зашёл внутрь.

- Интересно, когда здесь следующий обстрел по графику? – задумчиво спросила Агния, доставая сигарету.

- Бойтесь?

- Да нет. Просто неплохо было бы знать, в какой подвал прятаться при такой неожиданности. Кстати, вы заметили, здесь ещё даже дети остались... Почему их не увезут? Не знаю, хотя бы в город... Ведь здесь скоро будет выжженная земля, если так будет продолжаться.

- Да некуда им ехать, - ответил появившийся на пороге Олег. - С детьми тут только одна семья осталась. Их у них пятеро. И никого у них нигде нет. Боятся, конечно, но деваться им некуда. Из подвала почти не выбираются. Сын у них, правда, Сашка - боевой малец. Всё за нами норовит увязаться. Семь лет всего, а рвётся воевать. Мужик растёт.

- Надо будет навестить эту семью, - вздохнула Агния. - Может, получится чем-то помочь.

- Что командир? - спросил Курамшин Олега.

- Удивительное дело! Сначала обругал меня за то, что очередных журналистов привёл, а, когда вашу фамилию услышал, вдруг изменил своё мнение и велел вас привести.

- Действительно, чудно... Хотя... Может, он мои репортажи читал...

- Всё может быть. Вот уж только простите, велел он вас в единственном лице привести, без дамы.

Агния пожала плечами:

- Тем лучше. Значит, я смогу пока осмотреться здесь и навестить то семейство.

- Правильно, - кивнул Валерий, - разделимся. Олег, я надеюсь, я могу поручить Агнию Сергеевну вашим заботам?

- Всегда пожалуйста, - охотно согласился ополченец. - Укры отдыхают - стало быть, и у нас «тихий час». Пойдёмте, Агния Сергеевна, я для вас профессиональную экскурсию проведу. А вы, - добавил он, обращаясь к Курамшину, - проходите. Вторая дверь налево.

Валерий пожал Тарусе руку и вошёл в дом. Пройдя несколько шагов, постучал в указанную дверь.

- Войдите, - послышался голос, показавшийся смутно знакомым.

Валерий вошёл в кабинет, представлявший из себя маленькую комнатку, вся меблировка которой

состояла из письменного стола, стула, кожаного диванчика и шкафа. На стене висела испещрённая отметками карта. На столе стоял включённый ноутбук. За столом сидел человек в пятнистой балаклаве, полностью скрывающей его лицо.

- Ну, здравствуй, Валера, - голос показался ещё более знакомым, и Курамшин нахмурился, пытаясь вспомнить, где слышал его.

- Мы знакомы?

- Ещё как знакомы! Ещё как! И писать тебе обо мне уже приходилось прежде, а в этот раз, увы, не придётся, если не хочешь накликать беду на мою голову.

- Стрешнев!³ – выдохнул Валерий, почти упав на диван.

Сапёр стянул балаклаву и улыбнулся. Да, это был он – Игорь Стрешнев, один из героев чеченской войны, которого – сколько же лет назад?.. – бесстыжая российская Фемида приговорила к семнадцати годам заключения за мнимое преступление! Правда, засадить разжалованного и оболганного офицера тогда не удалось: с помощью верных друзей он скрылся накануне оглашения приговора, надеясь вернуться, когда тот будет пересмотрен. Но шли годы, а апелляции не давали результатов, и бывший капитан Стрешнев оставался вне закона. Всё это время Валерий ничего не знал о нём и был глубоко поражён этой неожиданной встречей.

- Что, капитан, не ждал меня увидеть? – Игорь грустно улыбнулся.

Он мало изменился за истекший срок. То же открытое русское лицо, те же светло-русые волосы, спадающие слегка вьющейся прядью на лоб... Только лицо теперь обрамляла длинная, окладистая борода, делавшая Игоря похожим на древнерусских князей, какими пишут их художники-патриоты. И ещё взгляд стал более жёстким. А за жёсткостью той таилась боль...

3 Игорь Стрешнев и Валерий Курамшин – персонажи романа-хроники Елены Семёновой «Не уклоняюсь», посвящённого событиям 2-й Чеченской войны. Согласно сюжету романа, герой войны Стрешнев был обвинён в преступлении в отношении якобы мирных жителей Чечни и отдан под суд.

- Не ждал, Игорь, и счастлив, что вижу, - отозвался Валерий, понемногу приходя в себя. - Чифирнём, что ль, за встречу, капитан, коли ничего более крепкого нельзя?

- Майор... - поправил Стрешнев. - Здесь уже произвели... Боюсь, у меня и с чаем негусто.

- Не вопрос! - Валерий вытащил из своей дорожной сумки большую упаковку чая и банку кофе. - Считай, что подарок в честь встречи.

- Охотно принимаю, - улыбнулся Стрешнев. - Электричества у нас давно нет, но генератор пока работает, а потому чай вскипятить возможно... А я, между прочим, уверен был, что ты приедешь. Чтобы Валерий Курамшин не примчался в самое пекло - не может такого быть! И как это Нина твоя до сих пор терпит твои командировки... Кстати, как она? Как дети?

- Здоровы, слава Богу, - отозвался Курамшин и, помедлив, спросил: - Больше ни о ком справиться не хочешь?

Игорь опустил глаза:

- Мама умерла два года назад, я знаю... Я тогда едва не сорвался к ней на похороны. Удержался... Она бы этого не хотела. Но ты себе не можешь представить, Валера, как это... Знать, что твоя мать умирает, что умерла, и не мочь даже проститься с нею, последний сыновний долг отдать. Если бы не я, она была бы жива и сейчас. Но она этих издевательств не выдержала.

- Причём здесь ты...

- Причём... При том, что для людей, которых я любил и люблю, я стал настоящим наказанием.

- Наташа так не считает.

Стрешнев вздрогнул:

- Ты видишься с ней?

- И даже довольно часто. Они очень подружились с Ниной. Ты же знаешь Нину - сердца этого Воробышка хватит, кажется, на все печали мира...

- Вот именно, печали. Я хотел, чтобы она была счастлива, а что вышло? Соломенная вдова с двумя детьми на руках. Детями, которых я даже не видел! И вряд ли увижу когда-нибудь. Иногда я думаю, может,

стоило сесть в тюрьму? Тогда бы я имел право на свидания... С ней, с детьми... Но ведь это отвратительно, когда дети с рождения видят своего отца только за решёткой!

- Они любят тебя, Игорь. Наташа им столько рассказывала о тебе!

- Лучше бы не рассказывала ничего. Забыла бы меня, как дурной сон... - Стрешнев нервно хрустнул пальцами. - Вышла бы замуж за благополучного человека. Конечно, с двумя детьми это не так просто. Но ведь она так молода, хороша собой, добра... Наверняка нашёлся бы такой человек.

- То же самое ей говорят её приятельницы.

- А она?

- А она ничего не хочет слышать. Она любит тебя и никого другого не замечает.

- Но я всё равно что мертвец.

- Ты скорее без вести пропавший, а без вести пропавшие иногда возвращаются, если их очень ждут. А я не знаю другой женщины, не считая Нины, конечно, которая умела бы так ждать, как Наташа.

- Как эгоисту, мне приятно это слышать, потому что одна мысль, что моя жена может стать чужой приводит меня в исступление. А как человеку, не совсем ещё утратившему остатки благородства, мне тошно... Я не принёс этой женщине ничего, кроме страданий. И ничего иного принести не могу. Ладно, - Стрешнев глубоко вздохнул и принялся заваривать чай, - оставим эту тему. Может, всё решится уже очень скоро. Здесь на переднем крае можно в любую секунду Богу душу отдать. Вот, начнут сейчас гады свидомые палить, и нечаянно в эту комнату угодят - и всё, все вопросы решены.

- Ты уж не за этим ли в самое пекло полез?

- Да не за этим, успокойся. Некому больше было - вот и полез, - Игорь отхлебнул чаю. - Вот, оно - счастье! Крепкий чёрный чай! Месяц, наверное, вместо него всякую бурду пил... Я ж в Городе уже седьмой год живу. Документы мне добрые люди сделать помогли да и посоветовали от греха к соседям из родного Отечества податься.

- А почему сюда?

- Хороший город, красивый. Не центр, но и не захолустье. Озёра кругом, монастыри. Такой тихий русский уголок... Я, когда вижу теперь, как его эти твари уничтожают, дышать не могу! Кажется, всех бы их раздавил, как клопов, да только давить нечем! Прижился я здесь, как ни странно. На завод работать устроился, сперва комнату снимал у бабки одной, а затем по её смерти домишко её по сходной цене у наследников купил. Не знаю уж, стоит он ещё или разбомбили... Как вся эта свистопляска началась, так и не бывал там. Собаку соседям отдать пришлось. Тоже не знаю, что с ней поделалось... Как ты можешь догадываться, военных в нашем городе и его окрестностях весьма мало. А мужички сами по себе много не навоюют. Сто мужичков без опытного начальника останутся сотней мужичков, а не ротой. Им командиры нужны, которые бы в военном деле шурупили. Поэтому я среди первых в ополчение и записался. Правда, прошлые мои регалии мне указать никак нельзя было, но этого и не потребовалось. У Первого глаз намётан. Он уже после первых боёв определил, что воевать я умею, и назначил меня самый ответственный участок фронта оборонять, чем я пока небезуспешно и занимаюсь.

- Да уж наслышан! – улыбнулся Курамшин. – А почему Сапёр?

- А... Ну, так у меня не только паспорт на другое имя, но и биография другая. А по ней – служил я некогда в сапёрной бригаде, будь она неладна. Слава Богу, разминировать пока ничего не приходилось...

- Да, нелегко тебе...

- А кому здесь сейчас легко? Сколько людей без крыши над головой, без всего остались. Я им, старикам особенно, в глаза смотреть не могу. Вроде и не виноват, а вроде – не защитил. Короче, «и всё-таки, и всё-таки, и всё-таки». А сколько близких потеряли? А калеками остались? Мёртвым теперь можно только завидовать. Им уж, во всяком случае, лучше, чем нам.

- Как думаешь, долго удастся оборону держать?

- Валер, дело же не в этом... Неделю, две, месяц...

Не больше – это точно. Я последнее время перестаю понимать, на хрена мы её держим. Сначала мы ждали, что поможет Москва. Даже я ждал... И теплилась во мне, знаешь, дурацкая надежна – а ну как всей этой кампанией я себе право воскреснуть выслужу?.. Теперь понимаю, что это лишь мечты от отчаяния. Москва не чешется и чесаться не собирается. Но всего замечательнее, что и эта шайка-лейка, заправляющая в Донецке, только поплёвывает в нашу сторону. У них в отличие от нас оружие есть, но нам они его не шлют. Смотрят, как нас здесь давят, и не шевелятся. Спрашивается, почему? Уж не потому ли, что мы им не нужны так же, как и Москве? Сидят они там в мирном городе, дербанят бабло и гуманитарку, охраняют собственность больших боссов, им запошлявших. На фига им за нас впрягаться? Правда, не понимаю, что они будут делать, если нас всё-таки здесь закопают... Ведь тогда вся эта ударная группировка сил под их стены придёт. Вот, тут логика моя сбоят, капитан. Наверное, потому, что воровскую логику я постичь не в силах. Разные у нас измерения. Может, считают, что вор с вором всегда договорится, а «маргиналы» вроде нас любовным договорам-распилам – лишь помеха? В общем, войны нового времени это уже совсем не те войны, которые в юности будоражили наше воображение. Прежде было понятно: по ту сторону фронта враг, по эту – друг. А теперь с обеих сторон враги, а ты как зерно меж двух жерновов... Людей жалко, капитан, понимаешь. Они же не только России, Путину, они нам верили. Верили, что мы их сможем защитить. А мы не можем! Потому что с пулемётом против «Града» не попрёшь! – Стрешнев зло ударил кулаком о стол так, что недопитый чай расплескался.

- Что же в таком случае? Отступить? – спросил Курамшин осторожно.

- Это уже не моего уровня вопрос. Пока у меня приказ держать здесь оборону, во что бы то ни стало. И пока иного не будет, я отсюда не уйду. Даже если придётся остаться здесь навсегда. К этому мы все готовы. Лишь бы это не было напрасной жертвой... Мне-то те-

рять нечего, а у ребят семьи, нормальная жизнь, будущее.

- Ну, а сам-то как думаешь?

- Думаю, что куда ни кинь всюду клин. Если помощи не будет (а с каждым днём надежд на неё всё меньше), то шансов у нас нет. Если останемся – погибнем все. А, самое главное, погибнут люди, которых мы обещали защитить. Ведь эти сволочи не остановятся перед тем, чтобы смести к чертям весь город... Потом скажут, что это мы сами себя снесли. А если уйдём... Стыдно, капитан, уходить-то. Да и так просто не уйдёшь. Как минимум, надо вывозить с собой всех гражданских, что нам помогали, семьи бойцов. Иначе их просто убьют... Если бы хоть коридор был, чтобы гражданских заранее эвакуировать! Так нет же! На днях, небось, слышал, автобус с детьми расстреляли – чудом живы остались...

- Да, - покачал головой Валерий, - что в лоб, что по лбу.

- Ты-то надолго к нам?

- Да теперь думаю, что до конца, - отозвался Курамшин. – Или с вами отсюда уходить буду, или с вами тут и останусь.

- Оптимисты говорят – останемся до победы! – чуть улыбнулся Игорь.

- Ну, мы ж не на параде.

- Что ж, отговаривать не буду. Знаю, что бесполезно. И потом, признаться, рад, что опять нам в одном окопе быть привелось.

Валерий приподнял стакан с остывшим чаем:

- А выпьем, майор, всё-таки за нашу победу! Рано или поздно на всех фронтах!

- И за встречу, - добавил Стрешнев. – Я уже давно заметил: наш город – удивительное место, где многие судьбы сошлись. Здесь собралось всё лучшее, что есть в России, в Русском мире. Москва уже давно перестала быть его сердцем. Сердце России сегодня здесь. И вряд ли мы могли встретиться где-то в ином месте. Таков наш жребий... русский жребий!

Глава 8.

Пока Курамшин беседовал с обретенным из небытия другом, Агния успела побывать на позициях ополчения, пообщаться с некоторыми бойцами, сделать приличное количество фотографий и навестить семью Луговых. Это многострадальное семейство, действительно, почти не покидало погреба, кое-как обустроенного «для жизни». Дом их соседей был разрушен ещё два дня назад, и Луговые при всяком обстреле с ужасом ждали, что очередной снаряд обрушится и на их крышу.

- Мы так долго копили на этот дом, так долго строили его. Чтобы детям было, где жить. Огород опять же, две козы, курочки... Думали, так и прокормимся. А теперь как жить? Куда деваться? – горько причитала хозяйка, дородная женщина лет сорока с мягким усталым лицом.

На вопрос о родных Марина лишь махнула рукой. Можно считать, что и нет. Родная сестра честит её сепаратисткой и говорит, что она получает то, что заслуживает. И вместе с мужем доносы на соседей пишет – «кто не скачет». И гордится своим патриотизмом!

Конечно, есть знакомые... Но с пятью детьми к кому на шею свалишься на неопределённый срок? Младшенькая Оля к тому же болеет. А из-за войны теперь даже у врача наблюдаться нет возможности. Раньше в Пригороде была больничка, но теперь она наполовину разрушена. А то, что не разрушено, выполняет функции военного госпиталя. Да и то сказать – работают в нём только один хирург да медсестра. Остальные уехали в город. А теперь, говорят, и оттуда бегут. Ещё помогает волонтер Татьяна Ивановна. Пожилая женщина приехала из Саратовской области, где работала нянечкой в больнице.

- А вот там ниже по улице дедушка с бабушкой жили. Обоих разом накрыло... Такие добрые, сердечные были люди. Тётя Клава детей всегда в гости зазывала, угощала их. Дядя Лёша болел, ему в подпол тя-

жело было спускаться. Он её гнал, а она не могла его оставить. Так и погибли.

Марина рассказывала буднично, отрешённо, уже свыкнувшись с каждодневным ужасом. Лишь правая щека её иногда подрагивала от нервного тика, и время от времени она опасливо озиралась, проверяя, все ли дети рядом.

Марина вела дневник и, следуя её примеру, вела его старшая дочь Катя. Военный дневник 14-летней девочки... «Самое страшное, если маму убьют. Пусть лучше убьют меня. Тогда Толя, Митя, Саша и Оля останутся с мамой. А если её не будет, мы погибнем все...» Страшно, когда ребёнок в такие годы так спокойно и рассудительно пишет о самых жутких вещах... Эта девочка уже видела смерть, она каждый день ходит рядом с ней, но боится не за себя – за младших, за мать. А её братья уже разбираются в оружии, уже на звук определяют, какие орудия работают, по осколкам в воронках – какие разрушили очередной кусочек их привычной жизни.

А жизнь, судя по обломкам её, была уж, во всяком случае, лучше, чем в русской средней полосе, в той же Тверской или какой ещё области. Не примечала здесь Агния наших разошедшихся избышек прошлого столетия, нашей гнетущей нищеты. Хорошие крепкие дома с садами и огородами, нормальный (по нашим меркам), устроенный быт... И, вот, истреблялось это всё без всякой жалости под киевские заклинания о «единой Украине». Единая – на костях? На крови детей? На всём этом ужасе, боли, ненависти? Нет, уже не склеить этого. А даже если на время и получится, то лишь ненадолго, потому что такое не забывается и не прощается никогда. И не должно прощаться.

Агния тщетно пыталась представить себя на месте Марины и других немногочисленных теперь уже жителей. Да где уж... У неё никогда не было ни дома, ни семьи. Марко – не в счёт. Хотя и прожили вместе десять лет, а что толку? Именно что – жили вместе, оставаясь в глубине души чужими людьми. Впрочем, неправда, что дома не было. У неё был Дом. Дом, где прошло её детство, где она единственный раз в своей жизни лю-

била, где была счастлива. Старый, мудрый Дом, он ещё и сейчас стоит, покинутый, потемневший от обиды, позволяющий злым дождям и снегу сочиться сквозь его крышу. Если разобраться, только он и был у неё – Дом. А всё остальное – сплошной сон, пустой и ничего не значащий...

Внезапно представилось, как какая-то злая сила стирает с лица земли не эти дома, которые видела она теперь, а её собственный Дом, её память, всё, что было ей дорого. Замутилось в глазах... Да, вот тогда бы она точно оружие взяла и убила бы любого, кто попытался бы... И тотчас другая мысль горечью подступила: безо всякой злой силы это чёрное дело могли уже сделать дожди, снега и ветра. Дому нужны хозяйева, нужна забота, как живому существу. А она не была там... Без малого пятнадцать лет! И тут же решилось – если только не убьют нечаянно здесь, непременно нужно будет поехать и привести в порядок Дом, покаяться перед ним за предательство...

- Агния Сергевна, а хотите нашу школу посмотреть? Её на прошлой неделе разбомбили! – это уже теребил её за рукав резвый Сашка, младший маринин сын, тот самый, что всё рвался воевать.

- Саша! – сурово одёрнула его мать. – Сколько раз говорить – со двора ни ногой? Представляете, три дня назад убежал – я чуть с ума не сошла. И напрямиком к нашему блокпосту направился, даже автомат игрушечный прихватил, вояка. Ну, ребята его привели домой через час, конечно... А он всё равно за ними рвётся. Глаз да глаз нужен! Уж отцу сказала – последи! Всё равно ведь уследить не может!

- Сань, первая заповедь бойца – слушайся старшего по званию, – весело прищурился Олег. – Я тебе, как старший по званию, приказываю охранять мать и сестёр. А школу Агнии Сергевне я сам покажу.

- Есть, – понуро согласился малец, прикладывая ручонку к кепке.

Школа находилась неподалёку от дома Луговых. Точнее, её руины. Более или менее цела осталась лишь

левая часть здания. Агния осторожно ступила внутрь, попутно фотографируя всё, что открывалось глазам.

- Аккуратнее, не споткнитесь, - предупредил Олег.

Пройдя по усыпанному осколками стекла и пылью коридору, Агния очутилась в актовом зале. Стена его была пробита снарядом, часть кресел выворочена, но фортепиано осталось на месте. Его лишь засыпало пылью. Агния подошла к инструменту и, открыв крышку, наугад наиграла первую пришедшую на ум мелодию:

- Расстроено, - заметила с сожалением.

- А вы играете?

- Раньше играла... Когда-то я училась в музыкальной школе, но это было очень давно, - всё-таки она придвинула табурет и заиграла вторую часть второго рахманинского концерта. Инструмент безбожно фальшивил, но почему-то жалко было прерывать игру.

Внезапно послышавшийся голос, прозвучавший особенно гулко под этими сводами, вывел её из равновесия:

- А что, Тарусевич, разве у нас открылись музыкальные сезоны?

- Никак нет, Сергей Васильевич, - при этом имени перед глазами Агни пошли круги. - Просто провожу экскурсию для представительницы СМИ. Её коллега сейчас у командира...

- Вот как? Мир перевернулся?

- По-моему, они просто оказались знакомы.

- Любопытно... - высокая, подтянутая фигура, появившаяся из темноты коридора, приближалась.

- Ну, а я взялся организовать «культурную программу» для Агнии Сергевны. Вот, познакомьтесь, Агния Сергевна, это командир нашей роты капитан Родионов.

Фигура замерла в проходе между кресел. Агния подняла голову, не находя в себе сил встать.

- Агния Сергевна... - медленно повторил негромкий, спокойный голос. - Рад познакомиться с вами и, надеюсь, смогу быть вам полезен. Тарусевич, вас там разыскивают ваши друзья Дениро и Каркуша. Вы мо-

жете быть свободны, а госпоже Калитиной я сам покажу всё, что её ещё интересует.

- Вы тоже, что ли, знакомы? – удивился Олег.

- Ефрейтор, соблюдайте субординацию.

- Слушаюсь!

- На выход шагом марш.

Ополченец поспешно удалился, несколько раз любопытно оглянувшись. Сергей медленно подошёл к фортепиано и, облокотившись о него, внимательно посмотрел на Агнию:

- «На дороге, здесь, богиня грёз, мечта феерий... Иль это сон?» - в голосе звучало с трудом сдерживаемое раздражение.

- «Мила мне лесть. Да, это я...»

Сергей ударил ладонью по крышке фортепиано, отчего инструмент жалобно скрипнул, спросил усталым тоном после непродолжительной паузы:

- Можно поинтересоваться, зачем ты приехала?

- Я приехала, чтобы помочь... Я не знала, что встречу здесь тебя...

- А если бы знала, не приехала бы помогать? – Сергей усмехнулся, затеребил ус, что всегда являлось верной приметой его раздражения.

- Послушай, мне не кажется, что сейчас подходящее время и место для выяснения отношений.

- Выяснения отношений? Бог с вами, Агния Сергевна. Для того, чтобы выяснять отношения, их надо иметь, а мы с вами, слава Богу, люди посторонние.

- Так уж и слава Богу? – Агния, наконец, поднялась. – Может быть, и так... Только ты сам всегда говорил, что в природе не бывает случайностей. И если судьба нас здесь свела, то в этом есть какой-то смысл.

- Ты давно переквалифицировалась из кинематографистов в журналисты?

- Дня три назад.

- Всего-навсего?

- Серёж, зачем этот тон? Если между нами, как ты сказал, ничего нет, то давай говорить, как посторонние люди.

- Что ж, можно попробовать.

- Я привезла в город гуманитарную помощь. Одним из моих попутчиков был журналист Валерий Курамшин, и он предложил мне работать вместе. Всё-таки что такое камера мне объяснять не надо. Я согласилась.

- И надолго к нам приехала ваша съёмочная бригада?

- Насчёт Валеры не знаю, а я насовсем.

- Насовсем?

- Да. Того, что я успела сегодня увидеть, мне достало, чтобы понять, что моё место здесь.

- А я думал твоё место в Италии?

- Оно никогда не было моим. Я лишь занимала чужое...

- Допустим. Но что ты собираешься делать здесь? Здесь война, ты это понимаешь?

- Если бы не понимала, не приехала бы.

- И что ты собираешься делать на войне? Ты же ничего не умеешь! Не то, что медицинскую помощь оказать, но – элементарную похлёбку сварить! Извини, Аля, но, как говорилось в известном фильме «без такой подмоги мы перешли бы Бонапарту ноги»!

- «А если ум, сердце, силы, нервы – всё просит за тебя, страна, мать-Родина, отдать всё без остатка»?

- «От глупостей штабных довольно вянут уши!»

- Я смотрю, моей любимой игры ты не забыл...

- Да уж, приклеились твои цитаты, - вновь усмехнулся смягчившийся Сергей. - Но «в игру я эту не играю больше». Ты всерьёз считаешь, что сможешь быть полезна в этом аду?

- По крайней мере, я должна попробовать. Обещаю, что хлопот тебе со мной не будет. К тому же пока Курамшин здесь, я буду работать с ним.

- Курамшин – человек серьёзный, - сказал Сергей. - Вероятно, один из лучших военных журналистов. И, что совсем редкость, честный. Я рад, что он приехал к нам. По крайней мере, напишет всё, как есть. Что ж, Агния Сергевна, пойдёмте. Если не начнётся обстрела, то я покажу вам наш лазарет, где особенно не достаёт рабочих рук. Впрочем, полагаю, что часов до девяти вечера время у нас есть.

- Почему до девяти?

- Укры – товарищи пунктуальные. В девять часов они начинают пальбу практически всегда. Видимо, желают нам таким образом спокойной ночи.

Агния послушно последовало за Сергеем. В висках лихорадочно стучало. Этой встречи не ждала она, не могла себе даже вообразить, и никак не могла понять теперь, что же делать дальше? Изображать, что и впрямь – посторонние? А, если разобраться, разве не так? Столько лет прошло... Но с другой стороны то, как он говорил, как смотрел на неё – не об обратном ли свидетельствует? Ведь он ничего не забыл, как и она... Или же только обиду, предательство не забыл? Если так, то, может, и впрямь лучше уехать? Хотя бы в город. Там тоже руки нужны. Но ведь обещала помогать Курамшину – куда ж теперь бежать? Что ж, пусть от него пока и зависит всё. Куда он поедет, туда и она, а там всё прояснится.

Оказавшись на улице, при свете дня Агния искоса вглядывалась в казавшееся невозмутимым лицо Сергея. Годы коснулись его меньше, чем её. Та же лёгкость, оточенность, изящество во всём: движениях, чертах лица, речи... Те же ясные, спокойные глаза. Вот, разве что бороду отпустил, а волосы наоборот остриг по-военному коротко. И форма полевая очень идёт ему. Хотя она идёт, пожалуй, любому мужчине. Интересно, как прошли для него эти годы? Во всяком случае, не так безмятежно как для неё – под римским солнцем, в достатке и благополучии. А вот надо же: он и теперь бодр и уверен в себе, не идёт, а летит вперёд, поблёскивает глазами зеленоватыми – здесь его место, его стихия; а она – словно выпотрошена вся, обесточена. Какой-то она показалась ему? Впрочем, он и не смотрит на неё, лишь под ноги, на дорогу, словно нарочно.

И всё-таки не может, не может быть, чтобы такая встреча была игрой случая. И так хотелось собственным словам наперекор, не откладывая и не разыгрывая безразличия, поговорить по душам, объяснить всё, попросить прощения... А, впрочем, нашла время! Кругом люди гибнут, а у неё Бог знает, что на уме. Нет уж, ника-

ких объяснений. Она обещала не доставлять ему забот и не доставит. А если есть какой-то смысл в их встрече, то уж как-нибудь проявится он. Нужно лишь скрепить сердце и просто делать то, что собиралась, что должна, ради чего приехала сюда. А там судьба рассудит...

Глава 9.

Что без сомнения умел Сергей в жизни, так это *отсекать* – собственные чувства, дела, людей – всё, что в тот или иной момент могло помешать делу, которое он видел для себя главным. Так и Альку отсек когда-то... Да, в общем, она и сама в этом умении не уступала ему. Может, оттого и не смогли ужиться друг с другом, что слишком похожи были, как два магнита с одним полюсом: сколько ни своди их вместе – всё одно не соединятся.

Они встретились, когда Сергей только-только начинал службу, имея за плечами опыт участия в локальных конфликтах на территории бывшего СССР в качестве добровольца, а Алька училась во ВГИКе. Перспективы обоим не казались радужными: «на руинах нищей страны» не уцелело ничего – ни армии, ни кинематографа. Но отчего-то оба были убеждены в том, что им удастся воплотить свои мечты, а, если и не удастся, то всё равно нужно идти выбранными стезями, потому что в иных нет смысла.

Она была другой в ту весеннюю пору. Тонкая, хрупкая, нежная – почему-то её сразу хотелось защитить... Отчего? Да Бог знает, от чего... От всего мира этого с его злобой и ложью. Она играла на фортепиано и прекрасно пела, знала на память фильмы, пьесы, стихи... Памятью и Сергей не обижен был, оттого и повелась их игра в цитаты, так любившаяся Альке. Она училась на режиссёра, но талант её был много шире: чувство слова, звука, врождённый артистизм... В ней всего было с избытком, и оттого она сетовала, что, имея многочисленные таланты, не может воплотиться в одном – главном.

Сергею она казалась ребёнком, барышней, слетевшей со страниц русской классической литературы, и это очаровывало, в этом был идеал женственности, чистоты, красоты внутренней и внешней в его понимании.

Увы, ничего нет безнадежнее, чем, создав в своём воображении некий идеал, попытаться уложить в это прокрустово ложе живого человека... Уже вскоре после свадьбы Сергей понял, что его «барышня» не так уж беззащитна и мягка. У неё, как оказалось, тоже были вполне чёткие представления о жизни и своём месте в ней, о том, что она должна делать, а чего нет. И тут тоже сходство характеров сказалось: упорство и упрямство обоих не знало компромиссов.

Сергей мотался по командировкам, а Алька раздражалась от постоянной вынужденности ждать мужа, не имея от него вестей. Когда же он возвращался, на съёмки уезжала она... Или в лучшем случае, сутками «зависала на монтаже». Это в свою очередь выводила из себя Сергея. Так начались первые ссоры...

Удивительно, но за время совместной жизни единственным, из-за чего они не поссорились, был быт. Оба питали к нему аскетическое равнодушие, а потому не смущались ни месяцами не горящими лампами, ни пустым холодильником, ни прочими «мелочами жизни».

Алька, впрочем, готова была изменить свою жизнь, отказаться от своего дела. Но только при условии разделить хоть отчасти дело мужа, быть с ним. Она, действительно, любила его и готова была к любым трудностям и лишениям – лишь бы рядом, вместе. Но такое расклад менее всего входил в планы Сергея, ломал все его представления о жизни. Служба и дом – две разные вещи, которые не должны пересекаться. Он даже говорить о работе дома не любил. А Алька его закрытости не понимала. Не понимала, что он просто не хочет, чтобы её касалась вся та грязь, жестокость, с которой приходится иметь дело ему, что он просто хочет уберечь её от всего этого. Не понимала и обижалась, думая, что он не доверяет ей, не любит. И сама всё меньше

рассказывала о своих киношных делах. Так возникала отчуждённость...

В его идеале мужчина должен был служить, а женщина ждать его дома, оставаясь мягкой, нежной, всё понимающей без слов. Но на пороге 21-го века такого, пожалуй, и быть не может. Ещё один недостижимый идеал...

Есть редкие женщины, органически способные сочетать в себе две ипостаси: жены и соратницы. Алька очень стремилась воплотиться во второй, не слишком заботясь о первой. А он всеми силами защищал её от этого воплощения... Так и сталкивались лоб в лоб.

Когда началась 2-я Чеченская, она заявила, что сменит свою мирную стезю на опасную работу военкора. «Может, хоть так о твоей жизни что-то узнаю». Сергей воспротивился такому повороту категорически: для него сама мысль, что жена окажется на войне, будет рисковать жизнью, была нестерпима. «Если ты это сделаешь, то больше меня не увидишь!» Он сказал сгоряча, а она ответила, как отрезала:

- Тогда я уеду по контракту в Италию, и мы, действительно, не увидимся.

- Что ж, поезжай – дело твоё.

Почему он был уверен, что это лишь угроза? Что она не уедет в Рим, а будет покорно ждать его из бесконечных командировок? Нет, он не был самоуверен, не считал себя неотразимым, даже совсем наоборот. Просто не верил, что его Алька может уехать...

А она уехала, и из Чечни он вернулся уже в опустевшую квартиру. Потом она звонила и писала из Италии. Но Сергей ни разу не ответил ей, перевернув эту страницу своей жизни, отрезав, как казалось, навсегда...

С той поры минуло почти пятнадцать лет. За это время многое изменилось в жизни Сергея. Оказавшись «на улице» в результате реформ «мебельного генерала», он вынужден был несколько лет существовать в чуждой для себя мирной жизни. Но едва первый дымок долетел с Украины, как была брошена она безо всякого сожаления. И началась новая война... Война иная,

чем прежние. Война – так похожая на ту, без малого столетней давности, которую знал столь детально, как если бы сам сражался в Добровольческой армии или у Каппеля.

Отдельные не ведающие истории «публицисты» уподобляли донбасское восстание революции. Глупее и невежественнее можно ли что-то придумать? Революция во всей мерзости своей совершилась в Киеве в роковом для России месяце – феврале. На Донбассе же в ответ началась самая, что ни на есть – контрреволюция. Донбасс 2014-го обратился подлинной русской Вандеей, сражавшейся за свои традиции против беснующихся «якобинцев», желавших навязать своё беснование всем. Впервые за целый век маленькое русское войско, новая Добровольческая армия вновь сражалась под знаменем с ликом Христа, чувствуя над собой простёртую Господню десницу, созерцая Его чудеса. Иногда казалось, будто грань между мирами сделалась тоньше, чтобы взыскующие души могли увидеть Свет, недоступный взору в обычную пору. Оттого, может быть, дотоле не веровавшие бойцы принимали крещение. И не только русские, но и приехавшие на помощь им из других стран.

Много было страшного в эти огненные недели, много и чудесного. Было, о чём подумать, о чём написать, если Бог судит дожить до мирных времён. А пока ни на что практически времени не доставало. Разве что «на бивуаках» бойцам рассказывать разное... У ребят много вопросов было. Больше по нынешнему положению, а у некоторых – и о делах минувших дней, и о предметах духовных. Сергей отвечал охотно, чувствуя себя ответственным уже не только за жизни своих подчинённых, но и за души их.

И тут вдруг эта встреча нежданная... Кто бы мог подумать, что Алька всё-таки исполнит давнюю «угрозу»! Но Сергей не был бы самим собой, если бы позволил чувствам долго владеть своим сердцем. В разгар войны, имея в подчинении людей, за каждого из которого должно отвечать, не хватало ещё отвлекаться на давно отгоревшее... Отсёк и на этот раз. Приехала и приехала

Агния Сергеевна. Пусть занимается своим делом, а он будет заниматься – своим.

А заняться было чем. Уже следующая ночь обернулась трагедией. Машину с новобранцами, которые должны были пополнить поредевшие в последнюю неделю ряды, укры «накрыли» на пути из города. Двое бойцов погибли на месте, ещё двое, включая сопровождавшего пополнение ополченца, получили ранения. Уцелел лишь один новичок, к которому тотчас пристала кличка «Фартовый», совсем не вяжущаяся со строгим обликом молодого добровольца.

Сергей увидел его впервые над телом погибшего друга, положенным в здании бывшей школы. Парень был из Питера, за ним из Донецка должен был приехать человек, которому предстояла тяжёлая миссия вывезти тело убитого воина, которому недобрая судьба даже не позволила хоть раз сойтись в бою с врагом, на родину и передать родным.

«Фартовый», светловолосый молодой человек, подтянутый, с лицом сосредоточенным и скорбным, стоял на коленях возле погибшего. Сергею сразу бросился в глаза нашитый «на имперский манер» георгиевский шеврон и «имперская» же кокарда на камуфляжной кепке. «Свой», – подумалось сразу. Такие же шеврон и кокарду носил и он сам, а с ними – георгиевский крест, полученный ещё лет двадцать назад, когда Сергей был, пожалуй, в летах этого юнца...

Сперва показалось, что «Фартовый» молится. Но нет: чуть покачиваясь, бормотал он, сжав зубы, словно бы сдерживая крик:

- Не бойся милый это я,
Я ничего тебе не сделаю,
Я только обовью тебя,
Как саваном, печалью белою.

Я только выну злую сталь
Из ран запекшихся... Не правда ли,
Ещё свежа клинка эмаль?
А ведь с тех пор три года канули.

Запнулся, сглотнув судорожно, склонившись ещё ниже, закончил:

- Не бойся в ночь ушла семья.

Ты в дом войдёшь никем не встреченный.

Не бойся, милый, это я

Целую лоб твой искалеченный...

Удивился Сергей: не больше двадцати пяти парню, а он по памяти не кого-нибудь, а Ивана Савина читает. Тут иные хлопцы при фамилиях Симонова и Твардовского глаза таращили, что уж о «белых» поэтах говорить...

Между тем, Фартовый, наконец, заметил его, вскочил быстро, надев головной убор, отдал честь:

- Здравия желаю... - и как-то само у него выговорилось вместо до сих пор общеупотребительного «товарищ», - ...господин капитан!

- Вольно, вольно, - махнул рукой Сергей. - Можно и по имени отчеству: Сергей Васильевич. А вас... - помедлил и в тон новобранцу обратился: - ...вольноопределяющийся, как именовать?

- Юшин, Николай.

- Петербуржец?

- Нет, из Москвы.

- Значит, земляки. Ваш друг? - Сергей кивнул на погибшего.

- Да. Мы вместе проходили краткий курс добровольца в Петербурге, - отозвался Николай, стиснув зубы. - У него мать и младшая сестра остались... Если вернусь, буду помогать им. А я, - он прищурился, - вернусь. Поквитаюсь с этими гадами за Максимку и за всё и вернусь.

Он напряжён был - этот юноша. Да и как иначе? Чудом уцелев, потеряв товарищей...

- Вы ведь не служили в армии, верно?

- Не служил. Я после школы сразу в МГУ на истфак поступил.

- МГУ... - протянул Сергей. - А что, в университете теперь белоэмигрантских поэтов изучают?

- Какой там! - махнул рукой Николай и сразу ожи-

вился: - Это не университет, это – семья. А вы знаете эти стихи?

- Я, Николай, много чего знаю на эту тему. Тем более, что после того, как несколько лет назад меня вышибли со службы по сокращению штатов, я имел достаточно времени, чтобы заниматься изучением любимшегося с юности предмета... - помолчав, Сергей добавил: - За ним, вероятно, скоро приедут. И вместо стихов помолимся лучше за упокой его души. Священника у нас, к сожалению, нет и не предвидется.

У Николая и молитвослов в рюкзаке был, и в совершенстве знал он, какие молитвы и псалмы когда полагается читать. Да и, вообще, редкая собранность отличала этого парня. Он и экипирован был отменно: в Луганске обзавёлся всем необходимым. И как было не оценить этого, когда из Донецка редкие пополнения прибывали иной раз в шортах и шлёпанцах на босу ногу, будучи уверены, что на месте им выдадут всё необходимое, и не загружая себя вопросом, откуда бы взяться необходимому в осаждённом городе.

В следующие дни Сергей с любопытством наблюдал за новобранцем. Он начинал и завершал день молитвой, не вздрагивал при взрывах и стрельбе, хотя это было бы естественно для человека, впервые попавшего на войну, чётко выполнял все приказы. В нём, несмотря на сугубо мирную доселе специальность, явно угадывалась военная косточка. Через поколения ли передалась она ему? От пращуров - императорских офицеров?

По правилам новички сперва должны были рыть окопы, дожидаясь своей очереди на получение оружия и проходя таким образом проверку. Но этого молодца жаль было томить так долго, и Сергей уже спустя три дня исходатайствовал у Сапёра «льготу» для Фартового. В конце концов, людей не хватало отчаянно, а в своём протезе Сергей был уверен.

Так началась служба Николая Юшина. Ополченцы сперва отнесли к нему с некоторой настороженностью: уж слишком отличался от них этот молодой московский историк. Но вскоре она прошла. Николай легко сходился с людьми, воевал не хуже других, а по-

тому насторожённость скоро сменилась искренней дружбой и уважением. Во время передышек Николай вёл блог, пользуясь планшетом, с которым не расставался, читал прихваченных из дома «Дроздовцев в огне», которых вскоре, впрочем, позаимствовал у него Таруса, давно бывший правой рукой Сергея. Правда, читать было особо некогда, но Таруса старался выкраивать время.

Между тем, обстрелы становились всё ожесточённее, и укрытия уже несколько раз пытались прорвать линию обороны, стягивая несметные силы против маленького гарнизона. Этого им, впрочем, не удавалось. Трусые умеют уничтожать, давить массой, выжигать огнём, но не воевать. И потому терпели поражения от вооружённых рухлядью вплоть до ППШ времён ВОВ ополченцев, сражавшихся и готовых умереть за свою землю и идею. В этой невиданной по неравности сил схватке Бог явно был на стороне последних.

Пришёл, однако, день, когда противник, разгромив передний блокпост, подогнал два танка столь близко к основным позициям ополчения, что каждый снаряд попадал в цель, методично круша укрепления. Их работа дополнялась уже привычными ударами артиллерии с господствующей высоты. Вертолёты, уже не раз потрёпанные ополченцами, теперь не решались приближаться к их позициям – а то ведь недолго украинской армии вовсе без «коров» и «крокодилов» остаться. Впрочем, их отсутствие положение не облегчало.

Прибывший на позиции Сапёр, в отсутствии журналистов скрывавший лицо лишь большими тёмными очками и козырьком кепки, долго изучал в бинокль расположение «осинового гнезда», не обращая внимания на рвущиеся совсем рядом снаряды.

- Черти! – ругнулся зло. – Ведь учатся, учатся воевать... Посмотри, Васильич, как точно танки поместили. Хлещи и хлещи прямой наводкой по нам. А мы и ответить не можем, потому что наша рухлядь на такое расстояние не стреляет. Кабы чуть ближе пододвинулись, можно было бы попробовать – но они точно всё рас-

считали. Эх, нам бы сюда хоть одну самую плохонькую самоходку! Помину бы от их «гнезда» не осталось... Вот что, капитан, звони нашему «десанту», чтоб возвращались. Перед «соседями», конечно, неудобно – обещали помочь, но ПТУРСы нам сейчас и самим понадобятся.

Десант – это Таруса, Фартовый, Дед и ещё пара бойцов, которых Родионов накануне снарядил на подмогу «соседям», у которых, согласно полученным разведанным, ожидалась танковая атака укров.

На звонок Сергея тотчас ответил Николай.

- Юшин, что у вас там?!

- Палят, - лаконично отозвался «вольноопределяющийся». – Танков покамест не видать. Сидим, ждём.

- Хорош сидеть, срочно возвращайтесь назад! – крикнул Родионов, зажимая ухо от нарастающего гула. – У нас того гляди укры прорвутся!

- Есть, господин капитан!

В этот момент очередной взрыв грохотнул совсем рядом.

- Проклятье, если рванёт ещё ближе, то этот окоп станет нашей братской могилой! – сказал Сергей, пряча телефон и потирая заложенное ухо. – Знать, обманулась разведка наша, а, вернее, нарочно обманули её, чтоб мы не там наступления ждали. И, оставив официальный тон, негромко заметил Сапёру: - Ты бы, Игорь, возвращался в комендатуру. Сдаётся мне, что они знают, что ты здесь, а оттого ещё больше свирепствуют. Какой прок будет, если накроют всех?

Командир чертыхнулся – не привык он за спинами подчинённых прятаться, тошнило от этого. Но согласился, скрепя сердце. Напоследок добавил:

- Из укрытия никому не высовываться. Если пойдут напролом, грудью на амбразуру не кидаться. Сметут блокпост – чёрт с ним. Как зайдут, так и обратно отвалят. А жизни бойцов надо беречь! Приказ Первого!

Что и говорить, Первый – человек. Не «по-советски», не «по-жуковски» воюет – для него жизнь каждого бойца из всех ценностей ценнейшая. Родионов и сам от него на одном из совещаний слышал: «Не

камни беречь надо, а людей». Сергей и сам такого же принципа придерживался.

- Сергей Васильевич, а как бы... помолиться нам, а? – было первое, что он услышал, вернувшись на позиции.

- Я, в общем, неверующий, а сейчас, чувствую – надо... - поддержал смущённо озвучившего просьбу Кургана Дениро.

Эти ребята ещё толком не знали молитв, их не учили им в детские годы, не заставила учить до сих дней и жизнь. Они ещё стеснялись молитвенных слов, произносимых вслух. Но в сердцах их молитва уже жила. Жил Бог, ещё незнакомый, но уже простёрший над ними свою отеческую длань.

- Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного, - молитесь так и не ошибётесь, - сказал Родионов, а сам принялся читать про себя псалом-«бронезилет»:

- Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится, речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит мя от сети ловчи, и от словесе мятежна: плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его...

И, вот, очередной грохот. Сергей почувствовал, как подбросило его в воздух и обратно ударило о землю. Очнувшись, он понял, что засыпан землёй, и стал быстро «откапываться». На счастье слой земли был невелик, и через несколько минут можно было уже вновь дышать полной грудью. Отплевавшись от земли, забившей рот, Сергей с радостью обнаружил, что бойцы его также как и он, невредимы. Зато картина, открывшаяся окрест, была почти апокалиптической. Полыхали несколько домов и хозпостроек, догорал стоявший неподалёку внедорожник, на котором обычно вывозили раненых.

- Вот же ж... - ошарашено прошептал Каркуша, тебя рыжеватую щетину. – Там всё смело, а нам хоть бы хны...

- Ладно, - решил Дениро, - если живой останусь, покрещусь, пожалуй. Если...

Он не успел закончить свою мысль, как очередной взрыв сотряс воздух.

Получив приказ срочно возвращаться, Николай сотоварищи проворно погрузили оружие в машину и помчались выручать своих. «Соседи» посматривали на них косо. Хотя обещанные танки так и не нарисовались, но огонь укры вели совсем не слабый, да и атака ещё вполне могла начаться. Уход же группы Тарусы срывал весь ранее намеченный план действий. Олег коротко объяснил местному командиру сложившуюся ситуацию, и тот, хотя и не обрадован был неожиданным поворотом, всё же отнёсся с пониманием:

- С Богом, ребята! Может, укры сюда и не полезут, коли ваших месят. Проводника дать вам?

- Спасибо, я и сам тут каждую тропинку знаю!

Бронированная «Нива» - подарок ополчению от неравнодушных людей из России – стремительно неслась по дороге. За рулём – Дед, ополченец лет шестидесяти пяти из местных, за окладистую седую бороду величаемый также Дедом Морозом, рядом с ним – Таруса, позади - Николай с бойцами. Все раздражены, все на нервах. Всегда неприятно, когда намеченная стратегия полностью меняется во мгновение ока. Да и перед «соседями» неудобняк! Как раз когда отъезжали от них, вертолёт замаячил в небе. А уж пули строчили неумолчно. Что если всё-таки попрут укры? А у мужиков фланг открыт оказался, и взамен намеченной стратегии никакой иной нет? С другой стороны – а свои там как же? Расслышал Николай, когда с капитаном говорил, какой у них грохот стоял – едва перекрикивал его Родионов хрипнувшим от напряжения голосом. Не опоздать бы на выручку!

Николай в десант этот случайно попал. Новичков на такие задания не посылают. Но боец, который должен был ехать, буквально за полчаса до отправления получил ранение, и возглавивший группу Таруса с Родионовым решили дать «вольнотопределяющемуся» случай проявить себя, за что тот был им безмерно благодарен. Правда, отличиться так и не вышло: просиде-

ли несколько часов в зелёнке в ожидании противника и «снялись»... Обидно!

Нива то и дело подсакивала на ухабах так, что лязгали с риском прикусить язык зубы. Скоро должны были выруть «на магистраль», как солидно именовал её Таруса. Но на повороте Дед вдруг резко вдавил тормоза:

- Твою мать!!!

Было, отчего ругнуться непечатно: прямо по шоссе пёрла, что по своему плацу, колонна укров. Не ахти, конечно, какая мощь: бронированный джип впереди, пара БТРов да самоходка «Нопа» – но «тоже зверь»!

- Куда ж они ползут-то?.. – прищурился Дед.

- Похоже, к нам гости, – отозвался Олег. – Во фланг, видать, метят, суки!

- И чего делать будем? – озадаченно спросил один из бойцов.

- Чего-чего... Валить будем, – ответил Николай, уже доставший подробную карту местности, которую раздобыл ещё по пути на передовую и теперь не расставался с ней, как заправский командир.

- Ишь ты пострелец какой! – хохотнул Дед, поглаживая бороду. – Как мы их валить-то будем?

- Просто, Борисыч, просто. При помощи быстроты и натиска, как учили наши великие полководцы от Суворова до Каппеля!

Это в крови у него было – в самых критических ситуациях время точно замедляло свой ход, мысли обретали кинжальную оточенность, а глаза – звериную зоркость. Он уже не помнил, что является в этой группе младшим, мальцом-новобранцем, что решения по праву старшего должен принимать Таруса. Он знал, что делать, а, значит, не задавал вопросов, не мямлил, не отвлекался на субординацию, а уверенно диктовал, точно бы говорил в нём теперь дух предка-генерала:

- Если я правильно понимаю, они пойдут по кругу по шоссе. Наша задача перерезать им путь. А для этого мы должны домчаться до этого поворота, – Николай ткнул пальцем в карту, – раньше их.

- Гляди-ка, какой генерал народился! – Дед с усмешкой покачал головой.

- Погоди, Борисыч! Фартовый, может статься, дело говорит, - остановил его Таруса.

- Можем мы напрямик на эту точку вырулить? – спросил Николай.

- Можем, - ответил за шофёра Олег. – Есть тут тропинка одна. Правда, «американские горки», но ништяк – прорвёмся!

- Тогда чего ж мы ждём? Погнали! - воскликнул Николай. – Они на средней скорости ползут, а мы рванём на максимуме. А дорогой решим, что дальше будем делать.

- Чего-чего... - пробурчал Дед. – Домчатся раньше их до наших и упредить...

- Борисыч, не рассусоливай, гони скорей! – распорядился Олег, хлопнув шофёра по плечу.

- Как скажете, ребята. Только головы берегите и языки на наших «горках», - пожал плечами тот и, круто развернувшись, рванул, съехав с обочины, в лес.

«Американские горки» оказались и впрямь нелегки для путешествия по ним. От такой тряски Николая даже замутило маленько. А Дед – ничего, привычный – песню насвистывал времён отечественной войны.

- Гляди-ка, заяц! – тыкнул один из бойцов пальцем в окно.

- Какой на хрен заяц, твою мать?! – грозно рыкнул Таруса. – Сафари нашли, придурки!

- Лес у нас хороший, - невозмутимо, ласковым тоном заметил Дед. – Тут тебе и зайцы, и лисы, и...

- Много диких укров! Борисыч, за дорогой следи!

- Я за ней и вслепую услежу! Сорок лет по этим дорожкам катаюсь! Не стремайтесь, ребята.

На шоссе они выскочили, опередив укров, и Николай, за время пути окончательно обдумавший план, распорядился:

- Машину кинем прямо посреди дороги...

- Командир нам за машину голову оторвёт и не только! – возразил Дед.

- Скорее, наградит, если всё получится.

- А если нет? – прищурился Борисыч.

- А такого быть не может! – уверенно отрезал Николай. – Я залягу прямо за машиной. Когда укры останутся и выйдут, начну палить по ним. Одновременно подключитесь вы. Вас четверо: займёте позиции по обеим сторонам дороги в зелёнке и начнёте их крошить. Постарайтесь самоходку не покалечить! Нам необходимо её захватить, а не уничтожить!

- Немного-немало... - озадаченно хмыкнул один из бойцов.

- Ну, точно генерал народился! – снова усмехнулся Дед.

- Не рассуждать! - оборвал Таруса. – План хорош, но, - обратился к Николаю, - мне не нравится твоя позиция. Укры тебя враз зашибут!

- Меня не зашибут – я заговорённый, - чуть усмехнулся тот.

- Ишь ты, заговорённый! Без году неделя на войне, а туда же! – развёл руками Борисыч.

- Ты или герой, или сумасшедший, - заключил Таруса. – Как бы то ни было, ты мне нравишься. Борисыч, машину на позицию!

Дед нехотя развернул Ниву на дороге. Бойцы проворно выгрузились из неё вместе с оружием и поспешили занять намеченные позиции.

- Ещё одно забыл! – крикнул Николай им вслед. – Когда укроп крошить начнёте, орите погромче «Аллах-Акбар!». Укры страсть как чеченов боятся – пусть им ещё стрёмнее будет!

Таруса покрутил пальцем у виска:

- Всё-таки ты придурок! – но отказаться от затеи «придурка» не подумал и с остальными бойцами исчез в зелёнке.

Николай залёг позади машины, вслушиваясь в приближающийся ропот ползущей по дороге вражеской техники. Вот, она вырулила из-за поворота и, уткнувшись в нежданное препятствие, остановилась. Жаль, растяжку грамотную для неё сделать времени и умения не было... Когда б ещё бойцов побольше... Хотя

пятерых на свидомых вояк хватит! Перемоги им ждать неоткуда.

Из передней машины осторожно вылез нацгвардеец и, шаря в воздухе автоматом, двинулся к Ниве. Николай приподнялся и первым дал по противнику автоматную очередь:

- Аллаху Акбар!!!

Этот же крик раздался из лесу, и по стоящей колонне заработали гранатомёты ополченцев.

Падая на землю, спасаясь от ответной очереди, «вольноопределяющийся» успел швырнуть ручную гранату в Джип, и тот загорелся. Из него выскочили трое охваченных пламенем нацгвардейцев, и сразу были расстреляны вновь поднявшимся из своего укрытия Николаем. Ответным огнём была поднята на воздух и Нива, а сам «вольноопределяющийся» - отброшен взрывной волной в сторону и, ударившись головой об асфальт, ненадолго «выпал в иное измерение».

Когда он пришёл в себя, бой уже заканчивался. Оба БТРа полыхали, и огонь уже подбирался к самоходке:

- Борисыч! Борисыч! – заорал Николай. – Нону уводи!!!

Он бы и сам кинулся уводить столь драгоценную технику, но долго было бежать, да и не достало бы книжных знаний, чтобы сообразить, как с этой техникой сладить. А Борисыч – с любой техникой «на «ты»».

Дед мгновенно смекнул, что к чему, и уже через несколько мгновений, самоходка дала задний ход, отодвигаясь из опасной зоны.

Обойдя обгорелую Ниву, Николай остановился перед телами четырёх убитых нацгвардейцев. Первых убитых им людей. Пусть врагов, но всё-таки людей. В бою, стреляя по ним, он не чувствовал ничего, кроме желания – уничтожить. Ибо иначе уничтожат они. Но теперь, после боя, тяжело было смотреть на них. Были ли они идейными нацистами или же просто призывниками? Где-то у них тоже остались семьи, матери, дети...

Николай перекрестился и, переходя от тела к

телу, стал каждому из убитых закрывать глаза, читая молитвы.

- Фартовый, ты чего делаешь-то? Долбанулся окончательно уже, что ли? – раздался прямо над ухом голос Тарусы. - Давай живо, сваливаем отсюда, а то ещё какая-нибудь тварь наедет!

- погоди, Олег, хоть это враги, а тоже люди. Тоже по-человечески надо.

- Может, ещё панихиду отслужишь и прикопаешь их?!

- Это было бы правильно, но на это времени у нас нет, - тихо отозвался остывший от недавнего боевого задора Николай. - Но глаза убитым надо закрыть и... простить их...

- Ты точно псих! Полный! – заключил Таруса.

- Возможно, - не стал спорить Николай. - Но зачем ты тогда последовал моему плану сегодня? Ты ведь командир нашего отряда, мог отказаться.

- На хрена ж отказываться, если план дельный? Ты лучше скажи, как это ты так влёт сориентировался? Ты ж не воевал, почитай, ни дня!

- Это правда, - согласился Николай. - Зато очень много читал о войне. Практика, конечно, важнее теории, но иногда и теория бывает полезна.

- Теоретик, - усмехнулся Олег. - А ведь ты, видать, и впрямь заговорённый! Смотри-ка, цел и невредим. Одно слово - Фартовый!

- Просто укры – мазила и воевать не умеют, - отозвался Николай, выпрямляясь.

- Эй, ребятки! Сколько вас ждать, мать вашу?! Ну, быстро на броню! Наши, небось, уже помощи заждались! – крикнул Дед.

- Вот, ещё один командир! – улыбнулся Таруса. - Но и он прав! Айда! До наших позиций тут уже недалеко! А наш трофей для них куда как кстати будет! Насыплем укропам перцу под хвост! Аллахакбарнем по самое «не могу»!

Глава 10.

Зевнули орудия, руша
Мосты трехдюймовым дождем.
Я крикнул товарищу: «Слушай,
Давай за Россию умрем».
В седле подымаясь как знамя,
Он просто ответил: «Умру».
Лилось пулеметное пламя,
Посвистывая на ветру.
И чувствуя, нежности сколько
Таили скупые слова,
Я только подумал, я только
Заплакал от мысли: Москва...⁴

Когда он читал эти строфы, голос его по-мальчишески звенел, а глаза светились огнём. Он много чего читал в этот вечер, хмелея от высокого слова за неимением чего-либо более крепкого. Это был его вечер, его день. Он был героем, которого чествовали все – даже хмурый Курган-Каркуша. Его фотографии уже облетели интернет, фрагмент сюжета о нём, снятого Курамшиным и Агнией мелькнул в федеральных новостях, его блог ломился от комментариев друзей и врагов... Даже Ленка расцеловала его в обе щёки, чем немало рассердила Каркушу, но в такой день ему пришлось примириться.

Конечно, чествовали и Олега, и Деда, и других бойцов, но всё-таки в первую голову Фартового, ибо простосердечный Таруса сразу заявил, что без него никогда бы не провернули они своего лихого налёта, а значит, столь вовремя прибывшая Нона не раздолбала бы вхлам «осиное гнездо», спровоцировав у противника массовый приступ диареи, а противник, в свою очередь, имел бы все шансы прорвать передовую линию.

- Ничего-ничего, - шептал Курган на ухо Роберту,
- придёт день, и меня так чествовать будут!

- Для этого надо быть фартовым! Вон, гляди, ни одной царапины!

- Просто укры – мазилы...

- А я думаю – просто Бог есть. Иначе мы бы сегодня из того окопа не вылезли.

- Просто свезло!

- Ты считаешь?

- А то!

- Тьфу ты! Сколько раз просил: оставь ты это своё «а то!» Ассоциации нехорошие! А судить можешь, как хочешь – фортуна ли, Бог ли... А только мы все сегодня живы наперекор логике.

- Ничего, у них снарядов хватит – закопать всех нас ещё раз десять... - буркнул Каркуша, хмуря смешную конопатую физиономию.

- Да ну тебя к ядрёной бабушке, - беззлобно буркнул Роберт. - Завистлив ты, брат, как погляжу! А завистливые и злые люди знаешь, в кого превращаются? В укров!

Гоготнули рядом слышавшие шутку бойцы. Усмехнулся и Курган, махнул рукой:

- Ладно, проехали!

Вечер необычно тихим выдался для последних огневых недель. Нанеся несколько беспорядочных ударов по Предместью, раздосадованные очередной неудачей укры унялись. Тишина, впрочем, не слишком радовала Роберта. Тишина возвращает мысли, память... А вместе с памятью – боль. Конечно, она не уходит и в боях, но притупляется, не теснит грудь так немилосердно. Теперь же рвала она сердце стальными когтями, не давая разделить общее веселье, этот столь редкий привал, «пикник на поле боя»...

За проведённые на фронте недели Роберт так и не разрешил те мучительные вопросы, которые не позволяли ему остаться в Одессе. Ясна была цель на текущий момент: отстоять, отомстить, победить... И воли для этого было не занимать – её питала ненависть, умножавшаяся с каждым днём, с каждым погибшим товарищем. Но что же дальше? Ведь как-то, чем-то надо жить... А душа, точно сгоревшая в Доме Профсоюзов, не знала – как и чем. И теперь, едва закрыв глаза, видел перед собой Роберт полыхающее здание, гибнущих людей, Юру и Иру... И сестру, её последний взгляд... И мать...

Есть люди, которым по душе военное ремесло – такие, как Сапёр, Профессор. Роберт не относился к ним. Но война стала его жизнью, потому что только постоянный риск, постоянное ощущение близости смерти, дарящее облегчение, встроенность в строгую военную дисциплину давали ему силы. Вне этого – пустота...

Сегодня, оказавшись погребённым под слоем земли, он впервые испугался. Страшно быть похороненным заживо! И вслед затем, вновь увидев солнце, вдохнув жаркий летний воздух, ощутил давно забытое и ещё очень смутное чувство – *радость жизни*. Радость видеть небо над головой, слышать голоса друзей, говорить, ходить, действовать... А ещё он впервые почувствовал, что Бог всё-таки есть. Он ещё не верил вполне, но уже искал этой веры и застенчиво, таясь от других, попросил Профессора написать ему несколько молитв. Тот написал и подарил карманное Евангелие...

Семья Роберта всегда была далека от религии. Отец его происходил из семьи «старых большевиков». Роберт хорошо помнил, как ругался дед, когда в начале 90-х стали восстанавливать храмы. Для старика это было «плевком на все наши достижения». Отец, конечно, был далёк от большевистского задора родителя – ему просто не было ни малейшего дела до религии, и на верующих он всегда смотрел снисходительно, как мудрый человек на несмышлёнышей. Само собой, из всех партий семья Роберта поддерживала только коммунистическую. Он, впрочем, едва выйдя из-под материнской опеки, вовсе перестал участвовать в выборах, считая себя слишком трезвомысленным человеком, чтобы строить из себя дурачка, ставя крестики в бюллетенях...

Рационалист до мозга костей, он с одинаковой снисходительностью посматривал на всех «верующих»: церковников, партийцев или же поклонников какого-либо иного культа. Вера казалась ему слабостью человеческой природы, не умеющей быть самодостаточной...

Однако, такая иррациональная штука, как война, способна разбить вдребезги любые рациональные построения и при этом словно отворить люк глубокого

колодца, позволив душе увидеть Небо. А увидев его, приходит желание, во что бы то ни стало, уцепиться хоть за краешек его, не потерять.

Рушился мир – внутренний, внешний. И одолевали сомнения – а удастся ли выстроить иной? Глядя на умирающий Город, падало сердце в бездну неверия. Вот, и журналисты приехавшие не порадовали – рассказали, что в Городе уже нет воды и практически нет электричества. Восстановить подачу нет никакой возможности, ибо ремонтные бригады не могут работать из-за постоянных бомбёжек. Одна из них так и погибла – при исполнении. А потому воды нет. Воду берегут. Её черпают из городских фонтанов, её раскупили в магазинах, её набирают во все ёмкости, когда скупая природа всё-таки посылает дождь. Вода в городском бассейне зацвела и дурно пахнет, и её теперь можно использовать только для хознужд. В гостинице журналисты для нужд личной гигиены использовали боржом – оно ещё было... А ведь вокруг Города столько озёр! В это время года на их пляжах всегда было много народа, а теперь никого, потому что мины рвутся и там...

- ...В городах, ураганами смятых,
В пепелищах разрушенных сел
Столько сил, столько всходов богатых,
Столько тайной я жизни нашел.
И такой неустанною верой
Обожгла меня пленная Русь,
Что я к Вашей унылости серой
Никогда, никогда не склонюсь!

Эх, когда бы этакую веру иметь! А он ведь верит, этот московский «белогвардеец», в чужие строки-заветы, что читает с таким вдохновением. Верит! Даже лицо его, обычно строгое, сосредоточенное – как ясно теперь. Даже взгляд другой...

- ...Мы пойдем! Мы придем и увидим
Белый день. Мы полюбим, простим
Все, что горестно мы ненавидим,
Все, что в мертвой улыбке храним...⁵

Твои бы, в смысле поэта этого, слова – да Богу

в уши... Тягостно было Роберту со своими мрачными думами среди общего торжества изображать бодрость и безунывность. От этого ещё тяжелее делалось. Хотя как будто бы не ему одному? Вон и Профессор печален и задумчив. Он, правда, весёлостью и вообще не отличался. Улыбка – нечастая гостья на его сухощавом лице аскета. Но обычно он куда более разговорчив. Могли бы с Фартовым «парный конферанс» устроить... Нет, молчит, смотрит куда-то в сторону и лишь изредка из вежливости улыбается печальной улыбкой чьей-то шутке, изредка роняет фразу-другую, вспоминая что-то из своего боевого опыта.

Тоскует и дамочка-журналистка. Ну да тут всё ясно. Бросил её г-н Курамшин и отправился к Сапёру. Говорят, давние приятели они... Уж не размыкают ли втихаря, пока тут на сухую заседать приходится?

- Сергей Васильевич, вы бы тоже прочли что-нибудь, - резво просит Фартовый, упоённый своим положением героя, с обожанием глядя на командира.

- Нет уж, увольте, - тонко улыбается Профессор, как всегда «по-старорежимному» «выкая». - Вы сегодня герой – вот, и солируйте!

- Соло – хорошо, а дуэт – завсегда лучше, - смеётся другой герой дня Таруса. - Эх, жаль гитары нет... Сейчас бы забацали что-нибудь, чтоб душа развернулась!

- В самом деле, Сергей Васильевич, поддержите почин героя, - неожиданно поддерживает Фартового журналистка.

Профессор с удивлением косится на неё – ему явно не по душе навязчивость этой дамочки. Однако же, как джентльмен, даме отказать не может:

- Если женщина просит... - разводит руками.

Он читает негромко, вкрадчиво, точно и не стихи декламирует, а делится собственными воспоминаниями, рассказывает неспешно, глядя перед собой:

- Ты в темный сад звала меня из школы

Под тихий вяз. На старую скамью,

Ты приходила девушкой веселой

В студенческую комнату мою.

И злomu непокорному мальчишке,

Копившему надменные стихи, -
В ребячье сердце вкальвала вспышки
Тяжелой, темной музыки стихий.
И в эти дни тепло твоих ладоней
И свежий холод непокорных губ
Казался мне лазурней и бездонней
Венецианских голубых лагун...
И в старой Польше, вкапываясь в глину,
Прицелами обшаривая даль,
Под свист, напоминавший окарину, -
Я в дымах боя видел не тебя ль...
И находил, когда стальной кузнечик
Смолкал трещать, все ленты рассказав,
У девушки из польского местечка -
Твою улыбку и твои глаза.
Когда ж страна в восстаньях обгорала,
Как обгорает карта на свече, -
Ты вывела меня из-за Урала
Рукой, лежащей на моем плече.
На всех путях моей беспутной жизни
Я слышал твой неторопливый шаг.
Твоих имен святой тысячелистник, -
Как драгоценность бережет душа!
И если пасть беззубую, пустую,
Разинет старость с хворью на горбе, -
Стихом последним я отсалютую
Тебе, золотоглазая, тебе!⁶

Решив, что компания всё-таки вполне обойдётся без него, Роберт ушёл, не став дольше слушать Тарусовских песен акапелла, воспоминаний Профессора и перебранок Каркуши с Ленкой. Ему хотелось побыть одному.

Улицы были погружены в темноту. Уцелевших домов на них осталось – добро, если треть. Прочие – обращены в руины. Уцелевшие люди за редким исключением уехали, бросив всё, в никуда. А сколько – не уцелевших... Которых приходилось извлекать из-под завалов... Это страшнее, чем самому быть под огнём, потому что эти лица – погибших и их родных уже

никогда не изгладятся из памяти. И перед каждым из них останешься виноват. Как перед сгоревшими в Доме Профсоюзов «куликовцами»... Самое страшное не тогда, когда вражеский огонь бьёт по тебе, и не тогда даже, когда оказываешься погребённым заживо в окопе, хотя это совсем неприятно. Страшно – по кусочкам собирать то, что несколько минут назад было живым человеком. Твоим товарищем. Эти дымящиеся ещё кусочки тушить и укладывать на носилки, а затем нести, везти... И виноватиться за то, что на сей раз убили не тебя.

И когда рядом рухнет израненный друг,
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили его не тебя... ⁷

Достоевский был прав, это черта русского человека – чувствовать себя виноватым, ответственным за всё и пред всеми. Интересно, укры когда-нибудь чувствуют себя виноватыми? Может, кто-то в порядке исключения и чувствует... Но не те упоротые, что уничтожают мирное население, гордо позируя перед камерами, не те, что жгут живых людей, и не те, кто покрывает это, поддерживает и мотивирует на новые преступления. Они ничего не могут чувствовать, потому что уже были из звания человеческого, превратившись в нелюдей, в упырьков, как называет их Каркуша. А, значит, и к ним не может быть ни малейшей жалости...

Описав небольшой круг, Роберт опустил на забор одного из полуразрушенных домов и закурил третью по счёту сигарету – спасибо Курамшину, удалось разжиться никотином. Внезапно до его слуха донеслись голоса, которые он без труда узнал. Правила хорошего тона требовали немедленно ретироваться, но любопытство взяло верх в бывшем юристе, и он напротив наострил слух.

- Я помню эти стихи, Серёжа. Ты читал их мне там... в нашем доме...

- Я много чего читал тебе тогда.

- И я до сих пор ничего не забыла... А ты? Ты помнишь наш дом? Мы прожили там целое лето. По-моему,

это были единственные месяцы нашей жизни, когда мы были счастливы... Наш дом... Помнишь нашу мансарду? Балкон, резные наличники... Лестница, крутизны которой боялись все гости...

- И на которой предательски скрипели третья и пятая ступеньки...

- Ты всё помнишь! Да, третья и пятая. Мне их скрип иногда снится, как шум леса и стон поездов... Теперь, наверное, все ступени скрипят. А, может, уже и сгнили, сломались, как и сам дом...

- Зачем же ломаться? Два года назад я починил и их, и крыльцо, и твои резные створки. И всё, что там требовало починки.

- Ты был в нашем доме?!

- Почему тебя это удивляет? Ты же оставила мне ключи. Я был проездом в тех краях и решил заехать, посмотреть... А когда увидел мерзость запустения, то решил, что нехорошо будет так всё и оставить. Мои предки были простыми крестьянами, и хотя сам я всю жизнь прожил в городе, но инстинкт-то остался. Тяжело мне видеть заброшенные дома, поля. Всегда хочется руку приложить, поправить. У меня как раз намечался отпуск, и я посвятил его благородному физическому труду в виде восстановления твоего дома.

- Нашего...

- Допустим. Вообще, думаю, к старости надо будет уехать в какую-нибудь глушь и зажечь нормальной жизнью, какой жили мои предки.

- Спасибо тебе, Серёж...

- За что?

- За дом. И за то, что не забыл... Я не хотела ни о чём говорить здесь и сейчас, но... Мы же не знаем, что будет завтра, будем ли мы живы завтра! Поэтому скажу... Ты... прости меня. Я ведь... не тебя тогда предала, а себя.

- Не понравилась Италия?

- Понравилась. Только я там – невозможна. Чужая я там... Всё вроде хорошо: квартира, машина, комфорт и лоск... А мне в этом комфорте, стоило глаза закрыть,

наш дом снился. Со всей его неустроенностью и запущенностью. И до слёз хотелось всё назад вернуть...

- И с мужем своим новым ты, конечно, думала о другом...

- Может быть, и думала. А разве ты жил монахом эти годы?

- Тебя это не касается. К тому же я мужчина. И, в конечном итоге, именно ты от меня сбежала, а не я.

- Я виновата и прошу у тебя прощения. Но разве ты был во всём прав? Если бы ты позволил мне ещё тогда сделать то, что я делаю сейчас, всё было бы по-другому. И потом, вспомни, сколько раз я звонила и писала тебе! Тогда никакого Марко ещё не было и в помине... Тебе довольно было хотя бы раз снять трубку и сказать, что я тебе нужна. И я бы вернулась! Но ты мне так и не сказал этого, ничего не сказал... И я не стала навязываться.

- Что ж, надо признать, что мы оба, вероятно, были слишком горды и самолюбивы, чтобы понять друг друга. Да и вообще... В итоге, чего мы достигли, прожив, как минимум, половину жизни? Я не поднялся выше капитанского чина и оказался на улице, потому что офицерские погоны очень понадобились всевозможным любовницам и прочей сволочи, тогда как боевые офицеры, не готовые шакалить, наоборот оказались категорически не нужны. Поэтому нашего брата вывели за абшид, а Родина обрела гламурных «офицеров» с пятым номером бюста... А ты... Тебе так и не удалось воплотить ни одного своего замысла. А ведь их у тебя много было, я помню! Тебе пришлось удовольствоваться ролью добросовестного статиста, ассистента при чужих замыслах...

- Не всё так безнадежно. Теперь у меня есть новый замысел. Он совсем не так масштабен, как прошлые, но уж его-то я осуществлю. Мне кажется, мы сейчас, наконец, оказались в своём времени и на своём месте. И ты, и я. А, значит, всё ещё только начинается.

- Стало быть, твой оптимизм ещё не иссяк?

- Это не оптимизм. Просто... Не знаю, как сказать. У меня такое чувство, будто я за четырнадцать лет

- первый раз живу. Не имитирую - жизнь - следуя не мной установленным правилам, вписываясь в чужие трафареты, а живу. Может быть, поэтому мне теперь ничего не страшно.

- Да? А мне страшно, Аля. Потому что от пуль и мин я не смогу тебя защитить. И я бы дорого дал, чтобы тебя сейчас здесь не было. Мне достаточно ответственности за моих бойцов!

- Я не твой боец, Серёжа. И ты за меня не отвечаешь. И никто за меня уже давно не отвечает, кроме меня самой... Но, однако же, стоило приехать сюда, чтобы вновь услышать эти слова: «Я не смогу тебя защитить...»

- А если я попрошу тебя уехать?

- Бесполезно. Я ведь не к тебе приехала и останусь здесь до конца. Каким бы он ни был.

- Ты сумасшедшая.

- А ты? Разве нормален?

Да, пожалуй, эти двое оба были ненормальными. В своём роде. Роберт не видел их лиц, но легко представлял их: хрупкая женщина неопределённого возраста с октябрьским печально-прозрачным отсветом в глазах и высокий средних лет офицер с худым, усталым лицом... Она, должно быть, чуть улыбается, но грусть так и таится в кончиках её губ, а он... Вероятнее всего, пощипывает ус и нервно поправляет небольшие очки. Сколько ж лет не виделись эти люди? И, вот, столкнула их война, разгоревшаяся так далеко от обоих, но обоим не позволившая жить прежней жизнью, остаться в стороне. Как, однако, чудно переплетены человеческие судьбы! И неужели безо всякого смысла? Высшей воли на то?

Роберту, наконец, стало совестно подслушивать дальше разговор командира с женой, и он осторожно отошёл от дома, машинально закуривая очередную сигарету.

Глава 11.

Утро нового дня началось с очередной перестрелки – правда, вялой с обеих сторон. Укры, видать, ещё не пришли в себя после вчерашнего и вновь наращивали силы. А ополченцам – к чему зазря боеприпасы тратить? Их и так – дефицит острый. Профессор говорил, что в таком же положении была Добровольческая армия в дни Ледяного похода: горстка отчаянных, окружённая со всех сторон многократно превосходящими силами противника и берегущая каждый патрон... Сравнение, может, и лестное, но оптимизма не внушает ни на грош.

В отсутствие капитана Олег оставался на позициях за старшего. Ему, как и другим бойцам, уже порядком надоела позиционная война, оборачивающаяся лишь каждодневными потерями среди мирного населения, и страстно желалось настоящего дела. Но какое, к чёрту, может быть дело? С голыми руками против артиллерии и танков не попрёшь. Сиди и жди... Штурма...

В кармане запиликал телефон. Олег машинально поднёс трубку к уху и вздрогнул услышав:

- Здорово, брат! А знаешь, кого я сейчас вижу в прицеле?

Олег инстинктивно пригнулся.

- Во-во, тебя. Ты башку свою не выставляй в другой раз, а то ведь на моём месте может кто другой оказаться.

- Значит, ты всё-таки здесь? Лёнь, какого хрена ты здесь делаешь?

- А ты?

- Я, вообще-то, здесь живу и вынужден защищать свой дом.

- От кого? От меня?

- Выходит, что и от тебя тоже!

- Вместе с террористами?

- Лёнь, твою мать! Вруби мозги хоть на секунду! Я что – террорист, по-твоему? Других террористов здесь нет!

- Скажешь, русских нет?

- А ты кто?! А я кто?! – заорал Олег в бешенстве, разгибаясь. – Ишь ты, какой справный украинец нашёлся! Коли я террорист, так давай стреляй в меня! Ну! Чего ждёшь?!

- Да не ори ты... Не буду я в тебя стрелять. Никогда не буду, понял? Мы ж братья всё-таки...

- Я тоже не буду в тебя стрелять. Потому что мне жаль отца. И бабу. Но про братьев – не надо... Три дня назад вашей миной убило пятилетнего мальчишку. Террориста, по вашим понятиям. Так, вот, лучше бы ты меня убил, а не детей.

- Я никаких детей не убивал!

- Какая, на хрен, разница, если ты сражаешься на стороне тех, кто их убивает?! Наш прадед войну в Берлине закончил, а ты...

Телефон дал сигнал отбоя. Олег едва удержался, чтобы не швырнуть его о землю:

- Трус! Бандеровец грёбанный! Упырок! - он закурил губу. – Какой же упырок... Чем же их там поят в этом проклятом Киеве? И как же им объяснить...

Лёнька всегда был добрым малым, честным. Значит, если он пришёл сюда, то был искренне убеждён, что здесь – враги. Как это могло быть? Неужели и отец думает так же? И сколько же таких замороченных лёнек по ту сторону сражается и гибнет, становясь пушечным мясом в страшной игре мразей-политиков...

Только сейчас до Олега стали вполне доходить слова Профессора, которые ещё неделю назад показались ему при всём уважении пустым мудрованием, не актуальным для текущего момента.

Тот день принес известие о крупной операции «соседей», итогом которой стал разгром колонны противника. Больше всех этому событию радовались Дениро и Каркуша.

- Накрошили укропа – молодцы! – потирал руки одессит, недобро усмехаясь. – Будут вам, сукам, ещё и ягоды. За всё! Жаль, оружие захватить не удалось – пригодилось бы... - он с удовлетворённым видом рассматривал фотографии побоища на своём смартфоне,

показывал подсевшему Каркуше: - Гляди, лепота какая! Понабили гадов...

- Можно бесконечно смотреть на три вещи: огонь, воду и накрошенный «укроп», - заключил Каркуша.

- Не вижу причин для вашего упоения, - резко оборвал их Профессор.

- Почему, товарищ капитан? Це ж враги! – пожал плечами Каркуша.

- «Це» – такие же русские и украинцы, как и мы, которым запудрили мозги, заморочили, заставили их поверить в то, что мы их враги, отравили ненавистью их души. Вот, и вся их вина. Думаете, при должной обработке вас бы не смогли зомбировать так же? Ещё как смогли бы. Опыта специалистам в этом деле не занимать, он не один век насчитывает... Поймите же... - лицо Профессора страдальчески исказилось. – Наши настоящие враги – это те, кто исковеркал, вывернул наизнанку души наших братьев с тем, чтобы они стали убивать нас, а мы их. Они одни заслуживают нашей ненависти. И если Бог позволит нам дотянуться до них, то к ним пощады быть не может. Но пока они далеко, и мы вынуждены сражаться с их жертвами, которые гибнут во имя великой лжи, которую сделали их идолом. А они – тоже люди. Русские люди, друзья мои. И радоваться их гибели я не могу, потому что помню, кто они на самом деле, кем рождены, а не кем их сделали мерзавцы-манипуляторы.

Вот уж не стал бы Олег сволочь по ту сторону русскими людьми считать. Выродки они и только. И права, в конце концов, их грёбаная «звезда» с её «Никогда мы не будем братьями». Точно, не будем! Правильно бард российский Лоза ей ответил:

Вы себя возомнили смелыми,
Не рабами, что в цепи закованы,
Только где ваши пашни спелые?
Вы давно свои земли продали!

Никогда вы не будете братьями!
Нам нацисты — враги беспородные,

И не смейте себя, предатели,
Называть Украинцами кровными.

А Профессор гнул своё, с болью в глазах и голосе
разъясняя:

- Самая великая победа наша была бы не в том, чтобы убить их, но переменить их сознание, вернуть их! Внушить им наши идеалы, сделать одними из нас. Когда иные из них трезвеют и встают на нашу сторону – это победа. А убить... Это трагическая необходимость любой войны, но никакая не победа! Вдумайтесь! Мы убиваем их, они нас. Знаете, что получается в итоге? Сокращение общей численности русских, славян в мире. Кому это выгодно, кто ввергнул нас в эту бойню, и кому возносится эта кровавая жертва? Нет ничего более страшного, чем заставить две части одного великого народа воевать друг с другом, чем апофеозом Русского Мира сделать битву России и Украины... Только и это ложь! Потому что это не Россия с Украиной воюет, не русские с украинцами, не православные с инославными, и не коммунисты с фашистами... По обе стороны фронта воюют люди разных национальностей, вер, убеждений. Мы могли бы быть со многими из них друзьями, и были ещё совсем недавно. Наш фронт, друзья мои, лишь один из фронтов большой мировой войны нового формата, которая уже идёт по всему миру, то там, то здесь переходя в горячую фазу. За что боремся мы? Отметая многочисленные более узкие мотивации, которые есть у каждого из нас - за сохранение наших традиций, за правду, за наше достоинство и самостояние.

- А что такое традиции? – подала голос Ленка, встряхнув рыжими волосами. – Вы, вот, с Фартовым, монархисты. А Таруса, допустим, социализм чтит. А Каркуша и вовсе таких слов не знает. Да, Каркуша?

- Да уж не безграмотнее тебя! – огрызнулся Каркуша.

- Традиции, – ответил Профессор, больше напоминавший в эти минуты лектора на университетской кафедре, нежели офицера на передовой, – это наша земля, наш уклад жизни, наш язык, наша культура,

наши ценности, наша история, наши герои и святые. А что мы видим с противоположной стороны? Разрушение традиций, принудительное навязывание своих беспочвенных, антиисторических идей, разрушение морально-нравственных ценностей и социальных основ по чуждым западным лекалам, во имя «вступления в европейскую семью» на правах услужливого лакея... А вместе с тем варварское истребление, разорение и разграбление всего, что встаёт на пути, будь то храмы, музеи, памятники, объекты инфраструктуры или частное жильё. По сути дела, то, что мы видим, есть ничто иное как вандализм новой формации, упорядоченный и целенаправленный, нео-вандализм, в котором к вандализму обычному, чинимому «рядовыми» вандалами, добавляется надстройка, управляющая процессом и занимающаяся тем же самым разрушением уже на мировоззренческом, культурном, социально-политическом, духовном уровне. Давно известно, что лучший способ порабощения народа – это лишение его исторической памяти, корней, культуры, языка. Его-то и применяют сегодня нео-вандалы для подчинения себе всего мира, пользуясь для этого возведённой в абсолют Ложью. И потому уже самим этим фактом, фактом непризнания Лжи мы обречены сражаться за Правду! Мы не желаем быть насильно вписанными в заготовленные мировыми кукловодами трафареты, не желаем принимать наглый диктат Лжи, не желаем существовать в качестве людей второго сорта, чьи традиции и сама жизнь втаптываются в грязь. Вот, против чего мы боремся!

- Точно, - согласился Фартовый. – Поэтому-то нас по всему миру столько людей и поддерживает. Они же сами перед тем же выбором стоят. Отстаивать своё или подчиняться чужому, быть этим чужим перемолотыми. Я в Европе бывал не раз – знаю. Усыпленное пропагандой большинство, правда, опасности пока не чувствует. Но не утратившие совести и здравого смысла видят и понимают всё.

- Конечно, понимают! – сказал Каркуша. – Чего уж тут не понять, когда против нас фашисты со свастиками прут!

- И это тоже, - не стал спорить Профессор. - Но понимают они и то, что по всему миру идёт война между новым Мировым Порядком, который не принимает никаких самостоятельных укладов, мешающих формированию единого покорного стада, и «жезлом железным» навязывает уклад опирающихся на власть посредственности ростовщиков, и теми, кто не признаёт этих ростовщических мер и установок. Последние противостоят сегодня не только политической экспансии, финансовому тоталитаризму, но духовной глобализации, подменяющей реальную свободу выбора между добром и злом, свободой самого зла - разнузданием самых низменных страстей, «правом на бесчестье». В этой подмене заключена вся суть Майдана!

Про Мировой Порядок Олегу кое-что читать приходилось. Жидомасоны, Рокфеллеры, мировая олигархия... Правда, вот, вникнуть в это дело времени всё не доставало. А, пожалуй, ведь надо было?

- Установлению Мирового Порядка послужили и Первая, и Вторая мировые войны, спровоцированные одними и теми же руками, - говорил Профессор. - Третья - призвана довершить этот процесс. И ему очень мешают любые противящиеся силы, будь то отдельные люди или целые страны. В средствах борьбы нео-вандалы не стесняются никогда. Неудобных просто уничтожают, стирают с лица земли, что мы уже видели в Ливии, Сирии, Ираке, а ещё прежде - Югославии. А теперь испытываем на себе... - он перевёл дух. - Для чего я это всё вам говорю? Для того, чтобы вы не заблуждались в отношении реальной сути нашей войны. Древний китайский мыслитель Сунь Цзы говорил, что для победы необходимо знать своего врага и самого себя. Без этого знания нельзя выработать верной стратегии, а одной лишь тактикой можно выигрывать сражения, но нельзя выиграть войну. Если мы хотим победить, то не имеем права в чём-либо уподобляться нашему врагу. Ложь, подлость, насилие, глумление над убитыми - ничего этого не должно иметь место среди нас. Или вы думаете, что, смакуя снимки с изуродованными телами украинских солдат, вы чем-то отличаетесь от того

упоротого укропа, который глумится над кадрами с вашими убитыми товарищами? Так вот ничем не отличаетесь, ибо вами в такие моменты владеет один и тот же дух. И чем больше мы станем принимать его в себя, тем меньше шансов победить. Потому что большее зло всегда одолеет меньшее, а тьма – сумрак. Значит, нам нужно другое оружие. Против тьмы – свет, против подлости – честь... Когда-то Белое Движение проиграло в том числе из-за того, что не смогло удержать эту высокую планку. И Боже нас сохрани от повторения тогдашних ошибок. Гражданская война значительно сложнее и страшнее любой другой...

Отчётливо вспомнился Олегу тот разговор. Прав, тысячу раз прав Профессор... Неужели убить Лёньку – это победа? Вправить ему мозги и выбить их тем гадам, что отравили столько душ – вот, победа. Да только гады – далеко. А в боях – с лёньками воевать приходится...

Малолетки...Безликие...Стадные...

Лица черным у вас зашорены,
Родились вы во время досадное,
Получились из вас горе-воины...

В этот момент на позициях появился Профессор, и Олег, отдав честь, обратился к нему:

- Сергей Васильевич, разрешите увольнительную до вечера – в город съездить.

- Зачем вам в город, Тарусевич? – удивлённо спросил капитан. – И что у вас с лицом? Вы словно приведение увидели.

- Видеть не видел, но слышал. И куда хуже привидения... - ответил Олег, понуриив голову. – Против нас, оказывается, брательник мой родной воюет. Только что по телефону говорили.

- Вот оно что... - Профессор вздохнул. – Понимаю ваше состояние. Что поделатъ, такова Гражданская война.

- Сергей Васильевич, так до вечера разрешите?

- Невесту проведать хотите? – догадался капитан.

- Так точно.

- Ладно, поезжайте, встряхнитесь. Но не позднее десяти возвращайтесь.

Своего Города он не узнал. Опустевший, разрушенный едва ли не наполовину, он умирал, но всё ещё цеплялся за жизнь, всё ещё надеялся и молил о помощи... Сотни тысяч людей видели кадры, на которых была запечатлена искалеченная при бомбёжке Луганска женщина. Она ещё жива, она ещё не понимает, что от неё осталась лишь половина, что ноги обращены в страшное месиво... Она лишь чувствует страшную боль. И помнит, что где-то совсем рядом её ждёт дочь. Она ещё хочет жить и гаснущим взглядом всматривается в лицо снимающего – в лицо всякого замершего у экрана – и молит едва слышно: «Помогите!» Этих глаз – глаз смерти – забыть нельзя. И, вот, теперь этими глазами смотрел целый Город. Смотрел на каждого, взывал к каждому: «Помогите!» Вопросал каждого: «За что?!» А сотни тысяч, миллионы людей сидели у телевизоров, буднично жевали яичницу с колбасой, перебранивались друг с другом, а потом переключали на какой-нибудь «камедиклаб» или подобную мерзость. Никому не пришло в голову, что во время, когда гибнут каждый день десятки русских людей, гибнут под русским флагом и с именем России на устах, не смеет Россия устраивать всевозможных празднеств, шоу, концертов, больше похожих на бесстыдные пляски на костях. Не смеет российское телевидение мешать кровь погибших с клюквой. Не смеет, не смеет, не смеют! – об этом хотелось кричать, но куда? Кому?

Большинство понимают слово «война» только тогда, когда видят в цинковых гробах своих родных, когда в их уютных квартирах вылетают стёкла и рушатся крыши... Когда это происходит за тысячу километров, на войну смотрят, как на очередной сериал. Матернутся сквозь зубы, «перетрут» от безделья да и уснут спокойно, испив пивка и с аппетитом закусив.

Глядя на умирающий город, Олег не мог определить, кого в этот момент ненавидел больше: врага или, выражаясь языком Фартового, тыловую слизь. Пожалуй, на равных! Ну, ничего, товарищи тыловики, вы ещё узнаете, что такое война. Раньше или позже, но она придёт ко всем вам. И тогда вы вспомните – нас.

Передовую линию обороны... Город-крепость, который оставили на гибель, не дав помощи... Его детей. Его стариков. Его защитников. Только будет уже поздно...

На этой улице снайпер застрелил мальчишку, а вон дом, в котором разрушен целый подъезд. А в этом дворе на месте детской площадки – огромная воронка: погибли мать с ребёнком. А дед из дома напротив просто вышел за хлебом и был обезглавлен осколком... Жуткую экскурсию можно теперь проводить по Городу... А ведь совсем недавно он был совсем другим. Многолюдный, цветущий, чистый и уютный. Город, в санатории которого приезжали люди со всей Украины и не только...

Машин на улицах практически не было. Да и людей. Лишь редкие смельчаки, рискнувшие выбраться за водой или в магазин, быстро-быстро, инстинктивно пригибаясь и прижимаясь к стенам, спешили скорее укрыться вновь...

В иссечённой осколками больнице с выбитыми окнами всё также изменилось до неузнаваемости. Коридоры были переполнены ранеными, которым некому было оказать помощь из-за недостатка медперсонала. Оставшиеся медсёстры и волонтеры разрывались на части, не спали сутками и всё-таки не успевали...

Остановив одну из медсестёр, Олег осведомился у неё, где найти Мирославу. Та покачала головой:

- Доктор сейчас на операции. Недавно привезли очень тяжёлого раненого.

- Постойте, но ведь это не её специальность...

- Милый, - пожилая женщина горько усмехнулась, - какая уж теперь специальность, когда у нас врачей почти не осталось!

- Да как же?

- Уехали! Представляешь? Прямо на «Скорой» и уехали.

- Да куда же?

- В Донецк, милый. А, может, и дальше... Если хоть кто-нибудь на смену им не приедет, не знаю, как будем. Раненых с каждым днём всё больше.

- Что же, операция надолго затянется?

- Надолго, милый, там такие раны страшные. Ты посиди на улице, подожди. Когда доктор освободится, выйдет к тебе.

Поблагодарив медсестру, Олег вышел на улицу и, опустившись на парапет лестницы, закурил. Хотя времени ещё оставалось достаточно, но на душе было неспокойно: ведь иные операции по много часов идут... Мирославу он не видел целый месяц, лишь звонил ей, как мог, часто, узнавал, жива ли, не ранена ли. И всегда она отвечала, что у них всё хорошо, и волноваться не о чем. Пожалуй, она бы ответила так, даже если бы над её головой разорвалась бомба.

Оборона города входила в свою решающую стадию – это было очевидно всем. И именно поэтому Олегу особенно хотелось увидеть Мирку. Хоть на час, хоть на полчаса... Увидеть, посмотреть в глаза, обнять. И ещё раз пообещать – вернуться и тогда уже сыграть отложенную свадьбу.

Но время утекало сквозь пальцы, а Мирославы всё не было. Олег вновь заходил в больницу, справлялся, не освободилась ли она, но получал тот же ответ. Где-то на окраине города вновь была артиллерия. «У соседей, не у нас...», - определил Олег и с надеждой посмотрел на затягиваемое тучами небо. Послал бы Бог грозу, а лучше циклон – на два-три дня. В дождливую погоду они не бомбят. Правда, окопы размывает, и их приходится восстанавливать, но хоть какая-то передышка – для измученных людей, которым она так нужна. А ещё – вода...

- Олег! – из подъехавшей машины выскочила уже хорошо знакомая журналистка.

- Агния, какими судьбами?

- Приехала делать репортаж о больнице. Я знаю, что врачей совсем нет. Может, кто-то, увидев, что здесь делается, приедет... А вы кого-то навещаете?

- Хотел навестить невесту... Но, похоже, не дождусь, - уныло ответил Олег. – Она ассистирует на какой-то операции... Агния, у вас найдётся бумага с ручкой?

- Конечно, - журналистка тотчас протянула ему записную книжку и ручку.

- Удачно, что мы встретились. Мне сейчас уже надо будет уезжать. Я вас прошу передать записку Мирославе

- Непременно передам, - кивнул Агния, садясь рядом.

- И ещё... - Олег быстро набросал несколько строк и, вырвав листок, свернул и передал его журналистке. - У Мирославы дома тяжело больная сестра, полностью парализованная с детства. И полуслепая мать. Я просидел здесь, как дурак, всё это время и теперь даже не успею отвезти им продуктов, - он протянул журналистке деньги. - Прошу вас, навестите их.

Агния решительно отвела его руку:

- Я здесь вроде как с гуманитарной миссией, и это моя обязанность - доставлять необходимое нуждающимся. Адрес вы напишете или я спрошу у Мирославы?

- Я напишу, - кивнул Олег. - Так надёжнее, - он протянул журналистке ещё один листок. - А деньги всё-таки возьмите. Это же моя семья.

- Понимаю, - кивнула Агния. - Можете быть спокойны: я передам записку и непременно навещу ваших близких.

Поднявшийся ветер явственно сулил грозу. Олег посмотрел на часы:

- Всё, мне пора уходить, - он взглянул на сидевшую рядом журналистку. - Не знаю, почему, но у меня сейчас чертовски погано на душе. Я должен был увидеть её...

- Вы непременно увидите. Ваш командир человек хороший, он даст вам ещё одну увольнительную.

- Да, конечно... Только ведь до того ещё дожить нужно. А вдруг меня завтра убьют?

- Бог с вами! - Агния ласково тронула его за плечо. - У вас вся жизнь впереди, поверьте! Это просто гроза так влияет. Да и устали мы все...

- Вы что, умеете угадывать будущее?

- Иногда умею, но никогда не пытаюсь.

- Почему?

- Потому что не во всякое будущее стоит заглядывать. Но вас Бог сохранит, я чувствую. Это просто гроза...

Гроза и впрямь начиналась. Первые гулкие раскаты раздалась вдали, первые капли упали на пыльный асфальт.

- Прощайте, Агния! – Олег поднялся и протянул журналистке руку. – И спасибо вам!

- Прощайте? Слишком печально. Лучше аривидерчи, как говорят в Риме... - чуть улыбнулась она.

- Аривидерчи, Агния, - улыбнулся и он ответно.

Так и уехал, не увидев Мирославы даже мельком. И ободрительные слова журналистки несколько не рассеяли его тяжёлого, неведомо отчего явившегося чувства. Неужто и в самом деле убьют скоро? Что ж, вполне возможно – война... Но что тогда будет с Миркой и её семьёй? Кто защитит их? Кто поможет? Ах, если бы кто-то мог увезти их из Города... Но ведь Мирка – не поедет. Она слишком верна своему долгу и останется со своими больными до конца. И оттого за неё – страшно. И впервые в жизни так непреодолимо тяжело на сердце.

Глава 12.

- Жену с дочерью я отправил в Крым, а Славку – нет... Тася умоляла, чтоб отправил. Семнадцать лет мальчику, музыкант, отличник... И со слезами, и с руганью просила, а я упёрся. Чтобы мой сын дезертиром был? Да никогда! Я офицер, я Афган прошёл... А он – здоровый лоб! И чтоб за мамкин подол прятался, когда другие воюют? Мой сын труса праздновать не будет! Да Славка и сам воевать рвался! Моя кровь... Я его мужиком воспитывал, хотя мать тому и препятствовала. Но я вырастил! Понимаете? Вырастил! И гордился им, когда он сам матери сказал, что в Крым не поедет. А теперь его нет. Славки – н е т! Я живой, а он... Зачем я живой, а не он? Тася ещё не знает... Я не знаю, как ей сказать. Для

неё Славка – всё. Она сказала, что, если с ним что-то случится, то это я буду убийцей нашего сына...

- Ваш сын погиб героем.

- Да. Но ведь он не хотел быть героем... Он хотел быть музыкантом, а я не дал.

- Вы не виноваты. И он, и вы сделали то, что должны были. Вы защищали свою землю, справедливость!

- А в итоге у меня не осталось ничего. Сын погиб, а жена не простит никогда. Славкой я горжусь... Но... Может быть, лучше бы было, чтобы он был живым музыкантом и сыном своей матери, нежели мёртвым героем и моим сыном?!

Так прерывающимся, слабым голосом говорил тяжело раненый пожилой ополченец, чей сын, которому через неделю должно было исполниться восемнадцать, погиб в бою на его глазах. Сам же он уже неделю лежал в больнице, отказываясь от операции по извлечению осколка из области сердца.

- Вам необходимо сделать операцию!

- Ему оторвало ноги, и он мучился ещё целых четверть часа... Я не буду делать никакой операции.

- Но у вас же есть дочь! Вы должны жить ради неё! И ради... дела, за которое погиб ваш сын... Вы же предаёте его память! Неужели вы думаете, что он бы хотел этого?

- Вы ведь никогда не теряли родных, правда? Детей? Вам меня не понять.

- Простите. Но если все, кого эта проклятая война или другие лишили родных, станут убивать себя, как вы, то земля опустеет... Вы должны бороться! Ради памяти Славы и ради будущего дочери.

- Я очень устал. Идите... О Славке я вам рассказал. Напишите о нём. Пусть о нём помнят...

Этот разговор, эта разлитая в каждом слове и взгляде боль измучили Агнию. Всё, что когда-либо приходилось ей слышать, она проецировала на себя, как положено художнику, пусть и неудачливому, не состоявшемуся. И вал чужих искалеченных судеб, обрушившихся на неё в больнице, давил её беспощадной тяжестью.

Как смотреть в глаза молодой красивой девочке, оставшейся без ног и потерявшей мать? В этих глазах нет слёз, а только немой вопрос – «за что»? Вопрос, на который нет ответа. Она неожиданно легко рассказывает о себе. Она – спортсменка. Любила велосипедные и лыжные прогулки, любила танцевать, любила короткие платья и высокие каблуки, любила всё то, что положено любить, когда тебе двадцать лет, ты счастлива, и вся жизнь у тебя впереди. Любила своего парня... А он уехал с родителями в Россию в самом начале войны. Обещал звонить, писать... Но не звонит и не пишет. Да и шут с ним – без таких-то уж как-нибудь проживём. А, вот, без ног как жить? И кто безногую калеку полюбит? Кому она будет нужна, кроме семьи брата?..

- Ниночка, мы для вас деньги соберём, протезы закажем лучшие. Мой коллега – он на войне ног лишился, и ему на такие протезы деньги собрали. У него семья... И он здесь теперь! Я ему скажу, чтобы он непременно навестил вас!

- Спасибо! Только ваш коллега мужчина... А мне-то с протезами какая семья...

- Во время Великой Отечественной одна женщина на фронте потеряла и ноги, и руки, но муж её любил всю жизнь, и у них было двое детей!

- Бывают же мужики! А мой Миха и здоровую меня забыл...

В глаза собеседнику она не смотрит, а лишь перед собой, но от этого не легче. Разговор записывал диктофон, а Агния быстро отмечала в блокноте, кому и чем можно помочь. Девочке помочь можно. Вывести её с семьёй брата из города, собрать деньги на протезы (значит, переговорить с братом, узнать счёт, дать объявление в соцсетях и газете), Валерку к ней прислать, чтоб подбодрил, да и подарок бы какой захватил (тоже подумать надо, что и где взять).

- Простите, вы журналистка? - оклик в коридоре из-за спины.

Мужчина лет тридцати, высокий, крепкий, обе руки, видимо, сильно обожжены и замотаны бинтами.

- Чем могу помочь? – «помочь» - это уже ставшее

инстинктивным. Писать, снимать, делать репортажи – дело важное, но второе. А первое – помочь.

- У нас, понимаете, девять медсестёр на всю больницу, а у меня – руки... Мне бы написать...

- Что написать? Письмо?

- Да. Жене и сыну. Они не знают, что я здесь. Думают, что на заработках. Я подумал – убьют, а они так ничего и не узнают, не поймут. Завещание я оставил, а теперь хочу написать письмо. А если меня убьют, вы же сможете передать?

- Конечно, если не убьют меня саму. А вы из России?

- Нет, из Днепропетровска.

Кого только не встретишь в этом маленьком Городе-крепости...

- Вы военный?

- Нет, что вы. Инженер.

- А здесь давно?

- Месяц. Думал, на месяц и поехать помочь, чем могу. А теперь вижу, что месяца мало. Вот, руки залечу, и обратно в строй вернусь. Иначе эти фашисты и моих родных жечь придут.

Разумеется, Агния согласилась записать письмо, хотя весьма смутно представляла, как сможет передать его в оккупированный Днепропетровск. «Оккупированный!» Слово-то какое... Из времён семидесятилетней давности, из чёрно-белых советских фильмов, со страниц учебников истории... И вот – явь беспощадная!

- Дорогие Люся и Сашка! Простите меня, что уехал, не сказав вам, куда и зачем, что оставил вас. Я не мог поступить иначе и, верю, что ты, Сашка, поймёшь меня, когда подрастёшь. Мне тридцать два года, я здоров и силён, как бык. Я – мужчина и русский человек. Как мужчина, я не могу сидеть и смотреть, как нелюди убивают женщин, детей и стариков. Как русский человек, не могу смотреть, как убивают русских. Смотреть и ничего не делать. Я понимаю, как муж и отец, я должен также думать о вас и вашей судьбе. Но бывают такие моменты в истории, когда мужчины не имеют права прятаться за матерей, жён и детей, оправдывать ими своё

хоронячество, бессилие, трусость, долгом перед ними освободить себя от долга высшего – долгом перед Богом, перед отцами и дедами, перед своей страной и народом, как ни пафосно это звучит. К тому же хоронячество ещё никогда не доводило до добра, а наоборот. Раньше или позже придут и за хороняками, и их дома запыляют также... И напрасен будет вопрос «нас-то за шо»? Именно за это... За рабье сознание, за непротивление злу... Большую часть своей сознательной жизни я живу в стране, где нет ни чести, ни правды, ни закона... Что есть? Безудержное воровство и такая же безудержная ложь, продажность всего и вся и полное отсутствия перспективы у тех, кто не научился выгодно продаваться – у большинства. Я живу в стране, где ум, талант, совесть ничто в сравнении с шуршащей бумажкой, где всё чистое и высокое попирается и вытаптывается, где вся система настроена на то, чтобы раздавить достоинство загнанного в нищету и лишённого прав человека, где нет надежды... И от этого безнадежья люди уезжают. Я хочу, чтобы ты, Сашка, твои дети жили в другой стране. В стране, где совесть, справедливость и свобода – не пустой звук, а основа жизни, где никакая власть не стоит выше закона, где идти вперёд и вверх помогает только талант и ум, а не деньги и протекция... Вот, за такую страну я сражаюсь и, может быть, погибну здесь. Кто-то скажет, что смерть эта напрасна. Неправда! Потому что в отличие от тех тысяч лишённых надежд теней, умирающих от алкоголя, наркотиков и Бог знает чего ещё, я знаю, за что умру. И для чего живу знаю также. Однажды на Страшном Суде нам всем зададут вопрос: где мы были, когда изверги убивали наших братьев и сестёр? И что ответим мы? Сидели в офисе, спали в тёплой постели, стояли за прилавками... Пасли своих свиней! Что может быть позорнее этих ответов? Нет, я не хочу и не могу быть в числе «пасших свиней». Но среди того меньшинства, которое сможет с чистой совестью ответить – мы до последней капли крови защищали тех, кто нуждался в нашей защите, до последнего вздоха сражались с теми, кто превращал нашу землю в ад, попирая человеческие и Божьи законы. Нет выше

той любви, нежели кто положит душу свою за други своя...

Агния слушала, как заворожённая, никак не ожидая от простого с виду мужика такой высокой проповеди. Писать под диктовку она не стала – времени было в обрез. Выручила камера мобильного телефона.

- Оно так и лучше. Лучше, чем письмо. Пусть у них мой голос, я сам останусь, если что-то случится...

- Вы верующий?

- Я три года чтецом в нашей церкви был.

Чтецом... Тогда уже понятнее. С таким-то даром слова можно и священником становиться – и глаголом сердца людей с амвона жечь.

- Если выживу, может, и стану. Право проповедовать нужно заслужить... Жизнью.

Если бы все так рассуждали...

Уже на крыльце больницы Агнии приветственно кивнул врач-волонтер Пааво, приехавший в Город из Эстонии, спросил с печальной улыбкой, растягивая слова:

- Что, не на одну статью трагедий записали?

- Да тут трагедий на тома... Я бы... не смогла, наверное...

- Что?

- Работать в больнице, среди этого ада.

- Это только так кажется. Ко всему привыкаешь.

Прежде в лазаретах работали знатные дамы.

- Царица и царевны... Это правда, что у вас лишь девять медсестёр?

- И четыре хирурга, не считая меня, которые сутками не смыкают глаз. Остальные... - Пааво повёл рукой.

- Уехали...

- Уехали.

- Осуждаете их?

- Я никого не осуждаю. Моя профессия – лечить, а не осуждать.

- Но они бежали, бросив своих больных, а вы наоборот – приехали им помогать. Пааво, вы ведь эстонец,

эта война... Она формально не ваша. А вы приехали. Зачем?

- Мне нет дела до войны. Формально. Но есть люди, которые умирают, и которым нужна помощь. Я могу им помочь, поэтому я приехал. Всё остальное меня не касается. И, кстати, не пишите в своей статье о разговоре с эстонским хирургом...

- Бойтесь санкций? – усмехнулась Агния.

- Нет. Просто не хочу известности. Моё дело – лечить людей. Остальное меня не интересует.

- Вы замечательный человек, Пааво!

Хирург махнул рукой и, бросив в урну докуренную сигарету, возвратился в больницу.

По оставленному Олегом адресу Агния отправилась лишь утром. Дом Мирославы и её семьи располагался в частном секторе, и она без труда нашла его, благодаря чудесному цветнику, который не мог не радовать женского глаза даже среди ужасов войны. Невольно залюбовавшись красотой разнообразных лилий, колокольчиков, роз, Агния некоторое время стояла у калитки, вспоминая собственный давно покинутый сад, затем, опомнившись, постучала.

На стук из дома осторожно вышла пожилая женщина в больших очках, окликнула насторожённо:

- Кто здесь?

- Анна Матвеевна, я от Олега Тарусевича. Я лекарства привезла для вашей дочери.

- От Олега? – в голосе женщины послышалась радость. – Сейчас-сейчас я вам открою! Подождите...

Опираясь на палку, и явно боясь оступиться, полуслепая женщина засеменила по тропинке, дойдя до калитки, дрожащими руками нащупала и отодвинула засов:

- Заходите, милая, заходите! Сейчас я вас чаем напою!

- Спасибо, не стоит...

- Нет-нет, не отказывайтесь, пожалуйста! Вы для нас такое доброе дело делаете, а я вас и чаем не напою? Чай у нас хороший... Мята, Melissa... Всё своё...

По тону Анны Матвеевны Агния поняла, что от-

каз её глубоко огорчит, и покорно прошла в дом. Здесь, в просторной комнате у стола неподвижно сидела маленькая женщина с руками-палочками и испуганным лицом.

- Не бойся, Галочка, - ласково заговорила с ней мать, - к нам гости пришли. От Олега!

При упоминании Олега напряжённое лицо Галинки разгладилось. Это имя явно означало для неё, что бояться нечего.

- Сейчас будем чай пить... - захлопотала Анна Матвеевна. Дома она ориентировалась значительно легче.

В комнате было весьма уютно. На стенах висели репродукции картин известных художников, на столе возвышался букет свежих цветов. Также здесь был большой телевизор и стопка дисков с красивыми, добрыми фильмами, преимущественно, семейными, а также балетными постановками, музыкой. А ещё мягкие игрушки... Видимо, всё в этом доме делалось для того, чтобы доставить хоть какую-то радость Галинке.

На колени Агнии запрыгнул пушистый дымчатый кот, заурчал, требуя ласки. Анна Матвеевна проворно расставила на столе чашки, блюда, варенье и, наконец, самовар...

- Если вы волонтёр, милая, то вам ещё нужно обязательно съездить к Павленкам и Хлыстовым... А ещё, дайте подумать... К Мякшиным, обязательно...

- А что им нужно?

- У них тоже больные дети. ДЦП, сердечники. Им не меньше Галинки лекарства нужны. Вы обязательно им должны помочь. Ведь вы сможете, правда? - в голосе Анны Матвеевны звучала надежда.

- Я постараюсь, - отозвалась Агния, пытаюсь вспомнить, сколько ещё и каких лекарств осталось на её «складе». - Напишите или продиктуйте мне их адреса, а я сегодня же их навещу.

- Сейчас! - пожилая женщина метнулась к серванту и, достав из него записную книжку, протянула Агнии. - Посмотрите, пожалуйста, сами, а то я почти не вижу... - сказала виновато.

Добросовестно выписав нужные адреса и, хорошенько почесав кота, Агния сделала глоток ароматного чая, оказавшегося, действительно, весьма необычным на вкус. Анна же Матвеевна задумчиво помешивала ложечкой сахар, качала головой, делясь:

- Знаете, милая, последнее время мне всё чаще приходит в голову мысль, что, может быть, мы сделали ошибку тогда, в мае?

- Вы имеете ввиду референдум?

- Может, лучше было смириться? Учить мову и не поднимать головы... По крайней мере, люди – столько людей – были бы живы! Я стара и больна, и смерти не боюсь. Но другие? Мирочки почти не бывает дома, она занята в больнице. И я каждый день боюсь за неё. Каждый час, каждую минуту... Олег на передовой всякий миг рискует собой, и за него у меня тоже болит душа. А сколько уже погибли! Это же так страшно!

- Вы всего лишь хотели, чтобы вас услышали.

- Да, - кивнула Анна Матвеевна. – Но не Украина! Мы хотели, чтобы нас услышала Россия... В итоге нас не услышал никто, не захотел услышать. Одни решили, что проще уничтожить нас, чем слушать, другие – что проще принести нас в жертву... И, вот, мы гибнем. Нет, вы только не подумайте! Мы с Мирочкой голосовали на референдуме! Мы ни мгновение не сомневались в своём выборе. Но... если всё было правильно, то почему всё так страшно и безысходно? В чём мы ошиблись?

Слезящиеся глаза пожилой женщины напряжённо всматривались в лицо Агнии, стараясь различить его выражение. А та не знала, что отвечать и отводила взгляд.

- Вы ведь не местная, правда?

- Правда.

- Вы приехали из России?

- Из Италии...

- Из Италии! – удивлённо протянула Анна Матвеевна. – Вы там всегда жили?

- Нет, только последние десять с лишним лет.

- И чем вы там занимались?

- Работала на киностудии.

- На киностудии... И приехали сюда?

- Приехала...

Анна Матвеевна задумчиво помолчала, не спросила, как иные, «зачем приехали», а сразу, этот риторический вопрос перешагнув:

- И вы уверены в своей правоте?

- Я не в своей правоте уверена, а в правоте дела, за которое мы сражаемся. Хотя... Пожалуй, и в своей. Я лишь два раза в жизни была совершенно уверена в своей правоте: когда выходила замуж за любимого человека и когда ехала сюда.

- Может быть, вы и правы, - вздохнула Анна Матвеевна. - За достижение больших целей нужно платить большую цену. Но, знаете ли, чего боюсь я? - по её морщинистому лицу пробежала тень. - Я боюсь, что цена окажется много выше, чем то, что будет достигнуто. Я понимаю, что дороги назад нет, но если мои слепнувшие глаза ещё, по крайней мере, различают свет, то глаза внутренние света уже не видят. Когда вокруг нас падают бомбы, мы с Галочкой сидим, обнявшись, на этом диване, - она кивнула на стоящий у стены диван, - и ждём своей участи. Мы не можем уйти в подвал... Мы можем только молиться. За нашу Мирочку... Потому что страшно не то, что накроет нас двоих, но то, что она однажды может не вернуться домой. И пусть это малодушие с моей стороны, но, если бы можно было всё вернуть назад, я бы предпочла покорность страху. Вы не осуждаете меня за это?

- Нет, - покачала головой Агния. - Я понимаю вас...

Что ещё можно было сказать этой измученной, живущей в страхе женщине? Да и другим тоже? В который раз Агния чувствовала себя виноватой. Ведь она была - из России, а, значит, отвечала за Россию перед всеми и каждым. Пусть и не могла отвечать ни с какой стороны, пусть и сами люди вовсе не винили её ни в чём, а, наоборот, благодарили за помощь, но чувство вины при всяком разговоре о России не оставляло её. Прожив четырнадцать лет в Италии, она осталась русской до мозга костей, и оттого всё, что касалось России,

так и не научилась отделять от себя. Когда в марте-месяце Крым был принят в состав России, Агния поймала себя на мысли, что впервые за долгие годы, за десятилетия ей не стыдно за свою страну. Теперь то и дело скребло не душе: уж не в последний ли?..

- Мой муж всегда мечтал, что Россия снова станет единой, что мы вернёмся. Мы же русские и не виноваты, что двадцать три года назад нас отдали другому государству, не принимая в расчёт нашего желания... Витя очень надеялся, что это предательство будет однажды исправлено. После Крыма я плакала, что он до того дня не дожил. А теперь думаю: слава Богу, что не дожил до нынешнего кошмара, не видит всего этого, - пожилая женщина взглянула на висящую над сервантом фотографию. На ней была запечатлена счастливая семья: молодая Анна Матвеевна, бывшая, оказывается, очень красивой, её муж, рослый, улыбчивый усач, ещё здоровая Галинка, миловидная девочка с не по летам серьёзными глазами, маленькая Мирослава...

- Если бы Витя увидел всё это, его бы мгновенно хватил удар.

Агнии очень хотелось сказать что-то утешительное, но язык предательски прилип к гортани. Что можно сказать утешительного, когда любое утешение-обещание прозвучит до жути фальшиво?

- Я к вам непременно заеду ещё. Если вам что-то нужно, скажите - я постараюсь привезти.

- Спасибо, милая. Кроме лекарств, ничего... Мы пока справляемся. Вам понравился чай?

- Чудесный, спасибо!

- Приезжайте. Мы с Галочкой вам всегда будем рады, - в лице и голосе Анны Матвеевны было столько сердечности и искренней ласки, что у Агнии болезненно сжалось сердце. Откуда столько тепла и света в этой женщине, чья жизнь была так тяжела, и которая теперь вынуждена существовать в таком ужасе? А она ещё помнит обо всех, кому нужна помощь и, провожая гостью до калитки, напоминает, кому и что необходимо отвезти... Прощаясь, всхлипывает:

- Спасибо вам!

Агния несколько мгновений смотрела, как хрупкая, согбенная фигурка полуошупью идёт к дому. На полпути Анна Матвеевна обернулась, помахала рукой. Агния ответила тем же и поспешила по указанным ею адресам.

«Гуманитарная миссия» заняла у неё большую часть дня, а к вечеру она отправилась в Предместье вместе с Курамшиным, спешившим к Сапёру, о котором упорно ничего не рассказывал.

- Почему бы тебе не остаться в Городе? – спросил Валерий. – На переднем крае сейчас с каждым днём всё горячее.

- В Городе тоже не холодно.

- Но не до такой пока ещё степени.

- Мне казалось, мы вместе работаем, или я что-то путаю?

- Разумеется. Только очень тебя прошу, не юри впредь батьки в пекло. Вместе – значит, вместе. Никакой партизанщины. Сама видишь, укры к прессе почтения не испытывают. Хуже талибов.

- Хм... Что ж, ты и к Сапёру меня возьмёшь побеседовать, коли вместе?

- Пока я буду беседовать с Сапёром и снимать его, ты съездишь к своему подопечному семейству, отвезёшь им гумпомощь и вернёшься в комендатуру. Я, вероятно, уже освобожусь, и поедем обратно.

- И это называется «вместе»! – саркастически усмехнулась Агния.

- Прости, но я дал Сапёру слово. Поэтому и хотел, чтобы ты осталась в городе.

- А моё подопечное семейство?

- Сам бы навестил.

- Ну уж нет, свою часть работы и риска я не уступлю никому.

Курамшин лишь покачал головой.

До Предместья они добрались быстро и без происшествий. Солнце ещё только начинало садиться, а потому было довольно светло. Оставив Валерия в комендатуре, Агния отправилась к своим подопечным, подавив желание наведаться на передовую – проведать

ребят и Сергея. Когда до цели осталось несколько минут пути, Агния услышала знакомый свист – начался обстрел! Взрыв, другой, третий... Яркие вспышки на небе, словно гроздь салюта, опадают на землю. Фосфор?... Остановив машину, Агния принялась снимать «материал для будущего уголовного дела». Грохот, между тем, становился всё ближе, и она вновь пустилась в путь – нужно поскорее добраться до дома Луговых, а там укрыться вместе с ними в их глубоком подвале. Глядишь, пронесёт!

Однако, положение, которое она застала на месте, поставило жирный крест на этом разумном плане. В отсветах пламени, которым был объят соседний дом, по улице металась Марина и Катя...

- Катя, уходи в подвал! Уходи сейчас же!

- Иди сама! А мы Сашку искать пойдём!

Агния выскочила из машины:

- Что? Что случилось? Почему вы не в укрытии?

- Сашка пропал! – сквозь слёзы истерично выкрикнула Марина.

- Мама, успокойся, ничего с ним не случится! – Катя всхлипнула, повисла на рукаве у матери. – Идём в подвал! Там мелкие одни! Идём!

- Идите обе! А я пойду сына искать! – оборвал Володя.

Очередной грохот заглушил спор. Снова озарилось небо жутковатым «салютом».

- Марина! – крикнула Агния. – Уходите все немедленно в укрытие к детям! Я найду вашего Сашку и привезу! Я знаю, где искать!

- Я с вами поеду! – сказал Володя, устремившись к машине.

- Нет! – отрезала Агния. – Я поеду одна! А вы уходите скорее! Марина, вы хотите, чтобы ваши дети остались сиротами? Володя, уведите их обеих, пока не поздно!

Не дожидаясь ответа, она уехала, надеясь, что несчастные родители всё-таки последуют голосу разума. Конечно же, она не могла знать точно, где искать Сашку. Ясно было лишь одно: мальчик мог отправиться только

в одном направлении – к передовой. Туда и отправилась Агния медленным ходом, чтобы успевать смотреть по сторонам в поисках мальчика. Обстрел, между тем, не думал кончаться, и одна из мин разорвалась аккуратно позади машины, так что ту подбросило. Скакал, скакал старый газик по изрытой воронками дороге, вихляя, чтобы не попасть под очередной «подарок с неба». Наконец, на пустыре, возле давно разбомбленного маленького завода в сгущающихся сумерках различил острый глаз Агнии яркую Сашкину футболку.

Выскочив из машины, позвала его:

- Саша! Быстро иди сюда! Там мама с папой тебя ищут!

Но мальчик не двигался, словно оцепенев, сидел на земле, обняв себя за плечи.

Не выключая зажигания, Агния побежала к нему, увязая в разбухшей от недавних дождей земле, чертыхаясь и падая. Вот, несколько метров осталось до мальчика, и снова протяжный свист где-то совсем рядом... В долю секунды прыжком достигла Агния Сашки и, схватив его в охапку, скатилась в канаву на удачу приключившуюся совсем рядом. И в тот же миг раздался взрыв такой силы, что оглушённая Агния на несколько мгновений лишилась чувств.

Придя в себя, она ощутила дикую боль в ноге и с опаской взглянула на неё. Слава Богу, не оторвана, лишь посеколо осколками, и кровяца хлещет – перетянуть бы... Сашка лежал рядом невредимый, но всё такой же неподвижный, точно неживой. Не иначе как шок у мальчонки... Эх, сидел бы дома герой... Как теперь вытаскивать тебя с ногой перебитой?

Агния с усилием приподнялась и увидела, что мина, от которой спасалась она, угодила ровно в то место, где несколько минут назад сидел Сашка.

- Ну, парень, в рубашке ты родился... Да и я тоже...
- произнесла Агния и тут поняла, что слышит только одним ухом. Тронула другое – из него текла по шее липкая кровь. – Ну, почти...

До машины оставалось порядочное расстояние, и Агния страдальчески посмотрела на Сашку:

- Значит так, малец, сейчас будем выбираться. Иначе, пожалуй, следующая мина прилетит на наши с тобой бестолковые головы...

Закусив губу от боли, она вытянула своё тело из импровизированного окопа, а затем вытащила оттуда Сашку. Тот снова сел на землю и уставился на неё расширенными от страха глазами.

- Вот, ядрён-батон... - ругнулась Агния. - Что, от страха не только язык, но и ноги отнялись? И как мне тебя тащить до машины? Лучше бы я батю твоего с собой взяла...

Взглянув на изрезанную ниже колена ногу, она глубоко вздохнула:

- Ладно, где наша не пропадала...

Взвалив мальчика себе на спину и велев ему крепко держаться за её плечи, Агния, едва не потеряв сознание от боли, встала на четвереньки и поползла вперёд, время от времени останавливаясь и вновь ложась на землю...

Страшно бывает не только от страха... Больно бывает не только от боли... Да что это? Привязалась эта дурацкая Земфира... Она, кажись, того – супротив Крыма была? К чёрту Земфиру! Надо что-нибудь массовое петь... Сколько мы там проползли? Вот, уже немного осталось... Ещё немного, ещё чуть-чуть, последний бой – он трудный самый...

Холодный пот градом струился по лицу, заливая глаза. Где-то вдали снова грохотало и стрекотало. Это уже наши посылали «ответный привет» противнику, заставляя на время умолкнуть его гаубицы.

Ещё немного, ещё чуть-чуть... Жалко, мобильник улетел куда-то в слякоть, а то можно было бы Курамшину позвонить, и он бы приехал... Ещё немного... Нет, всё не то. Живой в помощи Вышнего... Псалом-бронезилет... Так-то лучше.

Перед глазами всё плыло и переливалось разными цветами. Она уже не понимала, гроыхает ли ещё бой, идёт ли обстрел, ибо в единственном слышащем ухе царил нескончаемый гул. Внезапно сквозь этот гул прорезался родной голос:

- Дура! Ненормальная! Я говорил тебе, чтобы ты не лезла на передовую?! Чтобы уезжала отсюда?!

- Серёжа?..

- Олег, возьмите мальчика и отвезите его родителям! Или лучше в наш лазарет сперва!

- Есть, товарищ капитан!

И, вот, уже сильные руки отрывают распластанное тело от земли, возносятся...

- Я чуть с ума не сошёл, когда тебя увидел!

- Стоило получить «производственную травму», чтобы такое услышать... Жаль, у меня круги перед глазами, и я не могу увидеть...

- Ну, раз шутишь, значит, жить будешь.

- А куда ж я денусь, Серёж?

В машине было тепло, но от этого легче Агнии не стало. Её колотило всё сильнее. Всё-таки спросила, напрягая остатки сил:

- Ты откуда здесь взялся?

- Курамшин, когда ты не вернулась к комендатуре, стал тебе звонить. Не дозвонившись, набрал Марине. Она ему всё рассказала, и он позвонил Олегу. А Олег этого малолетнего «героя» уже раз пять родителям возвращал. В позапрошлый раз на этом же пустыре его и нашёл. Наша позиция тут как раз недалеко. Так что петлять в поисках нам не пришлось. Сейчас тебя осмотрит наш врач, а потом Курамшин отвезёт тебя в больницу...

Последние слова Агния уже едва расслышала: странно растягиваясь, они сливались в неразборчивый гул, какой рождает обычно бракованная плёнка... Уронив голову на плечо Сергея, она, наконец, провалилась в забытьё, давшее забвение от пронзительной боли.

Глава 13.

Ленку-Белку контузило накануне давно ожидаемой решительной схватки за Предместье. Она отчаянно не хотела покидать передовую, но, едва поднявшись, вновь падала ничком и отчаянно ругалась. Её отправили в Город, в больницу, и Стёпка-Курган теперь грустил

пуще обычного. Ленке он уже успел сделать предложение и получил согласие. На войне все узлы завязываются скорее, чем в мирное время – всегда маячащая близости тень с косою подгоняет умело.

- Хорош хандрить, - подбодрял Олег товарища. – Зато Ленка твоя теперь в безопасности.

- Да какая там на хрен в Городе безопасность...

- Ну, уж получше, чем у нас...

Получше – не то слово. Ещё ночью известно стало, что охватили укрытия Предместье с флангов. Теперь и в Город отойти нелегко будет. Да и как отходить, когда здесь ещё мирные люди остались? И даже раненых при ночном обстреле вывезти не успели? Отдать их на расправу?

Но и яснее ясного, если вся эта день за днём сгоняемая стальная мощь разом хлынет вперёд, позиций не удержать. ПТРы времён Великой Отечественной и гранатомёты против настоящей танковой атаки не помогут. А ведь ещё и артиллерия работает – против неё и вовсе ничего как не было, так и нет.

- На Прохоровском поле тишина... - это Дед навсвистывает, ладя любовно «Утёс». – Дед у меня, ребятки, как раз на Прохоровке сгиб. От, где страшно было, а здесь – ерунда!

- Как сказать, дядя. У твоего деда за спиной «страна огромная» стояла. А у нас... Бросили как кутят, и барахтайтесь, как знаете... - покачал головой Олег.

- Да ладно! Бодрее надо быть! В бою не каждая пуля в цель разит, а из тех, что разит, не всякая наповал!

- Ага, есть такие, чтоб ещё помучиться, - гоготнул Стёпка.

- Ну, вас, ребятки, в пекло! Ну, с Кургана что взять? На то и Каркуша! А ты, Таруса, что? От него, что ль, заразился? Не стремайтесь! Дадим уропам прикурить! Оталлахакбарим их, как тогда в лесу!

- Эх, Борисыч, нам бы твой оптимизм, - усмехнулся Олег, сам недовольный собственным расположением духа.

С самого утра позиций не покидал Сапёр, что-то проверял, давал указания, какие позиции кому занять

и когда вступать в бой, о чём-то совещался с Профессором. Утро выдалось жарким во всех смыслах: жарило беспощадно июльское солнце и столь же беспощадно была вражеская артиллерия. Но, вот, смолкла она, уступая место стальному «эскадрону»: ринулись в атаку танки, и закипел бой.

Будь у укров крепко выученные танкисты, дело бы запахло керосином весьма быстро, но куда там – для них эта схватка тоже из первых была.

- Косые, - зло усмехался Курган, когда очередная мина ложилась где-то позади, либо не долетев. – Ну, погоди, свидомая сволочь: уж мы-то не промахнёмся. Нам нельзя – у нас каждый патрон на счету.

И верно: свой ПТР наводил он мастерски. Да и другие бойцы – не промах были. Взять хоть Дениро! Он из винтовки снайперской вражеский танк «обработал» так, что тот «слепым» отполз назад.

Знать, не ждали укры такого отпора, застопорилась намеченная молниеносной атака, отхлынул стальной вал, утробно урча и разрешая перевести дух. Пользуясь передышкой, потащил Олег раненого Борисыча в лазарет, а на обратном пути с капитаном столкнулся. Тот бледен был, без того впалые щёки ввалились до черноты, и гневно ходили желваки.

- Что-то случилось, Сергей Васильевич?

- Случились. У нас больше нет левого фланга.

- То есть как?

- То есть скажи спасибо этому чёртову «батъке Ангелу» - справному казаку Данилычу и его молодцам! Такого дали дёру, что теперь их, небось, до границы искать придётся! Ну, уж я эту каналью найду... - капитан хрустнул длинными, узловатыми пальцами. - И тогда пусть на себя пеняет...

- Что ж делать теперь? – озадачено спросил Олег, быстро поняв, что без Данилыча группировка оказывается в котле, теряя выход на шоссе, ведущее в Город.

- Отступить, - процедил сквозь зубы Профессор. – На позиции останется отряд для прикрытия, а остальные попробуют прорваться к городу. Кроме шоссе ещё

обходная дорога через лес есть. Если на неё выбраться удастся, то, может, получится уйти.

- А если не получится?

- Самоподорвёмся, а потом будем прорываться опять! – раздражённо пошутил Сергей Васильевич.

- В таком случае, разрешите остаться для прикрытия!

- Разрешаю и остаюсь сам, - отозвался капитан. – А теперь ступайте на свой участок. Они скоро перегруппируются и вновь пойдут вперёд, уже зная наши сильные и слабые стороны.

- Есть! – готовно козырнул Олег и поспешил обратно к Кургану.

Зычный голос Стёпки он услышал сразу. Каркуша не удержался и, пользуясь перекурком, позвонил Белке. Или же сама она позвонила, беспокоясь о нём?

- Да всё в порядке у нас, Ленчик. Штурм? Какой на хрен штурм? Да брешут! Разве не слышишь – тихо у нас всё! Да пусть сунутся только – мы ж, сама знаешь, укроп шинковать умеем. Ты лучше про себя говори! – завидев приближающегося Олега, Курган понизил голос.

Олег тактично остановился, дав товарищу знак «завязывать» и, между прочим, пожалев, что сам не воспользовался минуткой, чтобы Мирке позвонить – может, в последний раз...

- Ленчик, ты там, главное, того – жди меня. Ну, а то! Да что со мной поделается! Ты сама, слышишь, сама, главное, того – выздоравливай скорее! – и уже шёпотом договаривал что-то, отворотясь от Олега, но знаком показывая, что уже сейчас закончит.

Олег отвернулся тоже, осматривая оставленный Дедов «Утёс», и вдруг тишину разорвали залпы украинской артиллерии. Грохнуло рядом совсем, опрокинуло Олега на землю, но не задело. Вскочив, он сразу увидел распластанного на дне траншеи Стёпку и с криком бросился к нему.

Курган лежал неподвижно, его поджарое, длинное тело как будто ещё удлинилось и выглядело неестественно вывернутым, смятым, точно бы тесто скалкой по доске раскатали... А лицо всё – в крови... Сдерживая

рыдания и не обращая внимание на очередные залпы, Олег закрыл другу глаза. Возле головы убитого надрывно зазвенел мелодией «Бумера» мобильник. «Белка» - светилось на синеватом табло... Она звонила долго, но Олег так и не нашёл в себе силы ответить ей. Лишь когда звонки затихли, взял трубку, прочитал смс: «Стёпка – ты самый лучший! Я тебя люблю и жду! Твоя Рыжая Белка». Олег судорожно сглотнул и набил в ответ: «И я тебя люблю. У нас бой. До связи». Пусть хоть ещё недолго поживёт она без этой боли, пусть наберётся сил, прежде чем правда дойдёт до неё...

Рокот моторов возвестил о новой атаке танков. Олег спешно зарыл в землю свои и Кургана документы и «симки», забрал у убитого две гранаты в дополнение к своим, решив в крайнем случае подорвать себя вместе с противником, и прильнул к ПТР, выжидая, когда танки подойдут ближе, чтобы огонь этой древней техники мог достать их.

Глава 14.

Занятие Предместья не принесло победителям ожидаемого удовлетворения: словно вода сквозь сито утекли москали из их тисков, и опять гудели нацгвардейцы о том, что «командиры предали и договорились с сепаратюгами». Правда, раненых своих последние забрать не успели: их вместе с тяжело контуженым хирургом добили сразу.

Сенька Головатый вразвалочку расхаживал между уложенными в два ряда страшно оскаленными, изуродованными телами, щерил желтые зубы, сплёвывал и фотографировал каждый труп, приговаривая: «Ось, вам, сволочи кацапські, отримуйте. На хріна ви приперлися сюди? Могли б ще пожити! А раз на нашу землю прийшли, то в ній і залишитесь. Всіх вас і ваших посібників, і шлюх ваших в неї заріємо! Це вам за наших братів! Це вам за Сивоконя!»⁸

8 Вот, вам, сволочи кацапские, получайте. На хрена вы приперлись сюда? Могли бы ещё пожить! А раз на нашу землю пришли,

Нацгвардеец Сивоконь в мирной жизни был заведующим гей-клуба и носил кличку «Ляля». «Лялю» убили несколько дней назад. Герою были устроены торжественные проводы с проникновенными речами сослуживцев, а затем не менее торжественные похороны на малой родине с гражданской панихидой в Доме офицеров, почётным караулом и военным оркестром.

Лёнька, конечно, участвовал в проводях, как и все, но в глубине души был убеждён, что таким, как Сивоконь, в армии не место. Да и таким, как Сенька – тоже. Кто таков был этот Сенька? Вырос в детдоме для умственно отсталых и лишь два года назад вышел «на волю» со справкой о лёгкой степени олигофрении. До майдана сперва болтался без дела, голодал, потом спутался с Сивоконём, обеспечившим ему «усиленное питание», ну, и наконец, вошёл в число героев майдана, умело метая «коктейли Молотова» в сотрудников «Беркута». Можно было бы недоумевать, зачем олигофрена взяли в армию, если бы совсем недавно не выяснилось, что сам председатель Совбеза, славный комендант майдана также имеет справку о «лёгкой степени умственной отсталости». Если Совбезом дебилу рулить можно, то уж воевать-то и подавно?

Впрочем, воевать Сеньке не нравилось. А, вот, расправляться с безоружными – тут он среди первых был. И раненых добивал с особым удовольствием... Застав его за проведением жуткой «фотосессии» в маленьком помещении, кажется, насквозь пропитавшимся запахом крови, Лёнька не сдержался:

- Ты что, совсем утырок?! Это же раненые! На хрена их было кончать?!

- А що ж, зазря, чи що, хлопців клали і захоплювали позицію?! Раз ті суки, що на двох ногах і з зброєю, витекли, так вже тим, що залишилися не жити!⁹

- Видимо, доктора тебе сильно польстили, когда

то в ней и останетесь. Всех вас и ваших пособников, и шлюх ваших в неё зароем! Это вам за наших братьев! Это вам за Сивоконя!

9 А что ж, зазря, что ли, хлопцев клали и захватывали позицию?! Раз те суки, что на двух ногах и с оружием, утекли, так уж тем, что остались не жить!

дали справку о «лёгкой степени», олигофрен долбаный.

- Пащу заткни, а то і тебе закінчу! – зло блеснули глубоко посаженные глаза. – За сепаратюг впрягаться, падлюка?!^ю

Не дожидаясь, пока Сёмка перейдёт от слов к действиям, Лёнька сам выхватил пистолет:

- А ну пошёл вон отсюда, а то я тебя сам кончу! Такие, как ты, только марают славу нашей страны!

- Проявился, зрадник... - угрожающе прошипел Сёмка. – Я завжди знав, що ти ворог. Стривай, я тобі це пригадаю!^и – и всё-таки вышел, пятясь, из помещения, не сводя с Лёньки ненавидящих глаз.

Оставшись один, тот почувствовал нестерпимую тошноту от вида мёртвых тел, от чудовищного запаха, заполнившего пространство. Часть убитых погибли в бою, и были перенесены сюда. Других добила Сёмка сотоварищи. Все ли они были сепаратистами и сражались против Украины? Несчастный врач уж точно не держал оружия в руках, а лишь выполнял свой долг. А его, как и остальных, добила выстрелом в голову. Зачем? К чему нужна эта безумная жестокость? К чему разрешать творить расправу без суда и следствия людям с тяжёлой психической патологией?

Лёнька ни разу не видел пленных украинских солдат, которых бы убили, запытали сепаратисты. Зато нацгвардия не отказывала себе в «удовольствии» поизмываться над теми, кто не мог дать им отпора. В соседнем посёлке, где квартировал теперь один из батальонов, недавно изнасиловали двух девчонок тринадцати и пятнадцати лет. И что же? Никакого наказания преступникам. Нехорошо, мол, конечно, но бывает такое на войне: осерчали хлопцы да хлебнули лишку.

И так-то – новое государство строится? То самое – справедливое, правовое, свободное? За которое на майдане стояли и погибали? Нет, так не может, не должно

ю Пасть заткни, а то и тебя кончу! За сепаратюг впряганься, падлюка?!

и Проявился, предатель... Я всегда знал, что ты враг. Погоди, я тебе это припомню!

быть. Просто потому, что собирается всегда только то, что сеется. А сеялся – беспредел... И зрелище оно на каждом шагу всё чаще заставляли вспомнить мужичка-резервиста с его искренним советом:

- Тикал бы ты отсюда как можно скорее. И чего тебе, дурню, дома не сиделось?

- А тебе чего не сиделось?

- Да меня как-то спросить забыли: поставили в строй и пригнали сюда. И назад ворочать не собираются. Баба моя с детьми еле концы с концами сводит, а я тут башку свою подставляю за парашину ж...у и за ляшкин х...! Да шоб они сдохли все!

- А чего ж не драпаешь?

- А твоих заградотрядовцев стараюсь. Парнишку-то, десантника, что против ополченцев воевать не захотел – того, хряпнули ваши. И не здесь, не на фронте, в родном городе достали и подкараулили!

- Всё ты врешь! Российской пропаганды наслушался! Добро, что перед тобой я, другой бы за такие речи!..

- Во-во! Пулю в башку вкатил – знамо! Демократы, мать вашу... Молодой ты ещё, что с тебя взять. Ничего, налюбуйешься ещё на эту «войну освободительную». А там смотри, чтоб тебе чего куда не вкатили свои же.

Недели через две после того разговора рассерженный резервист всё-таки исчез. А с ним – ещё четверо. Объявлено было, что они дезертировали. Но как неведомо откуда налетающий дымок ходили слухи, что «всё не так однозначно», что положили мужиков свои же...

До сего дня не верил в то Лёнька, не хотел верить. А, вот, теперь на очередную расправу, да в Сёмкины ненавистью испепеляющие глаза посмотрев, усомнился. Такой-то debil, пожалуй, не задумался бы мужиков кончить. А ведь он не один отмороженный...

Внезапно Лёньку стала бить крупная дрожь. На шее одного из полуобнажённых тел с изуродованным до неузнаваемости лицом он увидел до боли знакомый предмет: маленький, искусно вырезанный деревянный крестик... Два таких креста сделал всегда увлекавшийся

резьбой брат Олег ещё лет десять назад: для себя и для Лёньки. Лёнька хоть и не верил, но подарок братний носил и теперь судорожно выволок его из-под одежды, сверяясь: нет сомнений – тот самый крест!

Лёнька глухо застонал, согнулся, точно пронзило его насквозь, уткнулся головой в окровавленную грудь убитого:

- Как же это? Как же? Мы же поклялись! Так не должно было быть!..

Но мертвец уже ничего не мог ответить на все горькие Лёнькины вопросы. Утерев слёзы, он прошептал:

- Прости меня, братку... Не хотел, не хотел я, чтоб так было... Правда, не хотел... - и, шатаясь, побрёл прочь.

Вот, они – «сепаратюги», «клятые москали». Вот, чья кровь теперь на всех и на нём, Лёньке, среди прочих. Заметив, что руки его в крови, он стал лихорадочно вытирать их об одежду, но стало лишь хуже – точно весь теперь в братней крови был.

Невдалеке что-то горело, рвались к палящему солнцу клубы смоляного дыма. То там, то здесь слышались одиночные выстрелы. Победители обходили уцелевшие дома и выгоняли из них всех обнаруженных мужчин – «для отправки в тыл на следствие». Что такое «отправка в тыл», Лёнька теперь смутно подозревал и, увидев, как трое нацгвардейцев гонят тычками мужика лет шестидесяти с немалым хвостом, грозя ему автоматом и не обращая никакого внимания на голосащую позади старуху:

- Крокуй, кацапське кодро! А ти писок, поки тебе саму не опреходовалі!¹² – решил вмешаться:

- Какого хрена вы делаете?! Какой это сепаратист?! Он же старик!

- А нам яке діло? Не хрена було з сепаратюгами екшаться! Нехай тепер відповідає!¹³

12 Шагай, кацапское отродье! А ты заткнись, пока тебя саму не опреходовали!

13 А нам какое дело? Не хрена было с сепаратюгами екшаться! Нехай теперь отвечает!

- Отпустите его, хлопчики! Не виноваты мы ни в чём! Пожалейте! У него же два инфаркта уже!

- Та хоч десять!

- Звери вы, что ли, совсем?! – заорал Лёнька. – Это наш народ, наши граждане, находившиеся под оккупацией сепаратистов! Мы их освободить пришли или что?!

- А ти що тут розпоряджаєшся? – раздался издевательски-злой голос неведомо откуда явившегося Сёмки. – Ти рядовий боець чи генерал? Тягніть, хлопці, це падло далі. У нас наказ є!¹⁴

- Хлопцы! – дед рухнул на колени. – Не погубите! Мы со старухой всё это время из подвала не вылезали! Мы такие же украинцы!

- Раніше треба було думати, раніше¹⁵, - злорадно ответил Сёмка и, прежде чем кто-либо успел опомниться, выпустил в несчастного пленника автоматную очередь.

Дед рухнул на землю, сразу побагровевшую от растекающейся крови. С воплем бросилась к нему его жена. Конвоиры растерянно переглядывались.

- Ну всё, утырок, - прохрипел Лёнька, в бешенстве оттого, что не мог даже набить мерзавцу морду из-за наставленного теперь уже на него автомата, - ты нежилец!

- Це ми ще подивимося, хто з нас нежилець!¹⁶

Задыхаясь от бешенства, Лёнька бросился к комбату, надеясь, что Гетман непременно остановит это кровавое безумие. Командир уже успел расквартироваться в одном из уцелевших домов. Вальяжно развалившись на диване, он курил что-то странно пахнущее. Дежурный сперва не хотел пропускать Лёньку, но тот, разгорячённый всеми горькими событиями этого проклятого дня, отпихнул его и шагнул в комнату:

- Пан Гетьман, дозвольте звернутися!

«Пан» - это обращение было введено в батальо-

14 А ты что здесь распоряжаешься? Ты рядовой боец чи генерал? Тащите, хлопцы, эту падаль дальше. У нас приказ есть!

15 Раньше надо было думать, раньше

16 Это мы ещё посмотрим, кто из нас нежилец!

не самим командиром, и скоро, поговаривали, должно было стать уставным во всей украинской армии.

Комбат скосил на вошедшего мутные, нездоровые глаза:

- Чого тобі, Лео?

- Мені поговорити! – не очень-то владел Лёнька мовой и редко говорил на ней, но с Гетманом иначе никак нельзя было.

Гетман сделал знак дежурному уйти и лениво уселся на диване. Взгляд его странно блуждал, а движения были замедлены:

- Ну, говори...

- Пан Гетьман, потрібно негайно зупинити це свавілля! Ми ж плямувати вигляд усієї Національної Гвардії!

- Про що ти, власне?

- Як про що?! Розстріляні поранені! Вбиваються мирні жителі! Старики! Просто так! Потіхи ради!

- Що поробиш, Лео, це війна.

- Війна?! Ні, Степан, - вспомнив дружбу детских лет, Леонид обратился к комбату по имени. – Ні, це не війна. Це вбивство, злочин. І воно має бути зупинено!

- А ти як би хотів, Лео? Велика Україна з кривавої купелі народиться, лише омита кров'ю ворогів, кров'ю москалів вона підніметься на належну висоту! Ми повинні знищити москалів, знищити їх смердючу Московію - в цьому наша історична, космічна, якщо хочеш, місія.

- Тут не Московія, пан Гетьман. І старий, якого щойно застрелив дегенерат Сьомка, не була Москалем, а українцем!

- Це нічого не значить. Ті українці, що живуть на сході, отруєні москальською заразою, вони ніколи не будуть справжніми патріотами України. Вони можуть тільки прикидатися, вивертатися, що врятувати свої шкури, і при цьому чекати, що Московія розчавить нас,

- Гетман нехорошо усміхнувся, облизнул сухие губы. – Але цього не буде! Ми не доставимо ним цієї радості і знищимо їх усіх, якщо це буде потрібно!

- Навіть дітей і жінок ?!

- Малолітніх заберемо і виростимо українцями.

- Ти збожеволів! – воскликнув Лёнька, отступив на шаг. И сам удивился, отчего только теперь пришла ему эта мысль? Ведь то же самое говорил Гетман и прежде...

- Прикуси мову. Ми не в таборі, не забувай.

Нехорошо смотрели мутные глаза, кривились пересохшие губы... Да что это всё курит он? Ведь не сигареты простые... Запах странный, травяной... Вот оно, значит, как! Он ещё и наркоман обдолбанный! Ну, с таким комбатом весь батальон в банду головорезов превратиться! А он, Лёнька, в соучастника...

- Пан Гетьман, я не готовий знищувати ні старих, ні жінок, ні беззбройних людей. Я солдат, а не вбивця, - отчеканил, набрав воздуха в грудь.

- Справді? Ти вже ні дезертирувати Чи зібрався, солдат? А то дивись. У нас з дезертирами розмова такий же, як з москалями.

- Ні, не зібрався. Але прошу перевести мене в інший батальйон. Служити разом з дегенератом Головатим я надалі не бажаю.

- А наших бажань батьківщина не питає. А тому засунь їх собі сам знаєш куди і повертайся до виконання своїх обов'язків.

- Але пан Гетьман!..

- Пішов геть, я сказав!¹⁷ - лицо комбата передёрну-

17 - Пан Гетман, дозвольте обратиться!

- Пан Гетман, нужно немедленно остановить этот беспредел! Мы же пятнаем облик всей Национальной Гвардии!

- О чём ты, собственно?

- Как о чём?! Расстреляны раненные! Убиваются мирные жители! Старики! Просто так! Потехи ради!

- Что поделаешь, Лео, это война.

- Война?! Нет, Степан. Нет, это не война. Это убийство, преступление. И оно должно быть остановлено!

- А ты как бы хотел, Лео? Великая Украина из кровавой купели родится, лишь омытая кровью врагов, кровью москалей она поднимется на должную высоту! Мы должны уничтожить москалей, уничтожить их вонючую Московию – в этом наша историческая, космическая, если хочешь, миссия.

- Здесь не Московия, пан Гетман. И старик, которого только что застрелил дегенерат Сёмка, был не москалём, а украинцем!

ла нервная судорога, руки задрожали. Он ещё раз уже без слов ткнул пальцем в сторону двери.

Ничего не оставалось, как подчиниться. Выйдя от Гетмана, Лёнька задумчиво побрёл по улице, пытаясь собраться с мыслями. Ему тяжело было видеть сожжённые дома, горькие памятники чьей-то уничтоженной жизни. Сожжённые дома, сожженные машины, чёрные, обугленные деревья... А, вон, у забора детский велик лежит. Жив ли тот, кто на нём катался? Даже на улице никуда не деться от трупного запаха. Да и как не быть ему, если, пожалуй, ещё не все тела и найдены? Там, в центре, с землёй сровнены целые пятиэтажки... Сколько людей под ними?

В закатных лучах дорогу ему перебежала тощая собака, тащащая в зубах что-то большое... Лёнька пристотрелся и вздрогнул: оголодавшее животное тащило в своё логово обглоданную человеческую ногу. Собака покосилась на побледневшего Лёньку, глухо зарычала и исчезла в проулке. Он же рухнул на колени и схватился за живот: его рвало.

Ночью победители отмечали первый крупный успех, уже предвкушая скорое взятие Города, этого анклава сепаратистов, сделавшегося ходячей притчей по

- Это ничего не значит. Те украинцы, что живут на востоке, отравлены москальской заразой, они никогда не будут настоящими патриотами Украины. Они могут только притворяться, изворачиваться, что спасти свои шкуры, и при этом ждать, что Московия раздавит нас. Но этого не будет! Мы не доставим им этой радости и уничтожим их всех, если это потребуется!

- Даже детей и женщин?!

- Малолетних заберём и вырастим украинцами.

- Ты сошёл с ума!

- Прикуси язык. Мы не в лагере, не забывай.

- Пан Гетман, я не готов уничтожать ни стариков, ни женщин, ни безоружных людей. Я солдат, а не убийца.

- В самом деле? Ты уж ни дезертировать ли собрался, солдат? А то смотри. У нас с дезертирами разговор такой же, как с москалями.

- Нет, не собрался. Но прошу перевести меня в другой батальон. Служить вместе с дегенератом Головатым я впредь не желаю.

- А наших желаний родина не спрашивает. А потому засунь их себе сам знаешь куда и возвращайся к исполнению своих обязанностей.

- Но пан Гетман!..

- Пошёл вон, я сказал!

обе стороны фронта. Пьяные песни и крики огласили несчастное Предместье. Слушая их, Лёнька решил. Нельзя больше участвовать в этом безумии. Нельзя убивать невинных. И пропади пропадом слава Украины, если слава эта будет основана на такой страшной крови.

Лёнька решил уйти. До Киева добраться возможности не представлялось – оставалось одно: сдаться в плен в надежде, что хотя бы на той стороне остались люди. Некоторое время он думал, взять ли с собой автомат, и в итоге оставил его. Без автомата пришёл, без него и уйдёт. К тому же ничьей крови он больше проливать не хотел.

По дороге Лёнька не пошёл, боясь встретиться со «своими», а покрался огородами, таясь, надеясь под покровом ночи одолеть то невеликое расстояние, что отделяло Предместье от Города.

Он успел пройти совсем небольшой отрезок пути, когда прямо перед ним вспыхнул яркий огонь. Когда ослеплённые светом глаза вновь обрели зрение, то встретились с маленькими, источающими ненависть глазами Головатого. Он стоял перед Лёнькой, светя ему в лицо фонарём, и ухмылялся. Позади замерли ещё двое с наведёнными на него автоматами.

- Ось, гнида, - ощерил зубы Сёмка, смачно сплюнув, - я ж попереджав, що закінчу тебе. Що, погуляти вирішив і заблукав?¹⁸

Все трое заржали.

- Нет, с такой гадиной, как ты, немочно стало по одной земле ходить!

- Вон як! Нічого, вже недовго залишилося. Ставай на коліна, сука!¹⁹

- Обойдешся!

- Хлопці, ну-ка, поясніть йому!

Хлопцы дали очередь Лёньке по ногам, и тот с криком рухнул на землю.

18 Вот, гнида, я ж предупреждал, что кончу тебя. Что, погулять решил и заблудился?

19 Вона как! Ничего, уже недолго осталось. Становись на колени, сука!

- Так-то краще, - хохотнул Головатый. - А тепер кінчати тебе буду²⁰, - добавил, доставая пистолет.

В тускнеющей от боли памяти мелькнула мысль: автомат-то оставил, а про гранату забыл! Она и теперь ещё в кармане... Успеть бы только...

- Что ж ты, Сёма, даже военному трибуналу не доверяешь, даже командиру собственному? Кто тебя поставил творить расправу?

- Україна, хто ж іще! У моїй країні, москальська б...ь, таким, як ти, не місце!²¹

- Вот, в этом, Сёма, я с тобой согласен! - прохрипел Лёнька и выдернул чеку...

Глава 15.

По давно неметеному школьному двору, поднимая столпы пыли, трое мальчишек гоняют поставленное на колёсики чучело российского президента. На шее чучела висит табличка с неизменным «Путин – х...ло», и этот же боевой клич выкрикивают дети, ожесточённо пиная врага.

- Путин – х...ло! – орут, стуча в барабаны, толпы «политически грамотной» молодёжи, идущие по улицам, но отчего-то не спешащие отстаивать независимость на фронте.

А на улицах, на центральных улицах Киева растяжки всё с тем же, но для лживого приличия «оцензуренным» лозунгом: «Хутин – пуйло!» И какая разница, что улицы те не метены, что на них процветает грабёж и бандитизм?

Вчерашние «майданщики», самовольно сшибавшие «баблишка» в тёмных переулках, теперь организовались и занимаются привычным делом не по собственной инициативе, а выполняя заказы щедро платящих боссов. Расколошматить битами чей-то ресторанчик, приглянувшийся боссам или не заплативший

20 Так-то лучше. А тепер кончатъ тебя буду.

21 Україна, хто же ещё! В моей стране, москальская б...ь, таким, как ты, не место!

дань? Пожалуйста! С большим нашим удовольствием! Захватить какой-нибудь заводик? Не вопрос! Героям слава! Милиционеры, как водится, наблюдают за всем со стороны. Впрочем, достаётся и им. Те же «герои» с битами идут в отделение и, популярно пояснив стражам порядка, кто здесь власть, «отжимают» у них табельное оружие...

Но это всё мелочи жизни. А главное, что «птн – хло». «Ла-ла-ла-ла-ла-ла». Этот хит сезона орут скачущие до треска трибун болельщики на стадионах. Им измалёваны стены домов. Он красуется на майках, в которые рядятся целыми семьями, и на обнажённых грудях бесноватых девиц, обливающих себя свиной кровью у Лавры в знак омовения «неньки» кровью юго-восточных москалюк-сепаратюг. Впрочем, девицы, конечно, не бесноватые. Они – честные патриотки. Например, некоторые из них недавно в рамках сбора средств на АТО провели акцию мойки машин лифчиками в полуобнажённом, скромно говоря, виде. Шофёры, конечно, не упускали случая за свои кровные гривны облапать патриотов за все обнажённые части тела, которыми они расстились по капотам...

- Почему украинские женщины самые красивые? Потому что в Европе инквизиция истребила ведьм, а у нас они все уцелели! – вещает пышнотелая экскурсовод перед интуристами.

И сразу понимаешь – права! Действительно, здесь они уцелели все. И потому превратилась Украина в одну сплошную Лысую гору.

Полуголые патриотки в стриптиз-клубах прикрывают срам трусиками и лифчиками цветов национального флага. И это не считается надругательством над ним, как и покраска в жёлто-синие цвета мусорных баков и общественных туалетов.

Интересная настала жизнь в Киеве 2014 года. Толпы киевлян устремились к Днепру – мыться, стирать. А что делать, если такое благо цивилизации как горячая вода, приказало долго жить? «Вода станет тёплой, если её подогреть!» - мудро изрёк мэр славного города.

Хорошо бы ещё, чтобы было, на что греть в условиях тотальной невыплаты зарплат и пенсий...

Политическая атмосфера оживляется, как всегда, мордобоем народных избранников и митингами голодных избирателей. Митингуют чернобыльцы, митингуют нуждающиеся в лекарствах и сложных операциях больные, митингуют не получающие зарплат бюджетники... А ещё – матери и жёны бойцов АТО. Нет-нет, они тоже патриотки! Они не против войны! Они не против, чтобы чужие дети по эту сторону фронта гибли сами и убивали чужих детей по ту сторону фронта. Лишь бы их собственные дети вернулись домой и более не рисковали жизнью во имя торжества «неньки». Конечно, если бы их детям была гарантирована жизнь, то любящие мамы были бы согласны и на то, чтобы сами они убивали чужих детей. Но этих-то гарантий и не давала очередная «бандитска влада». Мэр славного города успокоил женщин, что это не страшно, что у их сыновей и мужей нет бронезилетов, ибо главный их бронезилет – это жёны и матери, которым государство непременно выплатит большую компенсацию за погибших родных, что, ясное дело, должно вдохновлять героев на подвиг защиты родины.

Но всё это опять же мелочи. Зато целая индустрия работает теперь по увековечиванию новой украинской мантры: «птн-хло». Конфеты, унитазаы, коврики, плакаты, куклы... Кажется, что Путин повсюду, и любой древний божок мог бы позавидовать такой славе. Что бы ни случилось в «неньке», во всём виноват Путин. Нацгвардейцы и правосеки обвиняют друг друга в работе на Путина, агенты Путина сидят в правительстве, Раде, ВСУ и СБУ... И только светлые силы «наших западных союзников» могут спасти Украину от этого чудовища.

Иногда, правда, в порядке исключения здоровые голоса всё-таки раздавались с экрана телевизора. Чаще всего то был голос отставного генерала Бурмака, занимавшегося ныне обменом пленными. Бурмак прямо заявлял, что на Юго-Востоке нет сепаратистов, а есть простые люди, которые хотели быть услышанными, но

к голосам которых остались глухи. Само собой, патриоты приходили от подобных заявлений в буйный гнев...

Ирина Ростиславовна знала Виктора Бурмака много лет. В самой первой её группе он был одним из лучших учеников, бывал у неё дома. Её муж, офицер Советской армии, фронтовик, помог Виктору подготовиться к поступлению в училище и долгое время оставался его наставником. Кто бы мог подумать, что служить Бурмаку придётся уже совсем другому отечеству... Муж Ирины Ростиславовны умер после распада Союза – не выдержало сердце. Виктор часто навещал её, помогал в трудную пору, но со временем стал появляться всё реже, хотя исправно звонил три раза в год: на Новый год, на День Рождения и на День Учителя...

Теперь Ирина Ростиславовна отправилась к нему сама, видя в своём прежнем ученике единственного человека, способного помочь её беде.

Виктор Григорьевич Бурмак занимал небольшой кабинет в одном из офисных зданий недалеко от центра столицы. Свою старую учительницу он принял сразу и с возможным радушием:

- Дорогая Ирина Ростиславовна, какая неожиданность! Рад видеть вас. Простите, что сам не удосужился проведать вас в этой круговерти.

- Что ты, Витенька. Я же понимаю, как ты занят. Это я должна извиняться, что тревожу.

Витенька уже перешагнул полувековой рубеж. В меру дородный мужчина с приятным округлым лицом, он выглядел теперь уставшим и осунувшимся. Знать, нелегко было ему взирать на окружающее безумие да ещё пытаться хоть что-то сделать в нём...

- Не хотите ли чаю, Ирина Ростиславовна?

- Нет, благодарю. Я ведь к тебе, Витенька, по делу пришла. С челобитной, можно сказать.

- Да я уж догадался, что не просто так, - вздохнул Бурмак. - Только я ведь не президент и не министр. Мало чем могу помочь.

- Ты честный человек, а это сейчас значит гораздо больше.

- Я слушаю вас, Ирина Ростиславовна.

- Два моих внука сейчас находятся в зоне АТО. По разные стороны баррикад. Об обоих я уже давно не имею известий. Я должна знать, что с ними. Я готова ехать туда сама, но не знаю, как...

- Ехать туда вам не надо, - покачал головой Бурмак. - Вы не можете представить, что там творится. Это настоящий ад...

- Слава Богу, Валентин Фёдорович не дожил до этого кошмара.

- Да, я сам не раз вспоминал его в последнее время... Он уже двадцать три года назад понял, к чему мы идём. А мы не понимали. И я не понимал. Думал, ничего, будем жить отдельным государством, как-нибудь всё образуется. Вот оно и «образовалось»! - он пристукнул кулаком по столу. - Я ничего не могу обещать вам, Ирина Ростиславовна, кроме того, что сделаю всё от меня зависящее. Напишите мне всё, что вы знаете о месте пребывания ваших внуков, и когда они последний раз выходили на связь...

- Я уже всё написала! - откликнулась старая учительница и достала из сумки тонкую папку: - Здесь все сведения, которые мне удалось узнать самой, и фотографии. Лёничка записался в батальон какого-то Гетмана. Он уже неделю не отвечает на звонки. Только смс-ки приходят. «Жив, здоров, не волнуйтесь». А я не могу не волноваться. Чувствую, что что-то случилось. И с ним, и с Олежкой... Что-то страшное...

- Не нужно предаваться панике раньше времени. На войне не всегда есть возможность позвонить родным, - сказал Бурмак ободряюще. - На днях я как раз еду туда и попытаюсь выяснить их судьбу. Если они в плену, то, обещаю, что сделаю всё, чтобы их оттуда вызволить.

- Спасибо тебе, Витенька! Ты моя единственная надежда! - Ирина Ростиславовна всхлипнула и быстро утёрла глаза платком.

- Пока, к сожалению, не за что, - отозвался Бурмак, мягко пожимая её руку.

Возвращаясь от генерала, Ирина Ростиславовна зашла в Лавру. Лавра! Вечное и неистребимое свиде-

тельство о едином русском мире, едином русском народе, ложью разделённом на враждующие между собой «нации», вечный, завораживающий символ высоты и красоты русской верной Христу души.

А кто-то нам твердит: «Да вы – толпа!
За вами никого и ничего,
И весь ваш путь - звериная тропа,
Вы варвары – не более того».

А кто-то мчится нас разъединить:
На северных, на южных разделить,
Перекусить родства живую нить
И все бывшее напрочь очернить,
Ошельмовать, опошлить, осквернить.

И снова слышу предков трубный глас:
«Не гнись, не трусь, своим путем иди,
Знай, мы сильнее, они слабее нас.
Уверенно в грядущее гляди.

В борьбе мы закалились с давних пор,
Единством наша сила велика.
Вовек не заглушить наш мощный хор,
И вместе с Лаврой нам стоять века.

Расправить плечи время настает,
Пришла пора подняться в полный рост,
Нас к этому история зовет,
И прошлое незыблемо встает,
И к будущему ладит крепкий мост.

Я взлететь от радости готов,
И столько я сейчас сказать хочу,
Что нету в мире подходящих слов.
Я молчу, восторженно молчу...

А Лавра рвется, рвется в небеса,
За землю, зацепившись, набегу.
Я гляжу, гляжу во все глаза,
И снова наглядеться не могу!²²
При вспоминании этих чудных строф любимого

актёра на глазах у Ирины Ростиславовны навернулись слёзы. Как ни прекрасны иные монастыри, но ничего прекраснее парящей над берегом Днепра Лавры не создавал человеческий гений, озарённый божественным вдохновением, - в этом старая учительница была убеждена. И в этом чувствовался ей залог того, что однажды русская земля вновь станет единой под сенью этой великой святыни. Об этом и о своих пропавших без вести внуках долго молилась она перед слывшей чудотворной иконой Божьей Матери «Печерская похвала».

Глава 16.

Медсестра Тамара Григорьевна погибла при очередном обстреле, в ходе которого два снаряда разорвались во дворе больницы. В это до сих пор не верилось, потому что пожилая женщина работала здесь столь долго, что, казалось, так было и будет всегда. Её сын, ополченец, не успел проститься с матерью, потому что хоронили её уже на другой день после гибели – в обесточенный морг тела везли лишь в крайнем случае, когда нельзя было похоронить сразу из-за бомбёжек.

В это утро бомбёжек не было, но хоронить Тамару Григорьевну пришлось за пределами кладбища, ибо к нему невозможно было приблизиться из-за снайперов, обстреливающих похоронные процессии. Тоже боролись с террористами?..

Тем не менее, провожать погибшую медсестру отправились все, кто мог, включая раненых, которых выхаживала она, как родная мать. Хотела пойти и Мирослава – но должен же был кто-то оставаться в притихшей больнице. И она осталась.

Во время вчерашней бомбёжки она ассистировала при очередной операции. Всех больных, как всегда в таких случаях, спешно перевели в убежище, там же укрылись и медики. Но операцию нельзя прервать, а, значит, нельзя укрыться врачам, её делающим. Только молитву читай и уповай, что «не накроет».

Страха Мирослава не чувствовала. Ведь она и

от тяжёлых больных, которых нельзя было перевезти в убежище, не отходила во время обстрелов. А человек, как известно, привыкает ко всему. Даже к самому страшному и невозможному: к постоянной близости смерти, к смерти, как среде обитания. Хотя нет... Нельзя привыкнуть к страданиям искалеченных детей. Детей, оставшихся без рук или без ног, детей, в чьих глазах застыл неизбывный ужас, который понесут они теперь через всю жизнь.

Ещё два месяца назад эти дети были веселы и счастливы, и ничего страшного не сулила им жизнь. Детский сад, школа, институт, обычные мечты... Школы и детсады борцы с «террористами» разбомбили в первую очередь. Слава Богу, уже окончился учебный год, и там обошлось без жертв. Часть детей уже под обстрелом вывозили из города, разделяя семьи, быть может, навсегда. Другие остались и видели разверзающийся ад, который навсегда останется в их памяти и будет являться кошмаром в их снах. Хорошо, если уцелеют в нём они, уцелеют их близкие. А как жить девочке, у которой в одночасье из всей семьи остался лишь старенький дедушка? Она ушла к нему в гости, а, когда вернулась, её дома уже не было. И всех, кто был в нём, тоже...

Нет, к этому горю привыкнуть нельзя. Никогда. И простить – нельзя. За всю свою жизнь Мирослава ни разу не испытывала к кому-либо ненависти. И, вот, впервые узнала это тяжёлое, горькое, болезненное чувство. И проклятья, тысячами уст ежечасно посылаемые карателям, Киеву, рвались и из её сердца.

А теперь вот убили тётю Тому, эту святую душу, никому и никогда не сделавшую зла... Туманили глаза слёзы, и не хотелось сдерживать их, но наоборот – выплакать на чьём-то плече. Вот, только плеча рядом не было.

Ко многому можно привыкнуть, но только не к неизвестности о тех, кого любишь... Письмо Олега, переданное ей журналисткой Агнией, Мирослава теперь всё время носила с собой, изредка перечитывая. Только теперь она поняла, что по-настоящему любила

своего единственного друга. Почему самые простые истины понимаются и произносятся слишком поздно, а то и вовсе остаются не произнесёнными? Сколько лет молчал он, сколько лет не понимала она... Он хотя бы успел – сказать, написать. А что успела она? И как теперь жить?

Олег пропал неделю назад, когда пал передний рубеж обороны, и ничего не было известно о нём с той поры. Погиб ли он или попал в плен? А в плену что ждёт его? О зверствах карателей на захваченных территориях ползли самые зловещие слухи – будто бы всех мужчин расстреливали поголовно, не разбирая, состояли ли они в ополчении. Так ли или нет, проверить было сложно, а вот о том, что раненых, оставшихся в местном госпитале, добили – уже стало известно достоверно. Об это рассказывал журналист Курамшин, навещавший свою коллегу Агнию.

Та, уже почти поправившаяся, но из-за травмы ноги не могшая вновь приступить к активной работе, пока оставалась в больнице, помогая здесь, чем могла. Вот, и теперь улучила минуту, заглянула в кабинет:

- Кофе будешь, Мирочка? Курамшин привёз – угощаю!

Кофе после ночного дежурства – вещь незаменимая, как живая вода.

- Опять у тебя глаза на мокром месте. Да погоди ты его оплакивать, - Агния проворно заварила кофе. - Я с Родионовым говорила, с ребятами. Они видели, как он упал при взрыве, но, возможно, он был всего лишь контужен. Надо верить, что именно так! Мёртвым никто его не видел, понимаешь?

- Тогда плен... А что с ним сделают в плену?

- Из плена возвращаются, - Агния с видимым облегчением опустила на кушетку, отложив костьль.

- Не всегда!

- Олег вернётся, - уверенно сказала журналистка, отхлёбывая «живую воду». - Пей, пока не остыл. Чего сидишь.

- Мне бы твою уверенность...

- Готова поделиться, - улыбнулась Агния. - Един-

ственное, чему я рада, что Курамшин успел наше подопечное семейство вывезти оттуда. Он через своих знакомых нашёл каких-то добрых людей, согласившихся принять их на жительство. Слава Богу, хоть они в безопасности!

- Сама-то не хочешь уехать? Дорога ещё не перекрыта.

- Не хочу, - мотнула покрытой платком головой Агния. - Для меня же все здесь родня уже... И как? Я уеду, а все останутся? Нет уж, я так не могу. Тем более, что там, - она неопределённо повела рукой в воздухе, - меня никто не ждёт.

- А ещё здесь твой бывший муж...

- Почему бывший? Мы не разведены. Как-то никому из нас в голову не пришло заниматься этой бюрократией.

- Видимо, потому что ни у него, ни у тебя не возникло за эти годы серьёзных привязанностей.

- Видимо, - согласилась Агния. - Судя по всему, мы друг для друга неизбежность.

Мирослава посмотрела на часы:

- Скоро наши вернутся с похорон, и я смогу пойти домой. Пойдёшь со мной? Мама будет рада.

- В другой раз, - вновь мотнула головой Агния. - Тут мальчик раненый лежит. Я ему обещала, что побуду с ним. Сейчас он, правда, спит. Курамшин его родных разыскивает - фотографии во всех соцсетях вывесил. Но пока без толку. Да и не мудрено... Много, что ль, здесь сейчас народу в интернетах сидеть могут? А маме передавай поклон. И кофе, кстати, с собой возьми. Это подарок.

- Спасибо, - слабо улыбнулась Мирослава. - Дай Бог, чтобы родные твоего подопечного нашлись. Ты знаешь, если бы можно было ценой моей жизни спасти всех этих детей, я бы на костёр, на любую муку пошла. В детстве я всегда мечтала о крыльях. Но не о таких, чтобы летать, а чтобы всех укрыть, защитить ими. Я когда-то у Цветаевой прочла... Не удивляйся, я не только книги по медицине читала, хотя и редко это удавалось. Так, вот, фразу прочла: мужчинам крылья даны,

чтобы летать, а женщинам, чтобы укрывать ими очаг. Вот, мне всегда хотелось, чтобы мои руки стали такими крыльями, которыми всех можно укрыть. И сейчас особенно остро хочется.

- Ты, Мирочка, ангел, - со вздохом сказала Агния. - На таких, как ты, только молиться. Но, боюсь, твоей жизни, даже с приплюсовкой к ней моей, грешной, будет мало, чтобы эту разверзшуюся бездну заполнить.

Домой она смогла уйти лишь ближе к вечеру, так как привезли очередную партию раненых, и, как всегда, не доставало рук. К этому времени голова уже кружилась от усталости, а в глазах то и дело мелькали противные огненные точки. Свежий воздух, однако, освежил её, и по пути домой Мирослава ненадолго зашла в храм. Прежде она часто бывала на службах, но последние недели не оставляли на то времени.

Храм, между тем, также не пощадил огненный смерч, стиравший с лица земли несчастный город. Мирослава хорошо помнила, как взорванную ещё большевиками святыню восстанавливали несколько лет, собирая деньги всем миром. И, вот, теперь новые изверги ополчились на неё, и горько смотрела на прихожан полуразрушенная, обезглавленная колокольня. Мирослава провела рукой по глубокой царапине, оставленной на белой стене осколком, точно бы то была рана живого человека.

Чудо, что в ту бомбёжку не пострадал никто из прихожан – день был праздничный, и храм был полон. И никто не выбежал вон в поисках укрытия, когда стали совсем рядом рваться снаряды, положась в Божию волю. Отца Михаила, однако, контузило несколько дней спустя в собственном доме, и он вместе с семьёй всё-таки уехал из Города. И теперь вместо него служил молодой священник о. Димитрий. Мирослава хорошо знала его. Знала, что он часто ездит на позиции ополченцев, не страшась ни вражеских пуль, ни недовольства епархиального начальства, опустившегося до того, что посмертно вывело за штат убитого ещё в начале войны батюшку, также окормлявшего ополчение. Верили ли в Бога делавшие это в трусливо-подлом желании

снискать милость земных правителей и через то защитить «церковное имущество» от поползновений раскольников? Наверяд ли...

Мирославе очень хотелось поговорить с отцом Димитрием, хоть отчасти облегчить изматывающую сердце кладь, но он был занят с другими, нуждавшимися в утешении не меньше, а времени было так мало, а усталость – так велика. Недолго помолившись у любимого образа Покрова Пресвятой Богородицы, столь похожего на те мечтаемые крылья, она покинула храм и направилась к дому.

Вечер выдался тихим и тёплым – так что в летнем саду, в окружении яблонь и цветов, можно было забыть о войне. Пользуясь этим, Мирослава вынесла из дома Галинку, чтобы та могла подышать воздухом. Сестра очень боялась бомбёжек и темноты. Щадя её, мать так и не воспользовалась «оборудованным» Мирославой подполом. Галинка слишком боялась его. И, когда начинались бомбёжки, мать садилась на диван, брала её на колени и, обняв, сидела так, пока грохот не прекращался, читая молитвы и пытаясь успокоить плачущую дочь:

- Это всего лишь фейерверк, Галочка, не бойся.

Лишения и постоянное нервное напряжение пагубно сказались на здоровье обеих: Галинка часто плакала и плохо спала, мать практически перестала видеть. Всё же она старалась ещё управляться по дому – руки помнили, где и что стоит. Вот, и теперь приветствовала нарочито бодро:

- Мирочка! Ну, наконец-то! Устала, родная? Ты отдохай, отдохай... Ужин у нас есть. Я сейчас разогрею.

- Да, мам. Сейчас я только Вика покормлю...

Вика, большого, лохматого пса, оставили бежавшие от войны соседи, и каждый день Мирослава кормила его, жалея осиротевшее животное. Он встречал её печальным взглядом, в котором читалось непонимание и обида, почему, за что его бросили. Так же было и теперь. Поставив перед Виком миску с похлёбкой, Мирослава потрепала его по холке:

- Грустишь, да? Не грусти, они непременно вер-

нутся. И вы снова будете играть с Вовкой в мяч. Он тоже по тебе грустит. Он же твой друг...

Пёс почти по-человечески вздохнул и лизнул ей руку. Немного подумав, она отстегнула его от цепи:

- Так, пожалуй, будет лучше, дружок. Мало ли, что может случиться... Ты ведь не убежишь, верно? Ты знаешь, что здесь твой дом. И пока я здесь, ты всегда получишь свой ужин. А я отсюда всё равно не уеду. Мне теперь тоже остаётся только ждать...

Внезапно пёс напрягся, поведя чутким ухом, и в тот же миг Мирослава услышала уже слишком хорошо знакомый свист. Опять «фейерверк» начинается! Господи, там же Галинка в саду! Нужно скорее унести её!

Под гул первых разрывов Мирослава бросилась в свой сад, метнулась к замершей на скамейке Галинке и в следующее мгновение почувствовала страшный удар...

Взрывной волной в доме выбило все стёкла, а Анну Матвеевну швырнуло на пол. Опомнившись, она нашарила на полу очки, но те были разбиты... От наступившей тишины стало жутко, ибо в ней не слышно было ни плача Галинки, ни голоса Мирочки. Ощупью, едва различая свет, Анна Матвеевна пошла к крыльцу, зовя дочерей. Где-то загрохотало вновь, и похолодело почувствовавшее беду сердце.

Все эти дни лишь об одном молилась она: взять одну её, или хотя бы её и Галинку, и без того намучившуюся на этом свете, но пощадить Мирочку. Она молилась так всякий раз, когда слышала канонаду и ни о чём больше просить не смела.

Выйдя на крыльцо, Анна Матвеевна услышала протяжный вой соседского пса и, качнувшись, закричала срывающимся голосом:

- Галя! Мира! Где вы?!

Там, справа, лавочка, где Галинка любила сидеть среди своих любимых цветов... Лилий, астр, ромашек, колокольчиков... Каких там только не было цветов! Они утешали её своей красотой. Анна Матвеевна вглядывалась в ту сторону, где должна была быть её дочь, но бе-

лая пелена, застилавшая её глаза, мешала ей различить хоть что-нибудь.

- Галя! Мира! Отзовитесь!

Только горький, отчаянный вой в ответ.

- Господи, уж не для того ли ты лишил меня зрения, чтобы я не увидела мёртвыми моих дочерей? – прошептала Анна Матвеевна немеющими губами и стала спускаться по ступеням.

Ступени, однако, оказались коварны, и она споткнулась, упала на колени и бессильно привалилась к стене дома:

- Господи, я ведь ни о чём не просила тебя... Только об одном: Миру, Мирочку пощади! Ведь она – ангел! Тебе ли не знать этого?! Ведь она ни дня, ни часа не жила для себя, а только для других... Для больных, для несчастных... Для тех, кого Ты возлюбил больше всех! Так за что же её?!... Господи, спаси её! Рази меня! Пошли на мою голову этот проклятый фейерверк! Пусть я приму этот удар! Но только не Мира...

Очередной снаряд не разорвался у ног Анны Матвеевны. Разорвалось сердце, не выдержавшее горя. Так и нашли её – стоящей на коленях и смотрящей в небо невидящими глазами. А в нескольких метрах от неё возле воронки, образовавшейся на месте любимой Галинкиной клумбы, нашли Мирославу, укрывшую своим телом сестру, но не сумевшую защитить её от прошивших их обеих насквозь осколков...

Глава 17.

- Що, сука, живий ще?! – за этим вопросом последовал удар в плечо. – А ну, пшёл!

Хорошо сказать – «пшёл», когда всё тело – сплошная гематома. Как же эти звери умеют бить! Особенно, тех, у кого связаны руки... Быть куклой для битья, живой грушей для карателей – участь, которой пожелаешь не всякому врагу. Будь на месте Олега кто-то похлипче, навряд ли бы выдержал столько дней. Но Олег был си-

лён и крепок. А, главное, он обязан был выжить. Для Мирки. И если уж не ухлопали его в том последнем бою, не смешали с глиняной кашей, то неужели сломаться теперь?

Сидя в душном и тесном чулане, изнемогая от боли и смрада, Олег вновь и вновь пытался придумать план побега, но тот не придумывался. Как бежать, когда ты сутками заперт в этой непроницаемой клетке, откуда выводят тебя связанным, наставив на тебя автоматы – только для того, чтобы ещё раз поизмываться над тобой? Если бы руки были развязаны... Если бы оружие достать... Если бы...

Каждый шаг давался Олегу с трудом. Казалось, всё тело его превратилось в бесформенный мешок, набитый перемолотыми костями. От боли в глазах чернело. А этот, с зенками рыбьими ещё и в спину тыкал:

- Крокуй, сука, не те грохну!

- Не грохнешь... Кого вы тогда вечером, когда нажрётесь, месить будете?

- Не бійсь, ще сепаратюг словимо! Правда, інші похліпче будуть, з тобою цікавіше²³.

- Чем же?

- А цікаво, через скільки вдасться з тебе дух вибити. Ось, постривай! Ми тобі ще пальці відстріл! Або член! Ти що віддаєш перевагу?²⁴

Отморозок не шутил. Олег видел, как они эту садистскую процедуру проводили над другим пленником, используя столярный станок. И такое – забыть ли? Собственную боль заглушая, и теперь тот вопль жуткий в ушах звенел.

- Я предпочитаю, чтоб ты себе язык отстрелил...

- Ось, тому-то з тобою і цікавіше, москалюга, ніж з іншими. Стільки часу пройшло, а ти все тріпається. Стривай, це ми поки розминалися тільки! Подивимося, як заспіваєш, коли по повній розвернемося! Будеш

23 Не бойся, ещё сепаратюг наловим! Правда, другие похлипче будут, с тобой интереснее.

24 А интересно, через сколько удастся из тебя дух выбить. Вот, погоди! Мы тебе ещё пальцы отстрелим! Или член! Ты что предпочитаешь?

ще переді мною на колінах повзати, і в рот брати і смерті просити!²⁵

- Не дождёшься.

- Побачимо, - резкий удар, и лицо Олега залила хлынувшая из носу чёрная кровь. Ещё один, и он уже лежал на полу, корчась от боли. Третий – и точно оборвалось всё внутри.

- А тепер встати!

Вставать лучше как можно скорее, или получишь ещё...

- Пшёл вперед!

Олега вели в кабинет, где его уже не раз допрашивали, и это не предвещало ничего хорошего. На прошлом допросе на спине ему выжгли свастику... Что-то на сей раз измыслят? Хоть бы уж и впрямь поскорее добились, что ли... И как это угрозило дать им сцапать себя! Проклятая контузия... Взяли беспмятного, а не то бы никогда не дался. Взорвал бы себя вместе с ними.

Переступив порог «пыточной» Олег с удивлением обнаружил, что на сей раз всё совсем иначе. Станки были открыты, за столом сидел пожилой генерал, а поодаль какой-то парень в камуфляже и очках с лицом слишком интеллигентным для нацагда.

- Свободен! – кивнул головой генерал конвоиру, и тот закрыл дверь. – Садитесь, - это уже к Олегу обращено было.

Тот охотно воспользовался предложением – ноги едва держали – и вопросительно взглянул на генерала единственным пока ещё не до конца заплывшим глазом.

- Меня зовут Виктор Григорьевич Бурмак, - представился генерал. – Я возглавляю комиссию по обмену пленными. Это мой помощник Андрей. А ты, как я понимаю, Тарусевич Олег?

Олег не ответил. Своего настоящего имени нацг-

25 Вот, оттого-то с тобой и интереснее, москалюга, чем с другими. Столько времени прошло, а ты всё трепыхаешься. Погоди, это мы пока разминались только! Посмотрим, как запоёшь, когда по полной развернёмся! Будешь ещё передо мной на коленях ползать, и в рот брать и смерти просить!

вардейцам он не сказал, поскольку они давно знали его по позывному. Стоит ли доверять теперь этому неведомому генералу?

- Можешь не отвечать. Я и так знаю, что не ошибся, - генерал налил в стакан воды и протянул пленнику:
- Выпей и послушай меня.

Воду Олег выпил с удовольствием, хоть и осолонела она от крови. Бурмак, между тем, продолжал:

- Когда-то я был очень близок с твоим дедом, которого помню и уважаю по сей день, и бабкой. Ирина Ростиславовна обратилась ко мне с просьбой отыскать в зоне АТО двух своих пропавших внуков, воюющих друг против друга. К сожалению, найти твоего брата я опоздал...

- Что?! – вскинул голову Олег.

- Леонид погиб.

- Когда?!

- Видимо, тогда же, когда ты попал в плен.

- Он погиб в бою?

- Нет, уже после... - генерал помедлил.

- Как это случилось?

- Не знаю. Факт его смерти не подтверждён официально. Его командир утверждает, что твой брат дезертировал вместе с тремя другими бойцами. Но эта версия мне представляется, мягко говоря, сомнительной. Я пока ничего не сообщал родным Леонида и попытаюсь сперва прояснить дело, но это будет сложно даже мне.

- Если гибель брата не подтверждена, и тело его не найдено, то почему вы уверены в его смерти?!

- Потому что я уже не первый раз приезжаю в зону АТО и видел больше, чем это позволительно, если хочешь жить спокойно и безопасно, - генерал промокнул шею платком. – Однако, сейчас речь о тебе. Ты поедешь с нами, если не хочешь, чтобы тебя окончательно превратили здесь в фарш...

- Они уже многих превратили! – зло бросил Олег.
- А вы приезжаете с инспекцией и ничего не можете сделать!

- Ты прав. Я, действительно, ничего не могу сде-

лать, кроме как выполнить данное твоей бабке слово и спасти тебе жизнь. Ты имеешь что-то против?

- Нет, чёрт побери...

- Тем лучше, - Бурмак подал знак Андрею, и тот, распахнув дверь, велел караульному позвать командира.

Упитанный коротышка в маске явился не сразу и вошёл в кабинет с нарочитой развязностью, желая показать, что здесь хозяин он, а не какие-то заезжие генералы.

- Этого человека я у вас забираю, - холодно сообщил Бурмак, протягивая командиру какую-то бумагу с печатями.

- З якою ще радості? – фыркнул коротышка.

- Прочтите мандат и научитесь соблюдать субординацию. Вы на фронте, а не на майдане.

- Ваше щастя.

- Я тоже так думаю.

Пробежав глазами бумагу, командир поскрёб в затылке:

- Розвелося дармоїдів і всі права качають...

- Это вы о ком сейчас?

- Да о таких, как ты, падлюках, - ответил коротышка, от гнева перейдя на привычный язык. - У тебя ж твоя предательская сущность на лбу пропечатана!

- Язык прикусил! – грозно рыкнул Андрей, наставив на него автомат. - И будь любезен, пан, выполняй постановление выше стоящих инстанций.

- Пушку убери, у нас таких на сотню больше будет!

- И они не помешают мне, по крайней мере, убрать с дороги моего патрона два препятствия в виде тебя и твоего холуя. Ну, кому сказано, отошли от двери!

- Андрей, не горячись. Господа просто погорячились. Никому ведь не хочется отдавать чужим своих пленных. Я надеюсь, господа, - генерал обратился к командиру и стоявшему позади караульному, - вы не собираетесь препятствовать нам в исполнении обязанностей, возложенных на нас правительством?

- Да катитесь, куда хотите! Всё равно мы скоро

здесь всё покончим и в Киев придём, и там таких, как ты, люстрируем по самые гланды.

- Там и встретимся, - кивнул невозмутимый Бурмак.

Ровно через пять минут они уже мчались в бронированном генеральском внедорожнике.

- Знаете, Виктор Григорьевич, я вашему хладнокровию просто диву даюсь! – говорил Андрей. – С такой мразью – и на вы! И «господами» их называть! Какие это, к псам, господа! Обычные гопники, которым место в колонии! Моя бы воля...

- Успокойся, Андрей. Нашей воли теперь нет, а значит нужно действовать сообразно обстоятельствам, чтобы добиться хоть чего-то.

- Такое ощущение, что вы дипломат, а не военный...

- Андрей у нас прежде в милиции служил, - пояснил Бурмак Олегу. – Поэтому на героев майдана реагирует, как цепной пёс на волка. Андрей, посмотри, пожалуйста, в каком населённом пункте мы можем без лишней опасности остановиться, чтобы показать нашего протеже врачу?

Андрей быстро взглянул на карту:

- Минут через двадцать будет сельцо. Нацгвардии там нет, а фельдшер, как минимум, надеюсь, подвернётся...

Надежды бывшего стража порядка оправдались, и через полчаса Олег оказался в руках перепуганной докторши, сразу заявившей, что в её маленькой больнице нет даже самой элементарной аппаратуры, чтобы диагностировать, какие повреждения имеются у больного. Получив команду «лечить без диагностики», она, однако же, покорно приступила к делу.

Кое-как залатанный и омытый, одетый в свежую одежду, которой поделился великодушный Андрей, Олег почувствовал себя несколько лучше. Тем более, что конечным «элементом лечения» стал хороший обед. Андрей, наскоро перекусив, вскоре оставил патрона, чтобы заняться машиной.

- Что вы со мной собираетесь делать дальше? – спросил Олег генерала.

- Я обещал твоей бабке спасти тебе жизнь. Своё обещание я выполнил. Дальше дело твоё. Я могу сделать тебе документы, и ты затаишься где-нибудь. В Киев я тебя не повезу – там запалимся все вместе. Можешь уехать в Россию, если хочешь.

- Я хочу вернуться к своим.

- Город окружён и вот-вот падёт.

- Тем более. Там мои друзья и невеста. Мой дом. И я не собираюсь драпать в Россию или хорониться, когда продолжается война.

- То есть ты хочешь, чтобы я тебя отпустил, чтобы ты вновь воевал против нас?

- Да, я буду воевать против вас, пока жив. Либо пока мы не победим.

- Ценю твою откровенность. Что ж, я не стану тебе препятствовать. Андрей подбросит тебя поближе к твоей цели, а дальше добирайся, как знаешь. Дороги перекрыты, и получить на них полю легче лёгкого.

- Я доберусь. Я здесь вырос и знаю в окрестностях каждую тропинку.

- Самоуверенности тебе не занимать.

- Скажите, Виктор Григорьевич... Ведь вы, я вижу, порядочный человек. Как вы можете служить этим мразям? – не удержался от вопроса Олег.

- Кто тебе сказал, сынок, что я служу мразям?

- А как же ещё это назвать, если вы состоите на службе правительства Украины?!

- Вот, Украине я и служу.

- Да нет никакой Украины! Неужели вы не понимаете?! И впредь никогда не будет! Даже то, что было, уничтожено: сожжено в Одессе, сровнено с землёй артиллерией в Луганске и у нас. Чему вы служите?

- Ты, конечно, полагаешь, что мне следовало бы приехать на Донбасс и вступить в ополчение?

- Это было бы правильно!

- Тут я с тобой не соглашусь. Я считаю, что в том братоубийстве, которое теперь идёт, виноваты и Киев, и Москва. И ни Киеву, ни Москве помогать я не хочу.

Единственное моё желание – это спасти людские жизни по обе стороны фронта. Жизни таких, как ты. На моих руках нет крови. Зато спасённые жизни есть. Твоя, например. И я думаю, что эти жизни всецело оправдывают мой выбор. И ещё, сынок. Я никогда не поддерживал ни майдана, ни нынешней власти. Ни словом, ни делом. Так что совесть моя чиста, и не тебе читать мне мораль.

- Простите, - отозвался Олег. – Мне, пожалуй, и впрямь не стоило бы. Если бы не вы, меня бы непременно добились.

- Ты крепкий парень. Мне жаль, что ты собираешься вернуться в город – это слишком опасно. Но я понимаю тебя. Прежде чем отправляться, будь добр напиши несколько строк твоей бабке. Надо же мне привезти ей хоть что-то утешительное...

- А как же вы объясните моё исчезновение? Вам же за это может не поздоровиться.

- Не беспокойся. Этот вопрос я улажу. При нашем кабаке, когда исчезают «без вести» десятки находящихся в строю бойцов, и никому до этого нет дела, «схватить» одного полуживого пленника не так-то сложно...

- Спасибо вам, - искренне поблагодарил Олег. – Я перед вами всегда буду в долгу.

- Ты мне ничего не должен. Я исполняю свой долг. К тому же я кое-чем был обязан твоему деду.

Олег кое-как нацарапал плохо слушающейся рукой письмо, стараясь аккуратно выводить каждую букву, чтобы бабка не испугалась, что он искалечен, и, передав его генералу, попросил:

- Виктор Григорьевич, я вас об одном ещё только попрошу. Выясните, что случилось с моим братом!

- Обещать не могу, но всё возможное сделаю. Это тоже мой долг.

- Интересно... - Олег усмехнулся, - кроме вас, это слово на Украине ещё кто-нибудь помнит?

- Андрей помнит, - отозвался Бурмак, убирая письмо в тонкую папку. – Есть и другие... Но признаю, растление огромно и повсеместно. Смотрите, однако, чтобы оно не охватило и вас.

- У нас мародёров расстреливают, - сказал Олег. - А у вас вместо армии орды бандитов-беспредельщиков!

- У вас... Вы не едины, сынок. А, значит, у каждого «атамана» свой закон. Один мародёров расстреливает, а другой вместе с ними чинит произвол, ощутив себя властью. Я тебе так скажу. Если тон у вас станут задавать последние, то вся ваша безумная затея обречена. А произойдёт всё, скорее всего, именно так, потому Москва не лучше Киева. То же воровство, то же растление. Только более... «стабильное». «Цивилизованное», если так можно выразиться. В итоге одни воры договорятся с другими, потому что воры всегда находят взаимную выгоду, а вы и мы... - Бурмак печально усмехнулся, - станем приправой к чужой каше, нашими и вашими жизнями будет оплачен чужой навар. У вас прекрасные идеи. У многих стоявших на майдане они тоже были прекрасны. Справедливость, свобода, достойная власть... Что там ещё? Долой олигархов... Прекрасно! Вот, только идеи осыпаются, как жухлая листва осенью, оставляя лишь смутную память о весне, а грязь никуда не уходит.

- Вас послушать, так и вообще остаётся лишь сложить руки и помереть.

- Не скрою, такая мысль приходила мне в голову. Но пока я всё-таки воздержусь от столь радикального разрешения неразрешимых вопросов. Ты ещё молод и можешь верить прекрасным идеям - в этом твоё счастье. А я давно уже ни во что не верю.

- Что же, так-таки и нет выхода по-вашему?

- Я не вижу выхода, - честно ответил Бурмак. - Киев совершил преступление, спустив с цепи бешеных собак-радикалов. Если бы не это, страна бы не разделилась... Но джинн выпущен из бутылки, и загнать его назад очень сложно. Знаешь, есть один выход, но он недостижим при тотальной подлости и глупости властей Украины и России.

- Какой?

- Чтобы сохраниться, как нечто единое, Киев должен не победить Донбасс, а солидаризироваться с ним. Стать восточнее востока, условно говоря. И солидарно,

единой страной заключить прочный союз с Россией, полностью вернувшись в её орбиту, как и должно исторически. Это было бы спасением для всех! Но для этого нужна другая власть не только в Киеве, но и в Москве. Ибо Москва все эти годы не находила ничего лучшего, как поддерживать такого образцового вора, как Виктор Фёдорович, и вместе с ним заниматься всевозможными распилами. И если ни на что большее не хватает стратегического мышления у любимой вами Москвы, то чего ждать? Ничего, кроме долгой-долгой бойни, совершенно бессмысленной для обеих сторон.

Мрачно «ванговал» Бурмак, но и не лишены были его суждения здравого смысла. И от этого нехорошо замутилось на душе у Олега.

- Всё, что вы сказали, может, и разумно, но от нас не зависит, - сказал он. - Ваши войска и нацгвардия уничтожают наши города, наших людей, в Киеве нас называют недочеловеками и сулят нам концентрационные лагеря. После плена сомнений в нашем будущем в случае вашей победы у меня не осталось. Что остаётся нам? Только защищаться с оружием в руках. Или, скажете, что у нас есть другой вариант?

- Пожалуй, что нет, - вздохнул генерал. - Но и у Киева выбора уже давно нет. Малейшее проявление слабости в отношении вас - и бунт радикалов обеспечен. Они меньшинство, но тон теперь задают они, потому что в отличие от большинства вооружены, организованы и точно знают, чего хотят. Я уж не говорю об интересах «наших друзей» из Штатов... Нас столкнули лбами, и мы уже ничего не можем сделать, чтобы обратить ситуацию вспять. Всё так... Значит, война до истощения сил одной из сторон... Самая страшная, какая может быть. Об одно тебя прошу, сынок: никогда не забывай, что Киев - это не только нацгвардия, Правый Сектор, Рада и СБУ.

- Я об этом не могу забыть. Там мой отец, моя бабушка... и вы с Андреем. И однажды мы придём в Киев! И тогда действительно именно он станет Донбассом и соединится с Россией!

Бурмак грустно усмехнулся:

- Дай Бог нашему теляте волка забодати. Отдохни пока. Когда стемнеет, Андрей отвезёт тебя до нужного места.

Олег, действительно, был страшно измучен и с радостью последовал совету генерала, растянувшись на узкой лежанке, показавшейся ему после чулана царским ложем, и мгновенно погрузившись в сон.

Глава 18.

Лилька влетела в квартиру Раи, словно метеор – трясущаяся, зарёванная, не похожая на себя. Текла по дебелому лицу тушь с густо накрашенных глаз, подрагивали перламутровые – не по летам её – губы:

- Раечка, Раечка, что же это? Ведь он ничего никому не сделал! Он просто по улице шёл! А они его избили!

- Кого избили? Что ты говоришь? – нервно спросила Рая, доставая из шкафчика початую бутылку коньяка.

- Кирочку моего избили!

- Как? Кто?

- Кто же их знает, кто! Они все на одно лицо – в масках и с битами! Отобрали у него сумку и избили... Просто так, понимаешь?! Им весело было! Они ржали и били! Потому что он у меня интеллигентный, хрупкий... А теперь он в больнице полуживой! – Лилька хлебнула предложенного «успокоительного», закашлялась. – Меня к нему даже не пустили!

- Ничего, главное, что жив, - сухо ответила Рая.

- Ничего?! Какое «ничего»?! Мы уже на улицах своего города, словно... словно в оккупации... За детей же страшно, Рая! Господи, и зачем мы всё это устроили?

- Ты сейчас о чём?

- Да об этом проклятом майдане! Зачем это нам было нужно, Райк? Я не говорю о других... Но нам – зачем? Мы ведь хорошо жили, ни в чём не нуждались. Помнишь, прошлое лето? Мы ездили на море... И так каждый год... Я шесть раз была за границей, ты четыре.

У нас было – всё! И наши мальчики были рядом с нами, и их никто не избивал на улицах... Так зачем нам было это всё рушить?

- Ты просто дура! – взвилась Рая. – Всё тряпками меришь?! Цацками?! Заграницами?! Я на майдане за новую жизнь сражалась! За независимость нашу! За свободу!

- Да брось ты, Райка... - вяло протянула несколько успокоившаяся Лилька. – Мы же с тобой со школы знакомы. Тебя никогда всерьёз не интересовала политика, как и меня... Конечно, хотелось, чтобы наша страна стала, наконец, частью Европы... Достал этот «совок». Если бы всё сложилось, как мы хотели, я бы Кирочку своего отправила в Англию, или во Францию... И ездить бы туда было проще. И товары их к нам бы пошли. А в итоге что вместо Европы? Грязь, кровь, страх... - Лилька поморщилась. – Ну, так же нельзя жить! Я устала... Я на днях в банке была, деньги переводила в Москву за покупку. Так меня там так облаяли! Что я, дескать, финансирую врага и агрессора! Ну, это же дикость! Варварство! И уж точно не Европа...

- И правильно тебя там облаяли! – сурово оборвала Рая. – Страна воюет, а разные курицы, видите ли, какую-то хрень у москалей покупают! Вам пофиг, да, что мы на войне?! Что наши ребята жизни свои кладут?! Вам бы лишь бы жрать хорошо, так?!

Лилька испуганно оставилась на Раю:

- Подруга, да ты что? Ты серьёзно, что ли?

- Серьёзно! И Кирку своего к моему сыну не примазывай! Мой сын защищает Украину от москалей, а твой здесь груши околачивает!

- Он учится!

- Потом все учиться будут! А сейчас не хрена! Твой сын – такой же дезертир и предатель, как те ублюдки, что его избивали! Только у тех, видимо, нет богатенького папаши, поэтому им приходится обеспечивать себя самим!

Лиля резко поднялась:

- Ты, кажется, окончательно свихнулась. Мне очень жаль, что Лёничка поехал на эту войну. Своего

Киру я бы не пустила туда никогда. Я не хочу, чтобы моего сына убили, а мне потом ввали, что он сбежал, чтобы не платить компенсаций, на которые у этих подонков нет денег.

- Больше читай москальскую пропаганду!

- Иногда это бывает полезно, Раечка. Между прочим, из Днепропетровска мне написала моя приятельница. Она работает врачом в тамошнем госпитале. Пишет, что он переполнен нашими ранеными. И морги тоже переполнены. А чтобы это скрыть, начальство посылает с телефонов убитых смс-ки их родным. Разве это не мерзость, Рая?

Последние слова точно ошпарили Раю. У неё перехватило дыхание, и глаза произвольно выкатились из орбит.

Лиля отступила на шаг:

- Эй, подруга, что с тобой? Тебе плохо?

- Пошла вон! – завопила Рая. – Слушай своих долбанных колорадов, а моего порога больше не переступай! Не смей! Не смей! Не смей! Мой мальчик жив, слышишь?! Жив! И вернётся героем, когда мы победим! Убирайся!

Лилька не заставила просить себя дважды и убежала прочь с той же скоростью, с какой влетела пред тем.

Рая судорожно сделала несколько глотков прямо из бутылки, прошипела тихо:

- Сучка... Всегда сучкой была... И в школе тоже... Кирку её, видите ли, избивали! И правильно... Нечего под мамкиным подолом сидеть... А мой Лёня жив и здоров! Каждый день мне пишет... - она покосилась на часы. – Вот, без пяти девять... Сейчас он непременно напишет...

Она выпила ещё и, пройдя в свою спальню, легла на кровать. Через несколько минут телефон её загудел, и Рая быстро схватила его: «Здравствуй, мама! Я жив и здоров. Всё хорошо. Позвонить не могу. Целую».

- И я тебя целую, мой хороший... - Рая утёрла рукавом набежавшие слёзы. – Хоть бы раз позвонил... Хоть бы на секунду голос твой услышать... - она про-

тянула руку и взяла с тумбочки большую фотографию Лёни, поднесла её к губам, погладила: - Ну, нельзя - так нельзя. Ты всё равно вернёшься, я знаю. Победишь этих мерзких рашистов и вернёшься. А тогда и тут порядок наведём.

Откинувшись на подушку, Рая сделала ещё несколько глотков и принялась, время от времени утирая глаза, набивать сыну одну смс-ку за другой. О себе, об отце, о жизни в Киеве... О том, как они с отцом ждут его и любят, и какая хорошая настанет жизнь, когда он вернётся.

Ответов не было, и от того на душе стало пронзительно тоскливо. Ещё и Пётр сегодня решил ночевать у своей колорадки-мамаши! У неё, видите ли, гипертонический криз! Экая невидаль! Перебилась бы одна... А теперь всю ночь будет ему вправлять мозги, навязывать ему свои совковые бредни! А он же, лох бесхарактерный, ушами будет хлопать, а потом дома повторять всякую дичь...

Теперь, вот, и Лилька туда же! «Я не хочу в ТС, я хочу кружевные тусики и в ЕС», - мокрица на майдане с плакатиком стояла... И эта кобыла пятидесятилетняя такая же! Им бы только тусики кружевные на свои задницы натянуть, а на всё остальное плевать... По улицам ей ходить страшно, видите ли! Таким, как ты и твой сынок, и должно быть страшно! А нормальным людям – вовсе не страшно!

Допив бутылку и преисполнившись решимости, она набросила ветровку и, сунув ноги в красные сандалии на невысокой танкетке, вышла на улицу. Стояла уже глубокая ночь, и город был непривычно тих. Прежде в это время жизнь в столице бурлила, было много огней, шума, машин... А теперь темно и ни души. Попрятались все по щелям своим. Страшно им, видите ли! А Рае ничего не страшно.

Да и ночь-то какая! В контраст с душным и жарким днём – прохладная, благоухающая. Для городских прогулок лучшего времени и нет.

Рая сошла к набережной и, пошатываясь, пошла вдоль переливающегося в лунном свете Днепра, насви-

стывая джазовую мелодию. Тоска отпустила сердце, и жаль было лишь, что коньяка совсем не осталось...

- Эй, красавица! – окликнул её сзади какой-то мужик.

Рая обернулась.

- Не скучно одной гулять? – мужик оказался ещё довольно молодым и рослым.

Ещё один уклонист без дела бродит!

- Мне никогда не бывает скучно, - отрезала ледяным тоном.

- Неужели? А мне, вот, смерть как скучно! Особенно в такие ночи!

- А ты повоюй поезжай – авось, развеселишься!

- Пробовал, не развеселило, - уклонист приблизился и закурил. – Выпить хочешь, красавица?

- Куда ей! Она и так поддатая, еле на ногах стоит, - раздался голос с другой стороны.

Рая вздрогнула: позади неё стоят ещё один субъект бомжеватого вида и ухмылялся:

- Что мамаша, дома не сидится? Бывает!

- Ну, вот, что, товарищи, - Рая старалась говорить как можно твёрже. – Я думаю, вдвоём вам скучно не будет. А я в компании не нуждаюсь, - она хотела уйти, но первый преградил ей путь:

- Куда спешить, красавица? Мы, вот, в компании смертельно нуждаемся! Два одиноких мужчины – это не компания. Мы ж не гомосеки какие-нибудь!

- Уйди с дороги, ублюдок! – крикнула Рая и тотчас увидела перед своим лицом блестящее лезвие ножа:

- Ну-ну, негоже честной украинской патриотке оскорблять словом других честных патриотов.

- Да! – подал голос второй. – Мы, между прочим, на фронте были и в сочувствии нуждаемся! И никакие мы не товарищи! Товарищи – в Лугандоне и Дондурасе! Мы тебе не вата какая-нибудь! Мы господа!

- Вы... - у Раи от ярости задрожали губы. – У меня сын на фронте! А вы!..

- Тем более, ты должна чутко относиться к нуждам вернувшихся оттуда! Давай, красавица, без глупостей, в рамках патриотического акта снимай сама свои

серёжки, колечко, цепочку... Ты же не хочешь, чтобы мы нечаянно поранили твои ушки?

- Чего ты цацкаешься с этой старой м...й?! Дай ей в лоб и делов!

- Зачем же оскорблять даму? – ухмыльнулся первый. – Не первой свежести товар, конечно, но вполне ещё может сгодиться.

При этих словах Рая дико закричала и рванулась в сторону, но тотчас что-то тяжёлое ударило её сзади по голове, и она упала на землю, услышав лишь хриплую ругань бомжа:

- Сколько раз говорить! Не хрена рассусоливать! В лоб – и бас халас! Как будто тебе трахать некого! Кругом тьма шлюх, а он на любую заваль залезть готов! Козёл!

Больше Рая не слышала ничего, и не чувствовала, как заскорузлые пальцы торопливо снимали с неё серьги, кольцо, цепочку, как выворачивали карманы, ощупывая, нет ли ещё чего ценного. И никто не видел этого, никто не поспешил ей на помощь в погружённом во мрак городе. И ни одного окна не зажглось в доме напротив, точно бы ни одна душа не услышала криков...

Глава 19.

Когда-то давно рыцари сражались друг с другом лицом к лицу, видя глаза противника. Прошли века, и война превратилась в страшную машину для убийства: причём, в первую очередь, не самих сражающихся, а мирного населения, которое угораздило оказаться «не в том месте», не в том городе, не в той стране... Никто уже не смотрит друг другу в глаза, и противники едва ли не чаще видят друг друга на экране, нежели в сражениях, свёдшихся к тупому избиению живой силы с помощью дьявольских машин, созданных человеческим гением для убийства себе подобных. Впрочем, так воюют те, кто обладает этими машинами. У тех, кто ими обделён, «романтики» завсегда больше, ибо «голь» должна быть хитра на выдумку, если не хочет раньше

срока оказаться очередным удобрением для содрогающейся земли...

Что ж, чего-чего, а той самой выдумки-смекалки ни Сапёру, ни Родионову было не занимать. Оттого и вывели свой отряд из капкана, проскользнув прямо под носом у врага.

Отступать! - и замолчали пушки,
Барабанщик-пулемет умолк.
За черту пылавшей деревушки
Отошел Фанагорийский полк.

...

Но уж слева дрогнули и справа, -
Враг наваливался, как медведь,
И защите знамени - со славой
Оставалось только умереть.
И тогда, - клянусь, немало взоров
Тот навек запечатлело миг, -
Сам генералиссимус Суворов
У святого знамени возник.²⁶

Возникла ли Великая Тень у святого знамени с ликом Спаса и в том бою, никто не мог сказать. Но почему-то верилось, что именно так и было. Иначе как объяснить, что удалось наперекор всему из капкана уйти? Сергей и сам затруднился бы дать внятный ответ. Тем более, что выходил из окружения уже раненым, и в памяти все последние часы обороны Предместья смешались, оставив по себе одну острую боль – за людей, которых оставили там. За раненых, которых не смогли забрать, как некогда отступающие от Екатеринодара Добровольцы, за хирурга Алексича, за Тарусу...

Между тем, Город жил ожиданием конца. Целые кварталы были уничтожены артиллерией, улицы опустели, не было воды и света. Оборонять его до конца означало одно – конец. Городу, людям, маленькой, закалённой в боях армии. Именно к этому внутренне готовились теперь все, и бойцы стали особенно сосредоточены, молчаливы. Иные спешили причаститься. Никто уже не ждал подмоги, но каждый готов был исполнить последний приказ и погибнуть. «И умереть

мы обещали...» Сдержать эту клятву верности Городу было общим настроением. Но по некоторым приметам Сергей смутно догадывался, что сдерживать её не придётся, ибо героическая гибель прекрасна, но никому не нужна, если бессмысленна.

Как Кутузов оставлял Москву, чтобы сберечь армию, как Деникин оставлял раненых, чтобы сберечь её же, так, скрепя сердце, предстояло поступить и теперь... По тому, как стали потихоньку вывозить из больницы раненых и больных, при этом прощупывая отважными вылазками крепость блокпостов противника, Сергей понял – решение уже принято. И оно в чём-то не деникинское скорее, а врангелевское: выиграть время, продолжая, насколько достанет сил, сражаться, и одновременно подготовить как можно более надёжный отход, такой отход, который дал бы возможность вывести всех, кому в Городе оставаться нельзя.

Нынешнее утро подтвердило правоту подозрений Родионова. Сапёр, бывший на совещании старших командиров, сообщил ему о том, что прорыв намечен на эту ночь, велел подготовиться самому и подготовить своих людей. Сам бывший комендант Предместья и группа добровольцев должны были прикрывать отход основных сил с помощью отвлекающего манёвра. Вот, когда проклял Сергей свою от плеча контуженую руку! Кабы не она, подлая, так уж он бы в числе отважных всенепременно был! А раненому одна дорога – в обоз...

Проглотив огорчение, Родионов отправился разыскивать Агнию. Шут знает эту чокнутую женщину – а ну как не узнает о решении? Останется в Городе? Нет уж, он позаботится, чтобы она никуда не делась. Найдёт и поручит заботам Курамшина, чтоб глаз с неё не спускал. К тому же с костылём навряд ли сбежит на новые подвиги...

Жену Сергей нашёл на могиле Мирославы. Её с матерью и сестрой похоронили в день гибели. На кладбище отвезти было нельзя из-за обстрелов, а потому о. Димитрий распорядился похоронить их подле храма, сказав, что это место всего более подходит для таких ангельских душ.

Агния задумчиво стояла возле свежего усыпанного цветами холмика с деревянным крестом, тяжело осев на свой костыль. Услышав оклик, оглянулась, оправляя сбившуюся косынку, скрывавшую остриженные волосы, усмехнулась невесело, кивнув на руку Сергея:

- Смотрю, мы стали ещё более похожи!

- Да к Богу бы в рай такое сходство, - махнул здоровой рукой Родионов. - Зачем ты здесь? Сюда бомбы одна за другой летят!

- И что? Кому на небесных скрижалях написано бомбу получить, тот её даже в подвале получит.

- Фатализм?

- Да, фатализм. И не говори мне, что тебе он чужд.

- Я - другое дело.

- Мы всё - одно дело, Серёж. И я только одного не могу понять... За что эти-то трое погибли? - Агния кивнула на могилу. - Я успела хорошо узнать Мирославу. Она же... Она святая была! Настоящая! Я таких людей в жизни своей не встречала. На неё молиться можно было! Ну, почему - её?!..

- Значит, ангелов на небе не хватает. Теперь трем больше стало. Им, во всяком случае, теперь гораздо лучше, чем нам.

- Да... - Агния посмотрела на небо. - Может, хоть теперь она исполнит свою мечту: обретёт крылья, которыми сможет укрыть всех, кто ей дорог... И этот город...

- Город сегодня ночью будет оставлен, Аля. Таково решение Первого.

- Что? - Агния вздрогнула и вперила в Сергея непонимающий взгляд. - Как это - оставлен?

- Первый принял решение оставить его ради сохранения армии и спасения жителей от полного уничтожения.

- Вот значит как... - Агния покачала головой. - «Взлетать нельзя, оставаться погибнем. Выход один - будем взлетать»²⁷? Так, что ли?

- Так, Аля, - вздохнул Родионов и поморщился: - Опять-то всё киноманья твой...

- Мне бы не хотелось уезжать отсюда, - промолви-

ла жена, проигнорировав последнее замечание. - Мне здесь было... Страшно, больно, тяжело, но... хорошо! Как это ни дико... Я здесь была на месте, понимаешь? Может, было бы лучше мне здесь остаться навсегда...

- Что ты несёшь, Аля! Кому лучше?

- Мне самой.

- Послушай, если тебе так нравится существование в адских условиях, то ты можешь не переживать: впереди у нас ещё долгие месяцы войны, и скучать тебе не придётся.

- Условия... Да не в условиях дело. А в том, что здесь всё *настоящее*, понимаешь? Жизнь, смерть, люди... И сама я – настоящая. Если всё-таки вернусь на большую землю, то уеду навсегда в свою глушь.

- И через неделю сбежишь оттуда.

- Почему это?

- Потому что там нет круга общения, - усмехнулся Сергей, вспомнив когда-то оброненное выражение жены. - Пустая деревня, где последним старухам не о чем даже посплетничать. Ни интернета, ни телевизора – ничего! Нет, Аля, ты так жить не сможешь. Я слишком хорошо тебя знаю.

- Да, ты прав, - неожиданно легко согласилась Агния. - Я ужасно глупо устроена. В жизни я дорожила лишь двумя вещами: моим домом и моим мужем...

При этих словах Родионов внутренне напрягся, а она продолжала, не глядя на него:

- И, вот, парадокс: дом я вижу во сне годами, но не могу прожить в нём дольше недели. О муже также думаю всякий день, но стоит встретиться с ним, и мы начинаем спорить, и всё оканчивается очередной ссорой. Странно, что мы здесь ещё не поссорились с тобой.

- Я думаю, нам просто было некогда, - отозвался Сергей. - Однако, я дал тебе слово, что наш дом навесим вместе, если вернёмся отсюда. А ты знаешь, что я всегда держу свои обещания...

- Если этому не мешает служба...

- И даже тогда – пусть и запоздало. Своё слово я сдержу, а сейчас сделай одолжение, идём со мной. До

ночи у меня много дел. И я хочу, чтобы до часа X ты находилась в надёжной компании господина Курамшина.

- Не беспокойся, Серёж, я не выкину никакого фортеля, не такая уж я сумасшедшая.

- Надеюсь.

- Господин капитан! – внезапно на дороге появился Николай, бледный и запыхавшийся. Подбежав к Сергею, он кивнул Агнии:

- Здравия желаю, Агния Сергевна!

- Что вы тут делаете, Юшин? – спросил Родионов.

- И почему у вас такое перевёрнутое лицо?

- Таруса вернулся! – выдохнул Николай.

- Что?!

- Олег вернулся!

- Господи Боже... - Агния поднесла руку к сердцу.

- Бедный парень...

- Объясните толком, - потребовал Сергей.

- Его, оказывается, не убило, а только контузило, и он попал в плен. Там его мутузили, как грелку, а потом какой-то офицер из Киева, бабки его хороший знакомый, его увёз и отпустил на все четыре... Как уж до города «звериными тропами» добрался, Бог весть.

- Он уже знает? – Агния кивнула на крест.

Николай кивнул:

- Он сейчас у её дома...

- Пойду туда, - решил Родионов.

- Не ходите, господин капитан. Он и меня отослал – сказал, что хочет один побыть.

- Как бы ни сотворил с собой чего...

- У него ещё брат погиб. Вроде как сами же укры его и грохнули...

- Господи, за что ж в одну воронку-то... - покачала головой Агния, страдальчески сдвинув брови.

- Вот что, Юшин, - распорядился Сергей, - идите-ка вы к нему. Подходить близко не надо, коли он того не хочет, но будьте рядом. Мало ли что... Агния Сергевна права: слишком много горя на одну голову разом.

- Будет исполнено, господин капитан, - кивнул Николай и, отдав честь, поспешно удалился.

- И мы пойдём, - сказал Родионов жене, направляясь к машине.

- Сейчас...

Агния ещё с минуту постояла у могилы, перекрестилась трижды и не без труда поклонилась, коснувшись рукой холма:

- Прощай, Мирочка... Ты своего Олега сберегла, а мы тебя нет. Прости! Молись за нас всех этой ночью! - поклонилась ещё раз и, почти не опираясь на костыль, будто убегая от кого-то, поспешила к машине.

Разогретая солнцем земля ни капельки не холодила, а, кажется, наоборот обжигала тело, разом превратившееся в одну сплошную рану, в боль, которую ничем не утишить, кроме разве что помощи костлявой, стиснувшей его горло, но зачем-то выпустившей, позволившей дальше ходить по этой проклятой земле, зная, что больше никого нет... Тех, кого любил более всех, нет... Почему, почему она изменила свой выбор, взяв не его, а их? Сразу - всех? И среди них - её? Он, именно он должен был погибнуть, а они - жить...

Или - её крест спас? Маленький серебряный, надетый на неё при рождении, который она передала ему с журналисткой Агнией вместо отданного Стёпке-Кургану?.. Как чувствовала беду, и пыталась защитить, отвести удар. И отвела - на себя приняв...

Слёзы выжигали глаза изнутри, но не вырывались на поверхность, а потому не давали облегчения.

Сколько раз они сидели на этом месте... На детских качелях - Галинка. На скамейке Мирка и он... А из окна или с крыльца посматривала на них, поправляя очки, неизменно ласковая тётя Аня. И пахло цветами... Смородиной, спелыми яблоками... Вареньями, которые в большом количества варила тётя Аня, и сдобой, которую она пекла совершенно бесподобно. И мелиссой, которую она добавляла в чай...

А чуть сзади, в саду всегда хор птиц гремел. Мирка вешала для них кормушки, и они слетались сюда во всякое время года.

Всё это казалось тогда таким обыденным, само собой разумеющимся. А, оказывается, было – раем. Раем, которого никогда более не будет.

Здесь, на этой развороченной взрывом земле, их нашли. Они лежали ровно на этом месте, где теперь он. Только в отличие от него – уже не живые... Лучше бы эти утырки запытали его до смерти, как собирались. А теперь – как жить, если даже дышать – больно?

Чей-то шершавый язык облизал его шею, и Олег с трудом приподнял голову. Отощавший соседский пёс понуро смотрел и жалобно поскуливал.

- Что, бродяга, и тебе без неё никуда? Птицы, вон, и те улетели, а ты что же? Уходи, брат. Сам знаешь, никто сюда не вернётся. Найди стаю и добывай себе еду, как твои древние предки. Может, и уцелеешь, - Олег потрепал пса по холке и заметил притаившегося в отдалении Фартового.

- Я ведь просил оставить меня одного!

- Прости, старик, - тот приблизился, - но мне ведь тебя обратно ещё отвезти надо.

- Сам доберусь.

- Ногами, что ли?

- А хоть бы я и здесь остался и подох, какое тебе дело! – зло бросил Олег.

- Вообще-то, я думал, что мы друзья. Послушай, я понимаю, что все слова сейчас бессмысленны. Но знаешь, наши прадеды переживали ещё куда более страшные времена. Допустим, один из моих...

- Колян, хорош! У меня сейчас нет настроения слушать очередное повествование о твоих предках генералах. Оставь меня, наконец, одного!

- Не имею права, - развёл руками Фартовый. – Капитан приказал оставаться с тобой и доставить тебя в наше расположение. А от себя скажу тебе то, что не должен был бы...

- Что ещё?

- Сегодня ночью мы уходим.

Олег резко поднялся, поморщившись от боли в разбитом теле:

- Как это?..

- Я ничего толком не знаю. Но знаю, что ночью мы пойдём на прорыв, иначе нам всем будет крышка. Поэтому всем надлежит быть на месте. Это приказ. Точные указания, видимо, уже под занавес будут.

Олег провёл рукой по лицу, покачнулся:

- Значит, всё было напрасно... Даже город им оставляем... Даже... Нет! Я не уйду отсюда! Даже если один останусь! Я их... по одному отстреливать буду, победителей грёбанных, пока они меня не пристрелят...

- Тебе бы врачу показаться.

- К чёрту врача. Я должен поговорить с Сапёром! Вези меня к нему.

- Сдаётся мне, что Сапёру сейчас не до разговоров.

- Я у него много времени не отниму! Поехали!

Фартовый пожал плечами, но возражать не стал, довольный, видимо, уже тем, что может увезти товарища с места трагедии и доставить «по назначению».

Сапёра удалось найти не сразу. Он и впрямь был чрезвычайно занят, но, завидев Олега, сам сделал ему знак подойти.

- Знаю о твоём горе. Прими мои соболезнования. Мирославу, ты знаешь, любили все, кто хоть раз с ней встречался. Удивительная была женщина. Царствие Небесное...

- Товарищ майор, правда, что мы город оставляем? – без обиняков спросил Олег.

- Чёрт возьми... А тебе-то откуда об этом известно?

- Неважно... Стало быть, правда?

- Да, правда. И ты с этого момента вновь поступаешь в распоряжение капитана Родионова.

- Я не уеду из города. Прошу разрешить мне остаться и наладить здесь диверсионную работу.

Сапёр глубоко вздохнул, массируя тронутый сидиной висок:

- Таруса, ты себя в зеркало видел? У тебя половина лица – битое мясо! Какая на хрен диверсионная работа?! Первый случайный прохожий, который тебя

увидит, сдаст тебя СБУ! И потом, скажи на милость, что ты знаешь о диверсионной работе?

- Я...

- Ни хрена не знаешь! Вот именно! Нет уж, сумасшествия я разрешать не намерен. Я понимаю твоё состояние. Поверь, более чем хорошо понимаю, - Сапёр помедлил, - но, пойми, если каждый начнёт из-за своих несчастий делать так, как хочет он, не сообразуясь с общей стратегией, то армии у нас не будет никогда. Поэтому будь добр исполнять приказы.

- Наш отход ведь будет кто-то прикрывать? Как в Предместье?

Сапёр нахмурился:

- Ты прям хочешь, чтобы я тебе весь план действий раскрыл... Ладно, ты парень надёжный, трепаться не станешь. Само собой, отряд прикрытия будет. И командовать им буду я.

- Вы? В таком случае, разрешите мне быть в вашем отряде! - горячо попросил Олег.

- Таруса... - майор развёл руками. - Тебе в госпиталь надо, а не в отряд прикрытия! На тебя же смотреть страшно! Рука, вон, левая распухла вся!

- Ничего, товарищ майор, она мне не мешает убивать гадов правой! - ледяным тоном отозвался Олег.

- Нам, друг мой, важно не столько убить гадов, сколько отвлечь их внимание, подольше удерживать его на себе и, по возможности, уйти затем самим. Это очень серьёзный манёвр.

- Разве в Предместье я плохо исполнял приказы? Плохо прикрывал отход основных сил оттуда? Товарищ майор, я несколько километров пешком да на брюхе прополз, чтобы сюда вернуться - и укрытия меня не словили! Я здесь каждый камень, каждое дерево знаю! Клянусь, что не подведу вас! Но просто так уйти, не сражаясь, я не могу! - голос Олег дрогнул. - Поймите!

Сапёр опустил руку ему на плечо:

- Ладно, Таруса, Бог с тобой. Я уже сказал, что понимаю тебя слишком хорошо. И поступил бы на твоём месте также... С этой минуты ты поступаешь в моё

личное распоряжение. Но учти, никакой самодеятельности! Все мои команды выполнять должно в точности!

- Слушаюсь, товарищ майор!

- Пока иди приведи себя в порядок, получи оружие и отдохни маленько. А к семи вечера придёшь ко мне. Соберётся весь отряд для ознакомления с нашей диспозицией, после чего будем выдвигаться.

- Спасибо вам...

- За это не благодарят, - отозвался Сапёр, ещё раз похлопал Олега по плечу: - Держись, боец, - и ушёл.

От этого разговора на душе стало чуть легче. Впереди был серьёзный бой, оставлявший мало шансов на выживание. А, значит, костлявая, быть может, ещё исправит свой неуместный либерализм, проявленный в Предместье... Да и гадам хвосты накрутить, сколь получится, жаждало исполненное жгучей ненависти сердце. Если бы не отряд прикрытия, то и вовсе бы помешаться можно было.

- Тында-рында! И этот город -

Удивительный - отдаем...²⁸ - Николай посмотрел на окрашенное последними сиреневыми отблесками угасшего дня небо, передёрнул затвор, проверил ещё раз, всё ли при себе: магазин для АКМ, граната, икона, карманный молитвослов, чётки... Телефоны с собой брать нельзя. А иного скарба никакого и так нет - остался в Предместье. А то бы пришлось здесь бросить - не забивать же транспорт тюками, когда нужно людей вывозить.

Для этой цели поставлено было «в строй» всё, что могло двигаться, всё, на что достало горючего: несколько «отжатых» у свидомых единиц техники, а, в основном - легковушки, легковушки, легковушки... Их много - людям, так или иначе помогавшим ополченцам, тем более, их родственникам оставаться в Городе нельзя. Чистки, устроенные в Предместье, недвусмысленно пояснили им их участь... Эта пёстрая вереница транспорта напомнила ему Крым 1920 года. Только там вме-

сто машин барон Врангель ставил «под парус» любое способное держаться на воде судёнышко, чтобы спасти людей. А среди них – далёких пращуров самого Николая, его деда – Белого Генерала, чья тень вновь являлась ему в редкие мгновения сна последние дни.

Где-то на окраине глухо била артиллерия.

- Вот, как долбанёт она по нашему караван-сараяу, когда мы по дороге плестись, как черепахи с таким табором будем, и кирдык, - заметил Дениро, дымя сигаретой. В последнем бою ему рассекло лицо, повредив глаз, и это лишило его возможности остаться в отряде прикрытия, в который он так рвался.

- Ты становишься похож на Каркушу...

- Курган всегда дело говорил, - буркнул одессит. - Слили нас, Колян. Конкретно слили. Сдохнуть у нас ещё, конечно, много шансов будет, а, вот, победить...

- Ты не прав, - покачал головой Николай.

- Да неужели? Может, про хитрый план расскажешь?

- Нет, конечно. Просто не нужно ждать помощи от тех, кто всегда был и будет против нас, и негодовать, что они нам её не оказали.

- А на кого? На Господа Бога?

- Да, если угодно. Пойми, Роберт, слить можно тебя, меня, всех нас. Можно слить этот город, другие города. Но нельзя слить идею. Без малого сто лет назад четыре тысячи преданных, оболганных, едва вооружённых людей зажгли в кубанских степях Белую Лампаду. Их тоже «слили». Политики, а, точнее, политиканы. Но их лампаду они погасить не смогли. Весь этот век она светит! Её пытаются затоптать, а она горит лишь ярче, вдохновляя души новых поколений. Почему так? Потому что их идея была светла, как луч солнца, а его невозможно уничтожить. А если отступить на два тысячелетия назад, то мы увидим восходящего на Голгофу Христа, которого «слили» фарисеи. Но Его учения они «слили» не смогли, потому что оно было Светом. И Свет этот до сих пор озаряет души. Роберт, мы не первые, кого «сливают». Но наша Лампада будет светить столь же ярко, как Лампада наших кубанских предше-

ственников, живя русские души, заставляя их вспомнить самих себя. И в этом будет вне зависимости от исхода борьбы наша духовная победа! Мы дали пример, понимаешь? Как это у Несмелова...

Лбом мы прошибали океаны
Волн слепящих и слепой тайги:
В жребий отщепенства окаянный
Заковал нас Рок, а не враги.
Победителя, конечно, судят,
Только побеждённый не судим,
И в грядущем мы одеты будем
Ореолом славы золотым.
И кричу, строфу восторгом скомкав,
Зоркий, злой и цепкий, как репей:
- Как торнадо, захлестнёт потомков
Дерзкий ветер наших эпоей!

- Ну да, ну да, - криво усмехнулся Дениро, отмахнувшись. - Нас дерут, а мы крепчаем! Так окрепи, что охренеть можно! Какая-то свидомая сволочь жарит из нас шашлыки! Извини, Колян, но я твоего высокого полёта, видимо, никогда не пойму. Вы с капитаном – романтики. Стишки у вас, идеи, белые генералы, несмеловы, то, сё... А я человек земной. И когда меня кидают, я говорю, что меня кинули, а не строю утешительные теории на тему, что, даже если всех нас закопают, в другом измерении мы всё равно победители! Не знаю я вашего другого измерения. И мало мне его призрачной победы. Победа, Колян, это когда я вернусь в свой родной город, и в нём будут висеть русские флаги, и никакая гнида не посмеет обозвать русского человека, а тем более посадить или ударить, и не будет ни ПСов, ни прочих выродков. Вот, это будет победа.

- За неё мы будем сражаться и дальше, - ответил Николай, насторожённо прислушиваясь к нарастающему гулу.

- Если таким же макарком, то недолго осталось. Обратят ещё несколько несчастных городов в руины, и ласково просимо до российской границы! А дальше шарьтесь там с протянутой рукой, если не привлекут за участие в незаконных бандформированиях.

- Да, Каркушу ты нынче переплюнул – это факт.

- Ты лучше скажи, какого лешего ты не у Сапёра в отряде? Ты-то в отличие от меня не косой, при ногах и при руках!

- Выполняю приказ капитана.

- Бережёт тебя капитан...

Николай смерил товарища ледяным взглядом:

- Ещё один подобный намёк, и я не посмотрю, что ты увечный. Ты лучше кого бы то ни было знаешь, что от опасности я не прятался никогда! И если на мне сейчас нет ни одной царапины, то это только потому...

- Что ты Фартовый, - кивнул Дениро. – Ладно, Колян, извиняй. Котелок у меня болит, и досада душит, вот, и огрызаюсь. А насчёт идей и духовных побед... Ты это пойдя обывателям объясни, под окнами которых мы сегодня красться будем, и которые завтра фашут будут встречать. Сколько-то человек мы сегодня выведем, но большинство-то останутся! Я вчера с ребятами ездил завалы помогать разбирать в соседнем квартале. Пятиэтажку там разворотило... И, вот, среди руин ходит старуха и что-то ищет. Я к ней: «Чего, мамаша, ищите?» А она мне говорит: «Вот, посмотри. Я здесь сорок лет прожила. Здесь, - на руины показывает, - вся моя жизнь. Я память о ней ищу... Хоть что-то, что цело». Бомбёжку она в соседнем подвале пересидела, а, придя, сказала: лучше бы и меня убило. Там соседи её погибли, кошка... Да вся жизнь! И, вот, пока мы там колупались, она всё по руинам ходила и что-то собирала. Память! Я себе представил свою мать на её месте, и сказать не могу, до чего тошно стало! Вот, что теперь с этой бабкой будет? С другими такими же? А ты про идеи чешешь!

- Проверь снаряжение. Капитан идёт, - сказал Николай, завидев в сгущающемся сумраке знакомую сухопарую фигуру.

Дениро, кряхтя, встал, методично проверяя нехитрую амуницию:

- Эх, Колян, а ведь как лихо начиналось всё! Как мы поначалу этих гнид трепали! И думалось – вот-вот! Вот-вот! Придёт помощь, и...

- Так наша началась борьба -
Налетом, вылазкою смелой,
Но воспротивилась судьба
Осуществленью цели белой!

- Вот-вот! Только на судьбу валить не хрена. У каждой судьбы обыкновенно есть фамилии, имена и отчества – это я тебе как юрист говорю. И все эти фамилии, имена и отчества однажды должны перед военно-полевым судом предстать!

- Кого вы тут собираетесь судить? – спросил вошедший Родионов.

- Да не тут, товарищ капитан, а там, - Дениро указал острым подбородком вверх.

- Оставьте праздные разговоры для более подходящего момента, - строго отчеканил Сергей Васильевич. – Пора. Через час начинаем выдвижение. Займите свои места.

Было уже темно. Ночь выдалась наудачу безлунной. Машины также не зажигали фар и не включали до времени моторов. Вокруг них царил суета: грузилось последнее оружие, на ходу чинились возникающие неполадки, приглушённые голоса отдавали команды, сквозь зубы переругивались друг с другом и бранились просто так. Николай инстинктивно выискивал глазами Первого, чей авторитет был среди бойцов столь велик, что хотя бы только увидеть его было мечтой многих, а уж удостоиться рукопожатия, как капитан Родионов, представлялось такой же исключительной честью, как для Первопоходников рукопожатие Корнилова. Увы, разглядеть среди мрака и спящих в последних приготовлениях, пружинно напряжённых людей командующего оказалось делом безнадежным. Впрочем, Николаю судьба и без того должна была подарить эту встречу. Приказ о его награждении был уже подписан, вот, только церемонию пришлось несколько раз переносить из-за напряжённой боевой обстановки. Но ведь рано или поздно будет она? А награды командующий всегда вручает сам, а значит...

Устыдился Николай глупых мыслей в столь неподходящий момент. Но так уж устроен человек, что

мысли эти особенно настойчиво лезут в голову именно в такие моменты...

Отгнав их, Николай замедлил шаг, озирая за- тихший, точно мёртвый, город.

- Прости нас, Город! Клянусь, мы ещё вернёмся к тебе! – прошептал и трижды перекрестился.

Медленно и тихо двинулась колонна в путь – по темноте и крадучась, точно воры... И от этого на душе ещё тошнее было. В тёмных окнах «мёртвого города» - ни проблеска света, но, казалось, что сами окна эти, очи растерзанной и оставляемой «крепости» смотрели вслед уходящим с молчаливым укором. И хотя ясно понимал Курамшин, что Первый всецело прав, что решение это – единственно возможное, а всё равно перед каждым домом, перед каждым окном, перед каждым жителем остающимся нестерпимо стыдно было. Разве не он, Валерий, изо дня в день писал пафосные статьи, твердя, что Город-крепость никогда не будет сдан, что его защитники и сам он, если потребуется, сложат здесь головы, что это – новый Брест, Сморгонь, Баязет, Шуша, Троце-Сергиева Лавра и что там ещё? Разве не он отыскивал исторические параллели – примеры, когда крошечным русским отрядам удавалось одолеть полчища противника? И какого противника! Персов, турок... А ведь люди читали, верили. Выходит, обманул их? Пусть неволью, но обманул? Ох и мутилось на душе от этого сознания...

А ещё же вспоминалось совсем некстати другое отступление. В отличие от этого позорное и неорганизованное – в 96-м от Грозного. Общим в них было только одно – причина. Вечная причина превращений военных побед в горчайшие поражения – предательство и бездарность политиков. Раз за разом на одни и те же грабли... А ведь крымская эйфория подарила надежду, что позорные страницы, наконец, перевёрнуты, и теперь начнётся собирание русской земли, восстановление утраченного, о чём столько мечтали!

Теперь же, отрезвившись и опытным взглядом

оценивая положение, Курамшин ясно видел, что ничего иного, кроме новой «чечни», только в худшем варианте, учитывая неопределённый статус республик и войну, де-факто, между русскими, не будет. Не будет, даже если из России придёт долгожданная и запоздавшая военно-техническая помощь. Не имея чёткой стратегии, трусая, виляя и пятясь, они раз за разом будут обращать победы в поражения, объявляя перемирия в разгар наступлений, ведя переговоры с врагом, торгуя, выгадывая малое и проигрывая главное. Национальные интересы несовместимы с интересами корпораций, с интересами олигархии. И спасая их гешефт, их проклятые «бабки», проигрывалась – нет, уже не Новороссия даже, но сама Россия. Государство, которое подменяет свои интересы интересами узкой группки воров, для которого спасение финансов этой группки важнее, чем спасение сотен тысяч русских жизней, подписывает приговор самому себе.

А ведь, попробуй-ка напиши об этом, так ни одна газета не напечатает. А добрая часть блогосферы объявят тебя паникёром, предателем и агентом Моссада...

Колонна вышла из Города и устремилась на восток. Курамшин бросил последний взгляд на оставшуюся позади «крепость». И как так случилось, что этот город, ещё несколько месяцев назад редкому русскому уху известный, вдруг стал теперь подлинным сердцем России? И не России даже, а Святой Руси, Русского Мира? И со всей определённостью чувствовалось, пока не будет возвращено оно, освобождено из плена, не видать ни конца войне, ни возрождения России.

Где-то в отдалении слышалась перестрелка – это пошёл в бой отряд Сапёра, приковав к себе всё внимание противника. Сжалось сердце болезненно – что-то с Игорем будет? И с остальными ребятами? Когда б ни ноги, был бы с ними теперь! С отснятыми и ещё не опубликованными материалами Агния бы сама справилась.

Те же чувства видел Валерий и на лицах своих попутчиков. Так совпало, что на обратном пути их состав изменился лишь частично. Снова ехали вместе с ним

Агния и Николай, занявший на сей раз место шофёра. А кроме них – раненые капитан Родионов и Дениро.

Курамшин давно заметил, что Николая из всех бойцов капитан выделяет особо. Вот и теперь оставил его при себе, хотя тот рвался в отряд Сапёра. Как-то спросил Валерий Родионова о справедливость такого «протезирования», и получил спокойный ответ:

- Справедливость, как писал Ильин, искусство неравного отношения к неравным. Если я вижу, что боец годится только для того, чтобы работать лопатой, значит, он будет работать лопатой. Если я вижу, что боец имеет редкий талант, и может далеко пойти, как по военной, так и по мирным стезям, то я не стану его бросать туда, где никаких исключительных талантов не требуется, а подожду случая, где понадобятся именно его способности и удача, а не чья-то иная.

Это объяснение было логичным, но всё же не полным. Как-то обронил капитан, что будь у него такой сын, как Николай, он гордился бы им. Что ж, между ними и впрямь было много общего – природная лёгкость в постижении тяжёлого военного ремесла, взгляды на историю, современность и будущее России, жертвенная любовь к ней. Вот, только один ступил уже на пятый десяток лет, а другой и четверти века ещё не прожил.

Так, логика командира сомкнулось с человеческим чувством. Впрочем, первая была совершенно оправдана, а потому и второе не давало причин для какого-либо осуждения.

Внезапно небо озарилось вспышкой ракеты. Другая, третья...

- Как думаешь, сработает отвлекающий манёвр? – напряжённо спросила Агния мужа, напряжённо вслушивавшегося в гул боя.

- Должен сработать. Сапёр работать умеет. Да и остальные ребята – не промах. Когда бы им только потом суметь уйти!

- Думаешь, это возможно?

- Всё возможно. Когда-то Багратион, оставшийся прикрывать отход основной армии во главе с Кутузо-

вым под Шёнграбенем, смог провести самого Мюрата с громадой французских войск. Никто не ожидал, что ему удастся вырваться, все похоронили его, а он вырвался, и даже знамёна и орудия врагу не оставил.

- Так то Багратион...

- Так то французы! А здесь укры... - отозвался за капитана Дениро.

- Ну, дай Бог. Может, укроет их Богородица по Мирославиным молитвам...

- Сильней в стрёменах стыли ноги,

И мёрзла с поводом рука.

Всю ночь шли рысью без дороги

С душой травимого волка.

Нас было мало, слишком мало.

От вражьих толп темнела даль;

Но твёрдым блеском засверкала

Из ножен вынутая сталь.

И ждали все, внимая знаку,

И подан был знакомый знак...

Полк шёл в последнюю атаку,

Венчая путь своих атак...²⁹ - тихо прочёл Николай, не сводя взгляда с едва различимой впотьмах дороги.

- Вот, про травимого волка – это точно, - хмуро согласился одессит. – А, вообще, Колян, у тебя какая-то болезненная страсть к цитированию. Чтец-декламатор хренов! Ты бы сам, что ль, чего сочинил...

- Лучше помолимся, - заметила Агния, не обратив внимания на удивлённый взгляд мужа, прежде не замечавшего в жене религиозности.

Николай, не оборачиваясь, протянул ей свои маленькие лестовки:

- Возьми, у меня руки всё равно баранкой заняты.

Внезапно движение колонны замедлилось. Кто-то постучал в окно, и Курамшин приоткрыл его.

- Ребят, тут впереди машина поломалась. Её сейчас в кювет спихивают, чтоб движение не тормозила, а людей куда-то рассадить надо, не пешими же им идти! – раздался из темноты сипловатый мужской голос. – У вас места не найдётся?

- Для одного человечка, пожалуй, сможем потесниться, а больше – никак, - отозвался Родионов.

- Ну, хоть одного! Погодите, сейчас пришлю к вам пассажира!

- Интересно, как ты собираешься впихивать сюда кого-то ещё? – поинтересовалась Агния.

- Очень просто, Агния Сергевна, мы с вами на правах старинных родственных связей поделим одно место на двоих, - невозмутимо отозвался капитан, указывая на свои колени. – Или, может, вы бы предпочли, чтобы человек остался на растерзание или бежал бегом за нашим караваном? Уверяю вас, остальные транспортные средства забиты не меньше нашего.

- Не могу сказать, что подобный способ передвижения меня восхищает, но ты прав, чего не сделаешь ради спасения ближнего, - вздохнула Агния, устраиваясь на коленях мужа. – Только будь добр, держи меня крепче. Как-то не хочется покалечиться на местных ухабах.

- Не беспокойся, хотя рука у меня сейчас и одна, но она достаточно крепка, чтобы не дать тебе покалечиться.

В окно постучали вновь:

- Принимайте пассажира!

В салон проворно забрался боец, и, несмотря на темноту Агния тотчас узнала в нём ополченца из Днепропетровска, который диктовал ей письмо семье. Он узнал её также, улыбнулся широко:

- Вот так встреча! А что, письмо моё не потеряли?

- Боже упаси, - отозвалась Агния. – Оно всегда при мне! Рада, что вы живы!

- Да и я, признаться, рад этому обстоятельству. И нашей встрече тоже.

- Ну, хоть кто-то чему-то сегодня рад... - усмехнулся Дениро.

- Ничего, брат, мы ещё повоюем! – бодро отозвался днепропетровец, захлопывая дверь.

- Золотые слова, - одобрил Курамшин.

Машина тронулась вновь. Валерий краем глаза заметил, как Агния стала быстро перебирать в руке от-

данные ей Николаем чётки. Взглянув на наскоро приклеенную религиозным юношей к зеркалу маленькую бумажную икону, Курамшин также начал читать про себя «Живый в помощи...»

Трёхмесячная оборона Города была завершена, а новая страница борьбы ещё не отворилась. Что будет написано на ней? Бог весть. А пока время точно остановилось на несколько ночных часов, давая маленькой армии уйти из котла, в котором столь многие по обе стороны фронта желали ей быть похороненной.

Эпилог

Над Москвой занималось утро – странное и не похожее на те, что он видел эти семь лет, а, в особенности, последние месяцы. В такую рань лишь редкие машины нарушают тишину. Изредка хлопают двери подъездов, изредка стучат каблучки какой-нибудь запоздалой или наоборот слишком ранней пташки. Да вот ещё на кухне тикают часы – он хорошо помнил их. Раньше они били каждый час, но, видимо, сломались, или хозяйка отключила бой, чтобы он не будил детей.

Дети... Их фотографий в комнате было много. Близнецы Игорёк и Сашенька – вот, они на ледяной горке, вот, в луна-парке, вот, с мамой и бабушкой, а, вот, у дяди Валеры на даче... Они и теперь с бабушкой там – у дяди Валеры и тёти Нины, их крёстной. Наташа отправила их туда на всё лето, а сама выбиралась лишь на выходные – надо работать!

Она почти не изменилась, его Наташа, с того дня, как молодой лейтенант шутливо предложил ей себя в качестве рыцаря солнечным днём на Красной площади... Да, начало их знакомства было вполне романтическим, а, вот, жизнь вышла совсем не похожей на роман. Хотя романы тоже бывают разными, отнюдь не счастливыми.

Она одна растила его детей, а он скрывался под чужим именем в другой стране, чтобы государство, ко-

торому служил он верой и правдой, не упекло его без вины за решётку для умасливания побеждённых.

Дети росли, не зная отца. Он жил, не зная их. А она – ждала... Худела, бледнела от чрезмерной для хрупких плеч нагрузки, но не переставала верить. И как же мог он её веру обмануть? Не приехать, не обнять её хоть раз после ада последнего боя, в котором уцелели лишь он, Таруса и ещё один боец, после тоски госпиталя, после всего, что было?.. Получив отпуск для восстановления после ранения, Игорь с помощью Курамшина приехал в Москву.

Валерий отвёз его на квартиру, ключи от которой Стрешнев до сих пор берёт, а сам помчался за Наташей на её работу, чтобы подготовить и привезти...

Прошёл где-то час, прежде чем у двери раздался стук каблуков, и в прихожую не вошла, а вбежала дрожащая от волнения Наташа. Он вышел ей навстречу и, сам не находясь, что сказать и сделать, только неотрывно смотрел на неё. Она выронила сумку, прижала ладони к губам, заплакала... Только тогда Стрешнев бросился к ней и обнял, покрывая мокрое от слёз лицо поцелуями...

В тот вечер они много говорили: обоим было, о чём рассказать. Впрочем, больше рассказывала Наташа: о детях, о родителях, об их жизни в его отсутствие. Что мог рассказать ей он? Снова – о войне? Да она по телевизору эту войну изо дня в день видела да с Ниной обсуждала. Вновь не находили обе места, страшась за своих. Хоть и не появлялся никогда Игорь перед фотоаппаратами и камерами без балаклавы, а Наташа его в первом же кратком ролике узнала.

- Что мне лицо? Я голос твой слышала! Разве я могу твой голос с другим перепутать? Чуть с ума не сошла, когда услышала...

На другой день она взяла на работе отгул, и они провели его вместе. Счастье ли это было? Наверное. Только и оно – отравленное. Уже утром, прижимаясь щекой к его плечу, спросила Наташа робко:

- Ты не сердись на меня... Но я иногда думаю: может, лучше тебе было не прятаться?

- А что? Сесть на семнадцать лет?

- Тогда бы я хоть иногда смогла видеть тебя, навещать. А ещё звонить, писать...

Стрешнев закусил губу:

- Нет, Натуль, так не пойдёт. Терпилой никогда не был и не буду.

- Я знаю... - вздохнула она, приподнявшись на локте и проведя пальцем по его ещё не привычной ей бороде. - Ты изменился.

- Бороду отпустил?

- Да нет, вообще... Стал жёстче, суровее.

- Не мы такие, жизнь такая... Хотя ты не изменилась совсем.

- Откуда ты знаешь?

- Вижу прежние два солнца в твоих глазах. Раз они не погасли, то и ты прежняя. Хорошо, когда в этом треклятом мире есть что-то, что не меняется... А тем более - кто-то.

- Эти солнца ты зажёл. И если что-то в этом мире не меняется, то это моя любовь к тебе. Я тебя всегда буду ждать, что бы ни было... Вот, только...

- Что только?

- Сколько придётся нам ждать, чтобы жить, как люди?

- Если мы разгромим укров и построим своё государство, я заберу тебя отсюда. Будем жить в Новороссии все вместе - как люди. Правда, для этого нам нужно победить врагов не только впереди, но и сзади, а это трудно.

- Ты победишь, - уверенно сказала Наташа.

- Я - нет. Мы - быть может. Во всяком случае, я хочу в это верить. Не может быть, чтобы такое страшное количество жертв, такое число замечательных подвигов были напрасны. Не должно! Возможно, конечно, что мы мечтатели и романтики, которые хотят построить то, чего не может быть в этом мире, но мы будем сражаться. За то, во что верим, за тех, кого любим. Бог нас из таких передраг выводил, в каких мне ни разу не приходилось даже в Чечне бывать. Неужели просто так? Должен же быть какой-то высший смысл во всём этом!

- В одном ты не изменился точно.

- В чём же?

- В главном. В девизе, который тебе завещал твой дед.

- Не уклоняюсь... Да этому девизу я верен. И России – верен. И тебе. Так что не очень-то я изменился, - Стрешнев усмехнулся, чмокнул жену в голову. – Разве что огрубел маленько и разучился говорить те нежности-белоснежности, на которые был так щедр раньше.

- Это не страшно, - улыбнулась Наташа. – Я тоже разучилась отвечать на них.

Игорю очень хотелось хоть издали повидать сыновей, и решено было на другой день рискнуть и проехаться на электричке до дачи Курамшиных и обратно. Разговаривать с детьми, конечно, было опасно. А ну как потом сказали бы где, что приезжал папа, и это бы дошло до ненужных ушей? Ведь малы ещё совсем, несмышлёныши. Так хоть поглядеть на них, а не только на фотографии...

За весь этот день Наташа ни разу не спросила, насколько он приехал, словно боясь ответа. Не говорил об этом и Игорь. Ему до боли не хотелось расставаться с женой, но даже в этот первый за семь лет день, проведённый вместе, он не мог забыть о войне, не думать о своих бойцах, оставшихся без него в кризисный для республики и армии момент.

Впрочем, наступающее утро отвлекло его мысли от далёких боёв. Непривычная тишина, домашний уют, вид спокойно спящей, счастливой оттого, что он рядом, любимой женщины, настраивали на мирный лад. Налетели ураганом мечты о новой жизни – в новой стране после победы. Так и грезилась она светлой точкой в конце длинного беспросветного тоннеля.

Внезапно этот полусон-полумечту нарушил скрежет поставленного на режим вибрации мобильного. Быстро схватив его, Стрешнев ушёл на кухню и затворил дверь, не желая будить Наташу. В трубке раздался напряжённый голос Курамшина:

- Тебя вычислили. Они будут у вас максимум через полчаса. Быстро уходи оттуда и жди меня на нашем месте!

Затем последовал отбой...

Травимому волку не нужно дважды объяснять, откуда исходит опасность. Спешно возвратясь в комнату, Игорь нашёл жену уже проснувшейся и с тревогой смотрящей на него.

- Звонил Валерка. За мной уже едут, - коротко сказал он ей, одеваясь.

- Кто?.. – словно оборвался страдальческий голос в ответ.

- Доблестные органы... Откуда, чёрт возьми, они узнали?.. Как какого-нибудь матёрого террориста поймать, так не почешутся. А тут на другой день уже у ворот!

- Куда же ты теперь? – слабо спросила Наташа. Глаза её потухли, и она точно разом лишилась сил даже на то, чтобы подняться: так и сидела на постели, укутавшись в одеяло.

- Меня обещал подхватить Валерка. Как-нибудь выберемся. Он тебе потом всё сообщит.

- Я могу тебя проводить?

- Не надо. Они вот-вот будут здесь, и я должен бежать... Бежать! – он хватил кулаком по столу. – Как вор! Как трус! Как...

Наташа метнулась к нему, обняла, целуя руки и лицо:

- Это всё... неважно... Лишь бы ты жив был! – заговорила прерывисто. – Слышишь?! Я буду ждать тебя столько, сколько будет нужно! Но ты должен жить! Ты не должен погибнуть! – голос её сорвался, и она замерла, прижавшись лицом к его груди.

- Я не погибну, Наташенька, обещаю тебе, - ответил Игорь, бережно сажая обессиленную от горя жену в кресло, глядя её по волосам. – Я выживу и заберу вас к себе! Клянусь тебе, что так будет! Даже если для этого понадобится изменить весь мир...

- Ты не забыл мои ключи?

- Нет, они у меня.

- Тогда иди, - Наташа поднялась, кутаясь в длинный шёлковый халат, несколько мгновений смотрела на Стрешнева, затем провела ладонью по его лицу. – Иди же. Тебе нужно торопиться. А мне... Убрать вторую

чашку со стола и твои тапочки... Чтобы они не заподозрили...

От этих обречённых слов ком подкатил к горлу. Игорь в последний раз обнял жену:

- Я вернусь, родная, обещаю тебе! Я же всегда возвращаюсь, ты знаешь! – и ушёл, не видя, но чувствуя, что её тонкая рука крестит его вслед.

Когда Стрешнев отходил от дома, к нему подъехало сразу три машины: две полицейские и одна «штатская». Вышедшие из неё люди быстро вошли в только что покинутый Игорем подъезд. Зло сплюнув себе под ноги, он свернул во двор и направился к автобусной остановке.

До «нашего места», то бишь дешёвой закусочной, а точнее здания, где она располагалась семь лет назад, Игорь добрался быстро. Усевшись на парапет располагавшегося неподалёку входа в метро в ожидании Курамшина, он погрузился в самые безрадостные размышления.

Родина не принимала его и сулила лишь маломкомфортабельную камеру и чёрный ватник с номером. Значит, нужно было бежать туда, откуда вернулся. Но и тут не всё просто. Куда бежать? В стольный град республики, где уже нет ни Первого, ни его ближайших сподвижников, а вместо них устанавливают свои «порядки» сомнительные личности, сильно смахивающие на улыбчивых, «своих в доску» везде и всегда двурушников? Нет уж, увольте, насмотрелся на таких субчиков Стрешнев. Да и они как ещё примут его? Пожалуй что, не очень-то ласково. Могут и переслать «наложенным платежом» или «по предоплате» назад в Москву, как ценный груз для российских правоохранительных органов. С этих всё станется, а потому туда путь заказан. Куда же тогда?..

Призывно загудела остановившаяся у обочины баклажанная Daewoo Matiz.

- Мужик, тебя подвезти?

- А сколько возмёмшь, шеф?

- Садись, договоримся!

Стрешнев забрался в машину, за рулём которой сидел заметно не выспавшийся Курамшин.

- Помнится, прежде ты на Жигулях «бомбил»?

- Проржавели Жигули. А это – так, - Валерка махнул рукой. – Узбекский ширпотреб. Представляешь, дожили? На узбекских машинах, как на иномарках ездим! Тьфу...

- Ты как узнал, что меня вычислили?

- Ну, брат! Я ж журналист! У меня в каждом углу, как теперь выражаться принято, инсайдеры! Позвонил, короче, добрый человек, предупредил.

- Ну, передавай поклон, своему доброму инсайдеру.

- Поклон... Ага! Я ему теперь ящик виски должен.

- Серьёзно, - покачал головой Стрешнев. – Ну, не взыщи, поспособствовать нечем... Слушай, как подумаю, что эти гниды сейчас Наташку допрашивают, так...

- Руки сами собой к автомату тянутся. Я тебя понимаю. Да ты не бойся, долго они её третировать не станут. Тебя никто там видеть и опознать не мог. Если даже кто и может сказать, что мужик какой-то в квартире был, так мы в цивилизованной стране живём, и граждане не обязаны отчитываться перед органами в том, с кем спят в свободное от службы время. Так что твоя Наташка быстро этих хлопцев завернёт.

- Не знаю... Я её в таком состоянии оставил...

- Ничего, у неё характер боевой. И Нинка за ней сейчас заедет, на дачу к детям отвезёт. Всё нормально будет.

- Чего уж нормального... Куда мы едем-то?

- Куда-куда... - Курамшин тонко улыбнулся. – Есть в Ярославской области одна маленькая и заброшенная деревенька, а в ней – маленький, но в настоящий момент полузаброшенный дом. Живут сейчас там два хороших человека. Родионовы, Сергей и Агния.

- Чёрт побери!

- Не чёрт, Игорёха, не чёрт. А Бог нам их послал. Они в России ещё неделю пробудут, а потом назад возвращаться собираются. Поедешь с ними. Слава Богу, «волчьих троп» пока ещё хватает, так что, надеюсь, доберётесь благополучно. А потом и я подтянусь.

- Что, не сидится дома?

- Нет, не сидится. Старые раны, сам знаешь, вечно в новые бои тянут. Я бы и с вами поехал, но нужно всё-таки иметь уважение к семье. Но я вас нагоню, не сомневайся.

- Вот, в этом я нисколько не сомневаюсь, - откликнулся Стрешнев. - Боюсь только, как бы меня не выследили и в том медвежьем углу, куда ты меня везёшь.

- В такой глуши – навряд ли.

- А что, они всерьёз собираются возвращаться?

- Что тебя удивляет?

- Зачем людям, столько лет проведшим вдали друг от друга, туда возвращаться? Ну, я – понятно... Ты – тоже. А они?

- Что за речи, капитан?

- Майор...

- Да хоть генерал!

- Валера, мы же с тобой не вчера родились, и прекрасно знаем, что будет дальше. Чечня нас этому отлично выучила. Лидеров, личностей, тех, кто не умеют вписаться в общую серость и низость, у нас не терпят и давят. Воюют не умением, а жизнями людей, солдат. Да не воюют даже! А торгуются на крови... Скоро двадцать лет твоей войне и десять – моей. Что изменилось, Валера? Правила всё те же! Та же подлость, та же двурушная политика... Помнишь танки «Нас в бой бросает Мена-теп» в Грозном в 95-м?

Валерий нахмурился. Ему ли не помнить!

- На наших танках тоже скоро можно будет писать аналогичное... Это война начиналась, как народно-освободительная борьба, но они-то народа всего больше боятся! И потому будут сговариваться против него, превращая нашу борьбу в разборку кланов. Да так, чтоб при этом побольше не в меру горячих голов похоронить, чтоб не мешались под ногами... Поэтому нас будут продавать и предавать, снова и снова. Как только мы достигнем успехов, как только враг побежит, раздастся командный окрик: «Стоять! Перемирие!» Враг оправится, укрепитя и всё начнётся сызнова... Сколько раз мы это проходили в Чечне! Они же... - Стрешнев хрустнул пальцами, - не могут по-другому! Для них важна их труба, их баксы. А на нас им плевать, на всю

эту кровь – плевать... Хочешь, Валера, я тебе скажу, что будет дальше? На место народных лидеров поставят каких-нибудь... уголовников, полностью зависимых и подконтрольных. Уже ставят... Эти мурла будут откармливать, позволять им беспредельничать в обмен на выполнение любых указаний вплоть до поднятия укропской тряпки и лобызания с «нашими украинскими партнёрами»... А мы будем платить за это своей кровью. И ладно бы – мы! Но с нами – сотни тысяч мирных людей!

- Ты думаешь, ополчение стерпит подобное?

- А разве мы все не терпели?

- Мы были регулярной армией...

- Неважно. Ополчение зависит от поставок с большой земли, ты это знаешь не хуже меня. Оно с этого крючка сорваться не может... А кто позволит себе излишнюю самостоятельность, тех просто уничтожат. Как твоего доброго приятеля...

Кумаршин помрачнел. Память об убитом чеченском командире, друге, который однажды спас раненому Валерию жизнь, отнюдь не притупилась с годами. И бывший капитан до сих пор не мог простить себе, что ничего не сумел сделать, чтобы убийцы понесли наказание. Да и что сделаешь, если крыша убийц за самыми высокими в стране стенами...

- Да и не только его. Уж эта-то печальная повесть тебе лучше моего известна, ты ведь обо всех таких убийствах писал...

Игорь был прав. За прошедшие годы были поголовно уничтожены все чеченские командиры, которые оказались слишком самостоятельными перед лицом получившего из рук Москвы «ярлык» ставленника. Одного переехал КАМАЗ, другой погиб в перестрелке, двоих демонстративно расстреляли в центре Москвы, причём одного – с участием московских правоохранительных органов... Кумаршин подробно писал обо всех этих преступлениях, преследуя цель добиться расследования убийства друга, но добился лишь множества весьма серьёзных угроз...

- На Донбассе будет то же, Валера, - мрачно предрёк Стрешнев. - Помяни моё слово. Это самое страш-

ное. Потому что... не смерть страшна, не даже мука, но страшно быть убитым в спину мнимыми «своими». Поэтому Сергею с женой лучше держаться подальше от всей этой грязи.

- Совет разумен, - согласился Кумаршин, - но, Игорь, разве ты на его месте последовал бы ему?

Стрешнев усмехнулся.

- То-то же. И Сергей не последует. Хотя бы затем, чтобы не быть в числе паразитов и хороняк. Чтобы не стать такими, как те, кого мы так презираем. У наших душ, Игорь, сорт другой. И что бы ни творили иуды, мы свой долг всегда выполняли до конца. И теперь выполним.

- Один немецкий писатель говорил, что весьма естественно умереть за Родину, на которой невозможно жить. Язвительно, конечно, но, по крайней мере, в моём случае он определённо прав.

- Ничего не попишешь. Нам от бед нашей Родины не укрыться. Мы её передовой отряд – были, есть и будем, пока живы. Ты ведь сам говорил – это наш русский жребий.

- Да-да, русский жребий... - вздохнул Стрешнев, рассеянно глядя в окно.

Машина, вырвав на кольцо, плотно увязла в унылой пробке, тотчас раскалившись под палящим солнцем. Дорога обещала быть достаточно долгой, чтобы обдумать все гложущие душу вопросы. И самое главное – куда же всё-таки теперь податься? Все пути закрыты, везде арканы расставлены... Словно весь мир для него, Стрешнева, обратился в одно гигантское Предместье. Но нашёл же оттуда выход. Пожалуй, и тут один есть – стать призраком и раствориться среди других призраков, сражающихся на сопредельной территории под командой последнего могиканина. И верных бойцов за собой увести. Во всяком случае, могиканин не выдаст, покуда самого не сожрут, и идею Новороссии не продаст никогда. Значит, так и действовать теперь. А там – что Бог даст.

Октябрь-ноябрь 2014 г.

ЦИКЛ «НОВОРОССИЯ»

1. 14-Й ГОД

Раскалились души добела,
Отлетела красная короста,
И орла державного крыла
Угашают пекельные звёзды.

Роковой 14-й год
Вновь привёл нас в точку невозрата.
Вековой измены грозен счёт –
Зев разинул, требуя оплаты.

Реют стяги с образом Христа,
Золотые светятся погоны,
Царь последний знаменьем креста
Вновь благословляет батальоны...

Божья рать воюет с Двойником.
Обратилось прошлое грядущим.
Всё опять поставлено на кон.
Роковой отсчёт перезапущен.

Днесь лоб в лоб столкнулись две войны,
Разорвав безвременья пучину.
Воины в лету канувшей страны
Зажигают новую лучину.

Вековой ещё не кончен спор.
Мы – осколки воскрешённых былей.
Бередит нам пращуров укор
Раны, что года не заживили.

К нам взывает тень Бородина,
Измаил и поле Куликово.
Мы на зов поднялись твой, страна,
И стряхнули морока оковы.

Нам судьбы своей не изменить,
Даже если изменить прописку.
Продолжаем русскими мы быть
И вовеки-вечные, и присно.

И любовью наш питаем гнев.
Оттого, земных благ отрекаясь,

Солнце Духа в смоге разглядев,
Мы идём в атаку, не сгибаясь.

Будет наша Родина светла,
Ввысь взметнутся славные знамёна.
Раскалились души добела –
Новоросским огнем опалёны.

2. МАЙДАН

За свободу чужого ярма
И за право чужого разбоя
Снова своры сошедших с ума
Воют славу фальшивым героям.

За свободу дубинок и бит,
За достоинство мяса на бойню
Стая буйных опять голосит
Новый гимн незалежного стойла.

На ножи москалей! На ножи!
На костёр, на шашлык колорадов!
Эй, суфлёр! Новый клич подсажи!
Новый лозунг - застрельщикам ада...

Кровь младенцев российских - до дна!
Мы и Кремль ваш сроняем с землёю.
Украинца задача одна -
Смерть Московии! Слава героям!

Как эбола - горячечный бред...
За права и достоинство срама!
Скачут бесы на Лысой горе -
Кто не скачет!.. Порушены храмы,

И на новый алтарь льётся кровь,
И смеётся искусный Наместник.
Скачут «справные» между костров,
Заучив двусловесные «песни».

Гуще всё - незалежных могил
На земле, где б пахать и сеять.
Под нашёпот суфлёра дебил
«Смерть врагам!» - то ль рычит, то ль блеет.

Уничтожим московский улус!
Ла-ла-ла! А гробов всё больше.
Вот, войдём в Европейский Союз -
Заживём!.. Словно паны в Польше!

3. ПАМЯТИ ПОГИБШИХ В ОДЕССЕ

Прощайте, все. В глазах чернеет дым.
Нам не покинуть братский крематорий.
Нас обложили, перекрыв ходы,
На растерзанье бросив пьяной своре.

Ты слышишь визг? «Убей его! Добей!»
Так нежить в лютой злобе сатанеет.
И выбор наш: в огонь или в лапы к ней...
И помощь к нам добраться не успеет.

А помощь - шла ль? Где целый город был,
Когда и на земле нас добивали?
Когда поэт последний гимн твердил?
И как еретиков нас здесь сжигали?

Ну, что же, верно! Мы - еретики!
Мы дьяволу присяги не давали.
Мы - Боговы. И, значит, мы - враги.
«Добей! Добей!» И, вот, вы нас загнали

И воете, поживы ждя у стен.
Спецы по газовым апартаментам,
Наследники всех зверств и всех измен,
Кровавую собираете вновь ренту.

Темно в глазах. Огонь и звон стекла.
Подмоги нет, а изверги всё злее.
В аду земном сгораем мы дотла...
Но неужели и весна истлеет?!

Зола утра падёт уже без нас.
Но вы, ЖИВЫЕ, встаньте! Пробудитесь!
Те бесы жадны и дойдут до вас.
До всех дойдут! Нигде не схоронитесь.

Запомните же наши имена.
И лица. И последнюю молитву.
И сделайте, чтоб Русская Весна
Не задохнулась под пятой бандитов!

4. СЛАВЯНСКИЙ МАРШ³⁰

*/И.И. Стрелкову, Ополчению Славянска
И всему Юго-Восточному Сопротивлению
Посвящается.../*

Тень столетнего ответа
Старой раной тянет в бой.
С верой нашего рассвета
В ночь уходим мы с тобой.
С верой нашего рассвета
В ночь уходим мы с тобой.

И опять один на десять,
И за нас один лишь Бог.
Мы идём дорогой чести,
Что прямее всех дорог!
Мы идём дорогой чести,
Что прямее всех дорог!

Командиры наши бравы.
С ними любо в бой идти.
Мы идём - во имя правды -
Чтобы мир от зла спасти!
Мы идём - во имя правды -
Чтобы мир от зла спасти!

Чтоб не жгли людей невинных,
Изуверы новых орд,
Чтобы землю Украины
Не терзал заморский чёрт.
Чтобы землю Украины
Не терзал заморский чёрт.

Ночи огненны и длинны,
Рвётся в злобе вражья рать,
Но Славянская дружина
Не привыкла отступать!
Но Славянская дружина
Не привыкла отступать!

Наши жизни - в Божьей воле,
В воле нашей - наша честь.
Ныне нечисти раздолье,
Но близка святая месть.

Ныне нечисти раздолье,
Но близка святая месть.

Пусть кричат Иуды «ватник!»,
Пусть воюет с нами Век.
*И один ведь в поле ратник,
Если Русский Человек!*
*И один ведь в поле ратник,
Если Русский Человек!*

5. БЕЛЫЙ ЖРЕБИЙ

*/И.И. Стрелкову – в ответ на стихотворение «Судьба
офицера»/*

Белый жребий неизменен
Век назад и в наши дни –
Защищать рубеж последний,
Верность Родине хранить.

Вновь трубят призывно горны,
Возвещая новый бой.
Впереди – чернеют орды,
Позади – сплошной застой.

Обыватели вздыхают
Споро маклеры ловчат,
Те – словечками играют,
Те – предательски молчат...

Белый жребий – меж огнями,
Не сгибаясь – на картечь...
Не себя, но честь и знамя,
Но *Отечество* – беречь.

Осовец, Сморгонь, Карпаты,
Дон, Кубань и... Перекоп...
Лишь у Бога ждёт награда,
На земле же – пуля в лоб.

Только пуль искать не должно.
Божье Дело – белый свет.
Век пройдёт глухой, острожный,
И опять держать ответ.

Снова смута. Приднестровье...
Слёзы Сербии... Чечня...

Русский мир сочится кровью,
Всюду зарева огня.

Здесь до праздных ли дискуссий?
Суетливой толчеи?
Жребий Белый – жребий Русский,
И его не раскроить.

Белый жребий несовместен
С «мудрованьем» хороняк,
Ни с «оправданным» бесчестьем,
Ни с плевком в родной очаг.

Крым, Донбасс, Славянска небо...
Верным вновь уют мечи.
Жаль другие – так же слепы:
Кто играет, кто ловчит.

Бог судья им. Жребий Белый –
До конца всегда стоять,
Защищая Божье Дело,
Ни на шаг не отступать.

Белый жребий – неуклонен.
Белых воинов – путь прямой.
И иудины «законы»
Примет трус, но не герой.

Белый жребий – крест на плечи.
Но пора век вспять пустить.
Жребий Белый: в грозной сече
Не погибнуть - *победить!*

6. СЛАВЯНСК

Вновь не спит осаждённый город,
Изрыгает огонь Карачун.
Тихий мир наш бандитами взорван,
Обрекаем огню и мечу.

Так неделя идёт за неделей.
От разрывов дрожит небосвод.
Этим утром вновь в храме отпели
Новобранца небесных рот.

Передышка... И снова атаки.
Божьим чудом и Правдой сильны,
Отражают опять вражьи танки
Добровольцы *грядущей страны*,

За свободу которой сражаться
Лучше, чем в рабьем рубище сгнить.
Сходит ночь. До утра б продержаться!
Этот огненный вал пережить.

Дети спрятаны в подпол до света,
Глаз опять матерям не сомкнуть.
Будет жарким грядущее лето,
И нескоро спокойно вздохнуть.

Тихо шепчет старуха молитву.
По домам артиллерия бьёт.
Мировая свершается битва –
Фронт её по Славянску идёт.

Мать Божья, внемли упованиям
И прости свой пречистый Покров!
Защити в этой праведной брани
Против полчищ безумных врагов

Воина Игоря с верной дружиной,
Женщин, старцев и малых детей.
И Победу даруй нерушиму,
Новороссии дай светлых дней!

7. БОЛОТО

Опять в тылу захлюпало болото,
Ища передовую затянуть.
Неистребима подлая порода,
Картечью лжи разящая не в грудь,

А в спину. Неизменная повадка –
Грязь не выносит свет и чистоту.
Заражены болотной лихорадкой,
Разносят дезертиры клевету.

От Порт-Артура до Чечни... И ныне
Один и тот же почерк узнаём.
Опаснее, чем грозная пучина,
Удушливый болота окаём.

И всё-таки, не поддаваясь гнили,
Кто не забыл ни Родину, ни честь,
Легенды обращая грозной былью
Идут на фронт. И, значит, Люди есть.

Являя свету подлинных героев
И ведьмин шабаш властью не приняв,
Славяногорье с Лысою горою
Вступило в брань, главы не преклоня.

8. МОЛИТВА РЕБЁНКА

Боже, как хочется жить!
Солнце так ясно светит!
Дни наши так хороши -
Мы ведь всего лишь дети.

Яркий и радостный нам
Мир раскрывал объятия.
Только легла война
Тёмной, кровавой печатью.

Боже, как страшно ждать,
Слушая грохот бомбёжек,
Что не вернётся мать...
Как нестерпимо, Боже!

Смерть не страшна уже -
Лишь переход на небо.
Только ещё в душе
Бьётся надежда слепо.

Боже, услыши, спаси!
Мамочку, папу и брата...
Господи, даруй сил
И не лишай отрады.

Маленький дом наш дрожит,
Слёз не осталось плакать...
Это ведь нас - на ножи?
Это ведь нас - на гиляку?

Боже, зачем? За что?
Что мы им сделали злого?
Снится мне милый дом,
Сад наш цветущий вишнёвый...

Сколько под сенью его
Мы о грядущем мечтали!
Сколько там будет всего!
Сладко сердца замирали!

Боже, как жаль, как жаль...
Грёзы развеял ветер.
Радуга больше даль
Не озаряет. Детям

Только осталось просить,
Судьбы досрочно итожа:
Боже, как хочется жить!
Мы ведь не жили, Боже...

9. ПИСЬМО ОПОЛЧЕНЦА СЫНУ

Письмо осталось дописать.
Как знать? Возможно, уж минуты
Мои успела сосчитать
Худая смерть - царица Смуты.

Когда ты вырастишь, поймёшь,
Зачем избрал я эту долю.
Когда душа не медный грош,
Нельзя запрягаться в подполье
И жить, от взоров хоронясь,
Всего робея и боясь.

Бывают, сын мой, времена,
Когда нельзя остаться с краю.
Ни мать, ни дети, ни жена
Нас в Судный День не оправдают.

И раз час мужества настал,
Грешно податься в дезертиры.
А коль закатится звезда,
Прощаясь с этим бранным миром,
Я буду знать в последний час,
Что отдал жизнь свою за вас.

За то, чтоб минул вас удел,
Что нам достался, незавидный.
Чтоб жили вы в стране л ю д е й,
В которой все пути открыты.

Где выше совесть и закон
Позолочённого бесчестья,
Талант важней, чем миллион,
А право - блата, власти, лести...

За то, чтобы никто не смел
Мне плюнуть вслед за малодушьем,
Сказать, что на печи сидел,
Когда невинные жгли души.

Чтобы никто не упрекнул,
Что не отёр слезы страданью,
И что руки не протянул
Я обречённым на закланье,
Что не пришёл, не защитил,
И в том аду не с ними был.

Погибнуть всем нам суждено.
За что погибнут дезертиры?
За деньги, страсти и вино?
Их души не узнают мира...

Прости, пойми меня, сын мой.
Будь верной матери опорой,
Иди всегда прямой стезёй,
Не помрачай души и взора.
Наутро мы уходим в бой.
Письмо на этом я кончаю.
Тебе быть русским завещаю.
Прощай и помни. Бог с тобой!

10. СРАЖАТЕЛИ

/И.Б. Иванову и чинам РОВС, оборонявшим Николаевку/

Мы белые - ныне и присно -
Сражатели Русской Земли.
Одно нам вовек ненавистно,
Одно мы простить не могли -

Глумленья над чистым, над Божьим,
Над русскому сердцу святым.
Россия идёт бездорожьем,
И застит глаза её дым...

А мы, как в столетье минувшем,
Последнее строим каре.

За други, за Веру мы души
Положим с мечтой о заре.

О том, что Россия очнётся,
Помянет однажды и нас.
И этой надеждою бьётся
Вновь сердце в решительный час.

Так шла в белоснежные степи
Корнилова славная рать,
Так Каппеля грозные цепи
За Родину шли умирать.

Приспела и очередь наша,
И светоч в Славянске зажжён.
Туда мы вернёмся однажды
С победой. Враг будет сражён.

Там русское знамя подняли
Мы вновь над годиною смут,
Поступком и жертвой скрепляя,
Слова всех высоких минут.

В сражателей прошлого лицах
Наказ нам, опора и суд.
От Долга нельзя уклониться,
Коль Честь и Россия зовут.

Черней с каждым днём нынче тучи.
Ну, что ж, господин капитан,
Прочтём «Живый в помощи» лучше
И долг свой исполним, а там...

На всё Божья воля. И слава
Ему и хвала, что опять
Под стягом державным за правду
Встаёт наша Белая Рать.

11. ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ

Небесных рот уходят новобранцы –
Призывники в Господний легион.
Как много в списке дорогих имён...
А на устах одно: «Простите, братцы!»
Печальный долг оставшихся в живых –
Считать в бою товарищей убитых,

Смотреть в глаза бездонные родных,
И клясться, что не зря была пролита
Та кровь, что вопиёт теперь к сердцам...
Что не напрасна праведная жертва.
Помилуй Бог! Ведь все мы в мире смертны,
Но пожелать ли лучшего конца,
Чем смерть за други, Родину и честь?
*Народ живёт, пока герои есть,
Что погибают за его свободу.*
В последний раз, земли отринув персть,
Друзья штурмуют горние высоты.
Друзья всегда уходят не прощаясь,
И не услышав нашего «прости»,
Клянясь свернуть с последнего пути,
Но никогда с него не возвращаясь.
И гнев кипит в израненной груди,
И душит, душит, душит сердце ярость.
Вам никогда той боли не понять,
Когда друзей в бою вы не теряли
И глаз потухших им не закрывали,
Клянясь дойти, не дрогнуть, отстоять...
Теперь за всё пред ними мы в ответе.
И день и ночь они глядят на нас.
И больше чем взыскующих тех глаз,
Тем больше на сердцах у нас отметин.
Друзья уходят в смерче огневом,
Спасая нас, ложась под вражьи танки,
Смерть попирая в яростной атаке
И прорубая в небо путь мечом.
Друзья уходят славою покрыты,
И это семя даст однажды всход.
Христову рать не сломит Антипод.
Наперекор из дыма жаркой битвы,
Из подвига, из крови, из молитвы
Родится Новороссии восход.
Его зовя и морок укрощая,
Не угадать, где пуля просвистит...
Друзья всегда уходят, не прощаясь,
И не услышав нашего «прости».

12. ЮРИЮ ЮРЧЕНКО

Жребий Русского Поэта –
Со своим народом быть,
С верой ждать Господня Лета,
Полной мерой горе пить,

Словом вещим и правдивым
Жечь сердечную броню,
Нашу боль, что неизбывна,
Доносить, как боль свою,

До всех душ не умерщвлённых
Веком жадности и лжи.
Глас Поэта вдохновлённый
Слышат все, кто в мире жив.

Слово Русского Поэта
Всякий век страшно врагам –
Словно Тьме сиянье Света,
Славно солнца жар – снегам.

Оттого – дуэли, войны,
Казни, лагеря и плен.
Что за жребий беспокойный,
Но вовек благословен!

Песнь Поэта – глас народный.
Суд Поэту – только Бог.
И ведёт язык свободный
На Олимп или в острог.

Подвиг Русского Поэта –
Стать над злом и клеветой
И принять в час предрассветный
За Россию грозный бой.

Боже правый, что за сеча!
Как смешалось всё кругом.
Только зваться будут вечно
Ложью – ложь, добро – добром.

Эти истины простые
Не даёт Поэт забыть.
В пору страдную с Россией
Беды-радости делить

Все по-братски, полной мерой –
Испокон веков завет.
И умолкнут лицемеры
Там, где слово взял Поэт.

13. МОЛИТВА

О Господи Сил, это мы,
Земное Твоё ополченье.
Из смертного плена зимы
Навстречу весны свеченью

Мы встали, отринув прах
Сует и забав беспечных,
Грядущего слыша утра
Зов тихий на бой предвечный.

Не алчба ведёт нас, не месть -
Предвестья кровавого восхода.
Но вера. Но правда. Но честь.
И долг перед памятью рода.

О Господи Сил, это мы,
Оболганные, убитые,
Воскресшие вновь из тьмы
Любимых святыми молитвами.

И преданные стократ,
И брошенные в окруженье,
Всевышний, мы крест Твой свят
Не отдали на глумленье.

В поруганных храмах Твоих
Исполнено всё благодатью,
Какой не отыщешь в иных.
И все мы здесь сёстры и братья.

Царицы Небесной Покров
Заменит пробитые крыши,
И жаром молитвенных слов,
К тебе устремлённых, всё дышит.

О новороссийском краю,
О нашей Руси Триединой,
О жизнь положивших свою,
О страждущих ныне безвинно,

О воинах идущих на рать.
Сердец воздыханию внемли!
Дай силы в Тебе устоять,
Спасти нашу грешную землю.

Мы гордые смирим умы,
Твоя да исполнится воля.
О Господи Сил, это мы -
Солдаты Твои в ратном поле.

14. ГЕРОЮ

Я мысленно крещу Вас вслед
И говорю: «Храни Вас Бог!»
Средь тысяч зол и сотен бед,
На перекрестьях всех дорог.

Потёмщикам больной страны
Как ладан демонам – Герой.
Опасней мир подчас войны
Своей бессовестной игрой.

В нём всё – не так, в нём все – не те.
Рулетку вертит Антипод.
Светильник ярк в темноте.
И потому так алчут под

Спуд убрать его, чтоб взор
Привыкших к мраку не успел
Прозреть. При свете явен Вор
И Самозванец. От плевел

Так просто отделить зерно.
Измена Чести не простит.
Отмщенья жаждою полно,
Ужаленное Зло кипит.

Пусть Богородицы Покров
В гонениях, в битве ль огневой
И от «друзей», и от врагов
Надёжной будет Вам стеной.

Средь всех измен и всех тревог,
Когда смешались явь и бред,
Я вновь молюсь: «Храни Вас Бог!» -
И мысленно крещу Вас вслед...

15. ПЛАЧ МАТЕРИ

Белый венчик на детском челе...
Спи, мой мальчик, и больше не бойся.
Это лишь на проклятой земле
Убивают до ужаса просто...

Я... немного побуду с тобой.
Расскажу тебе шёпотом сказку,
Где вернуться ты сможешь домой
И играть во дворе без опаски...

Где тебя ждёт твой белый медведь,
Самокат и коньки к дню рожденья.
Ты же их не успел посмотреть,
А ведь ждал их с таким нетерпеньем...

В этой сказке лохматый твой друг
Не тоскует, скуля у калитки.
Мы на лето поедem на юг
К твоей младшей сестре Маргаритке.

Там твой папа живой и здоров,
Там друзья на футбол тебя кличут.
Нет войны... Нет обстрелов... Боёв...
Жизнь течёт так прекрасно привычно.

Ничего, ничего больше нет.
Ни медведя, ни папы, ни дома.
Пусть же снится тебе сказки свет,
Неподатливый аду земному.

Ты прости меня, миленький мой,
Что любовью своей не укрыла.
И с разорванной в клочья душой
Мне отныне весь мир - как могила.

Я немного ещё посижу,
Поцелую холодные руки.
Не тоскуй, ненаглядный, прошу.
Нам недолго с тобой быть в разлуке...

Ты не бойся, там будет светлей.
Ты не бойся, мой ангел, я рядом.
Белый венчик на детском челе...
Агнец к Агнцу восходит в Отраду.

16. ГОСПОДНИИ ГОНЦЫ

/Алексею Смирнову, Человеку, каждодневным подвигом любви которого восхищаюсь и не устану повторять об этом/

Ангелы поют на небесах,
На земле у них работы много.
Их зовут скорбящих голоса,
Их полна опасностей дорога.

Но пока они идут по ней,
Высший подвиг приняв на рамена,
Не умрёт надежда у людей
Даже в чёрной мгле Армагеддона.

Между зол Господние Гонцы
В каждый дом добро несут, став солью
Мира, что для праведных венцы
Вновь плетя, сам корчится от боли.

Бескорыстным подвигом Любви
Те Гонцы питают нашу Веру,
Что средь страха, злобы и крови
Постучат они и в наши двери,

Свет и мир Христов неся с собой,
Утишая ненависти пламя.
И покуда хоть один такой
Есть Гонец, то значит Бог всё с нами.

Милосердный - Он не позабыл
Нас, неблагодарных, гордых, грешных,
И послал к нам ангелов без крыл,
Кротких благовестников Надежды.

Среди дел неправых и лихих,
Среди дней лукавых и мятежных
О, Кротчайший, ангелов своих,
Сохрани на всех путях кромешных!

17. КАК ХОЧЕТСЯ ГЛАЗА ЗАКРЫТЬ...

Как хочется глаза закрыть
И хоть ненадолго забыть
Залитый кровью русский Юго-Запад...
Обугленные остовы домов,
Убитых лица, плач надрывный вдов...

Чтоб сон души консулся мягкой лапой
И радостную грёзу подарил
Господня Лета! Ласковой зари
Тех мирных дней, что все мы не ценили
С их скучной и привычной суетой,
С их жизнью безмятежной и простой,
В которой мы всего лишь п р о с т о жили...

Но память горькая не спит.
И всё болит. Земля горит.
Мой мир - в огне. Моя душа - с Донбассом.
И не когда-то, где-то, кто-нибудь -
Я ранена сама осколком острым в грудь
В Луганске, Счастье, Горловке, Славянске...
И все отныне там - моя семья.
Их боль теперь навеки - боль моя.
Славносербск, Семёновка, Станица
Луганская, Снежное, Лисичанск,
Алчевск, Донецк... Во всякий день и час
Я сердцем - т а м. И мне не возвратиться.

И глаз не смею я зыкрыть,
Дышать спокойно, п р о с т о жить,
Когда моих собратьев убивают,
То, значит, убивают и меня.
Мне не уйти от этого огня -
Ведь каждый стон к моей душе взывает.
И я на этот зов спешу,
Пока живу. Пока дышу.

18. ДЕТЯМ, СРАЖАЮЩИМСЯ В ОПОЛЧЕНИИ

Нам этот год дал многое узнать
И вспомнить предков грозные заветы.
И дети научились умирать
За Родину, как некогда их деды.

Младогвардейцы или же баклажки³¹?
Николеньки Ростовы, юнкера...
Вступают в битву мальчики вчерашние,
Когда приходит страдная пора.

Не отстают и девочки от братьев
И в бой идут с отцами наравне.

31 Баклажками генерал А.В. Туркул в своих воспоминаниях называл кадетов и гимназистов, сражавшихся в Белой армии.

Спаси и сохрани их, Богоматерь!
Не дай погибнуть в роковом огне.

Века идут... Одно неизменно:
Мальчишек русских пламенный порыв.
Среди клевет, предательского дыма
Чист и высок их жертвенный мотив.

Пришла пора нам всем теперь мужать.
Крылом вороньим нас накрыли беды.
И научились дети умирать,
Не уклоняясь, как когда-то деды.

19. ОЖИДАНИЕ

В нашем доме холодно и пусто,
Всё печальней осень с каждым днём.
Только фотографии смеются,
На которых мы с тобой вдвоём.

Воскрешаю в памяти твой голос.
Обещал вернуться ты домой...
И в антрактах меж моих бессонниц
Утешеньем сны, где ты со мной.

В темноте лишь тени, память, звуки
Блиzkих взрывов, сполохи огней.
Лишь сильнее любится в разлуке,
Что ночей ноябрьских длинней.

Ты вернёшься, знаю, очень скоро,
Будешь сына нашего растить,
Мы забудем прежние все ссоры,
Чтобы долго и счастливо жить.

Я дождусь тебя и не поверю
Поминальной музыке пурги.

...

День весенний... Пасха... И у двери
Слышу я знакомые шаги!..

20. БРАТЯ

Прелюдия большой войны
Звучит, будя сердца набатом.
Одной мы матери сыны,
Но, вот, схлестнулись: брат на брата.

И кто сказал тебе, мой брат,
Что одному есть сало слаще?
Ступай же прочь. Я буду рад,
Коль счастье ты своё обрящешь.

Но нет! Тебе подай мои
И хату, и амбар, и пашню.
И мне б ты череп раскроил
Из-за угла, не в рукопашной.

Но осади! Родных могил
Тебе сквернить я не позволю.
Коль корни наши ты забыл,
Здесь не бывать твоей злой воле.

И, вот, я смертный враг тебе,
Нечеловек, презренный ватник.
И в этой роковой борьбе
Мы множим общие утраты.

Свободы алкавший майдан
Холопской участью доволен.
А я свободам лживых стран
Предпочитаю, братец, волю -

Кого мне чтить, кого любить,
И как мне веровать до гроба,
И как детей своих учить.
И мне претит удел холопа!

Уж скоро год друг друга бьём.
Ты имя позабыл родное.
Разрушен и сожжён наш дом,
Твой не вернулся сын из боя.

Так много дорогих имён
Остались только именами.
И гневом сам я опалён,
Всё глубже пропасть между нами.

Я не забыл тебя, мой брат,
Но ты глядишь со спесью гордой...
А общий наш смеётся враг,
И всё грозней звучат аккорды,

И сны о будущем страшны -
Предвестья ужасов стократных.
Прелюдия большой войны
Звучит, будя сердца набатом.

21. АЛЕКСЕЮ МОЗГОВОМУ

Над полями стервятники кружат,
Время жатвы нельзя отдалить.
Вновь взялись казаки за оружие,
Чтобы землю свою защитить.

Песни грозные ныне слагают,
Забывается мирный напев.
И в сердцах с каждым днём вызревает
Ослепляющий, яростный гнев.

И война обесценила жизни,
И вершится томительный суд.
Чередуя победы и тризны,
Акты драмы жестокой идут.

Быть не может со Злом перемирий,
И нельзя уничтожить народ.
Пусть грехи на душе - тяжкой гирей,
Мы готовы дать Богу отчёт,

Если очередь наша настанет.
В бой идём не за власти мираж,
Не за славу, поживу и званья.
За свободу и совесть. Гнев наш

Справедлив. Но когда изнеможет
Зло в борьбе, и рассеется дым,
То не гнев, а добро нам поможет
Возродиться от горькой беды.

Мы помянем всех братьев убитых,
И отстроим опять города,
И в полях, как погосты, изрытых
Снова мирная будет страда.

И припомнятся мирные песни,
Наши дети вновь станут их петь.
Только язвам усобной болезни
Ещё долгие годы болеть.

22. ФОСФОРНЫЙ ДОЖДЬ НАД ДОНЕЦКОМ

Фосфорный дождь над Донецком,
С Песок работает «Град».
В мир чей-то плюшевый детский
Врезался с рёвом снаряд.

А в телевизоре с жиру,
В адском веселье кружа,
Бесятся, скачут сатиры,
Душу и разум круша.

А в первомайском подвале
Плачет старуха опять:
«Хлебца бы, хлебца хоть дали...
Как тяжело умирать...»

Но аппетита не станем
Портить мы праздничным днём.
Будем и сыты, и пьяны -
Ведь только раз и живём!

Горловка... В зареве жутком
Остовы смотрят домов...
Гром не смолкает уж сутки -
«Градов»? «Гвоздик»? «Васильков»?

Марши идут по Парижу:
«Я - извращенец и мразь».
Знать, оттого и не слышат
Тысяч замученных глас.

Утром привычно убитых
Братьев, детей, жён сочтём
И отслужим панихиды,
Коль до утра доживём.

Матери горько рыдают,
В горле застыли слова...
Чьих-то детей отпевают
З а в т р а? Твоих, Москва!

В хладных руках - пайка хлеба...
Кончено... Вечная тишь...
Чьих матерей примет небо
З а в т р а? Твоих, Париж!

Грады, посёлки, станицы -
Кладбища канувших дней...
Чьей-то агонии длиться
З а в т р а? Земля, твоей!

23. ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Нас предали с тобою, Новороссия!
Флажками обложили, как зверей...
Тылов непоправимая коррозия
Во все века противника страшней.

Нестрашно пасть в сражении с врагами,
Но страшно, если в спину метит «свой».
Январским днём мы сожжены «шмелями»,
Оболганы, заброшены землёй³².

Нас предали с тобою, Новороссия!
Распродали на рынке, как конвой
Гуманитарный, и в подвалах бросили,
Как стариков больных с передовой.

И слёзы все просеяны сквозь сито,
Оценен оценённый... Слепнет взор.
На теле чьей-то дочери убитой
Иуды заключают договор.

Как равнодушно ныне небо с проседью,
Какая боль жестокая в груди!..
Нас предали с тобою, Новороссия!
Но бой последний всё же впереди...

24. ДОН КИХОТ. ВЕК XXI

Что-то пошло не так! -
Бьётся в виске отчаянно.
Чей это хохот? - Чудак!
Верить иудам и каинам!

- Бог нам открыл все пути!
Шаг оставался до цели!
Хохот проклятый: - Прости!
Цель мы иную имели!

³² 1 января 2015 года с санкции руководства ЛНР был бан-
дитски убит один из лучших командиров ополчения – Александр
Беднов («Бэтмен») и шесть его бойцов. Их машины попали в засаду
и были уничтожены огнём «шмелей».

- Что же такая за цель?
Снова - февральское бесиво?!
Глотки продажных емель
Кличут кровавое месиво...

- Ваших сердец огнём
Новый пожар раздуем!
Бейся о стену лбом -
Всё-то, дружок, впусую!

Что замолчал, Дон Кихот?
Лопаста скоростью адской
Крутятся наоборота,
Мир погребая славянский.

Вас мы засыплем золой,
Самых опасных и рьяных,
Свергнем чахоточный строй
Праведным гневом профанов.

То-то веселье пойдёт!
Ваши наивные бредни,
Ваши мечты, сумасброд -
Наших плевел удобренье.

- План ваш проклятый хитёр!
Только не станем в нём пешками!
- Меч твой ещё остёр?
Ну же! Давай! Не мешкай!

- Не затупился меч.
И идеал - не химера.
Будет и русская речь,
Будет и русская вера.

Вам наших мечт не понять,
Как не понять нашей силы.
Будем мы в правде стоять,
Ибо жизнь наша - Россия.

Вы и живые - лишь прах.
Мы и погибшие - живы.
Подлая ваша игра,
Каждая карта фальшива...

Но не пристало играть
Нам за столом с шулерами,
И хоть мала наша рать,
С нами Спасителя знамя.

- Жалкий, наивный чудака!
Ты ничего не сможешь!
Прочен и вечен мрак,
Сотканный ловкой ложью.

Будут слепцы слепцов
В нём поднимать на колья,
Чтобы в конце концов
Той же изведать доли.

Будут друг друга рвать,
Нашей указке внемля.
Мы же, придя усмирять,
Вашу разделим землю.

Наша верна игра!
Стой и смотри, безумный!
- Праздновать прежде утра
Рано триумф подлунный!

Бред ли горячечный, сон...
Стая чиширский усмешек...
Что-то мычит в унисон
Стадо услужливых пешек...

Боже, какой-то мрак!
Вновь погребальные звоны!
Что-то пошло не так! -
Бьётся в виске исступлённо.

Дьявольский пир гудит -
Горькое наше похмелье.
Нежить костями хрустит
Тех, что вчера отпели.

Господи, научи!
Не промедли с ответом!
В этой безумной ночи
Путь укажи к рассвету!

25. РУССКАЯ ВЕСНА

Промеж славян безумная война -
Итогом векового преступления.
Мы позабыли наши имена,
А вместе с ними славу поколений.

Как долго позволяли мы плевать
Себе в лицо, забыв былую силу,
О пращурах облыжно клеветать
И рвать на части нищую Россию.

Мы всем врагам открыли рубежи,
Предателей приняв покорно иго,
Отдали землю и потомков жизнь
На разоренье алчущим шишигам.

За сон души расслабленной платить
Приходится жестоким пробуждением.
Настало время вновь мечи острить,
Когда идут враги под наши стены.

И Севастополь - русский бастион -
Ввысь русский стяг победный поднимает.
Напрасно ждут Россию на поклон
Времени новейших жадные мамай.

Проснись, Россия! Вспомни, за тобой
Суворов, Невский, Скобелев, Нахимов...
И новый поведёт тебя герой
К победе. Только вспомни, вспомни имя

Свое! Стряхни ты сеть чужого сна
И вознесись душой прозревшей к Свету!
Да обратится Русская Весна
Господним Летом!

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЖРЕБИЙ (Новороссийская повесть).....	3
НОВОРОССИЯ (цикл стихотворений).....	212

ПОМОЩЬ НОВОРОССИИ

**Общественное Движение Игоря Стрелкова
«Новороссия»**

<http://novorossia.pro/>

Реквизиты для перечисления:

Номер карты Сбербанка - **5479 2752 0001 4487**

На кошелек Яндекс-деньги — **410012273300268**

Номер счета для помощи о Новороссии.

Расход средств контролируется лично Стрелковым
И.И.:

БФ «Глобальные инициативы»

ИНН/КПП: 7725352877 / 772501001

р/с: 40703810852090000199 в ДО № 5221/0369

Ростовского отделения ОАО «Сбербанк»

БИК: 046015602 к/с: 3010181060000000602 в Юго-
Западном банке ОАО «Сбербанк России»

Движение Алексея Смирнова «Под обстрелом»

<http://www.podobstrelom.ru/>

Подобстрелом - это общество волонтеров, организованное кинорежиссером Алексеем Смирновым - все это обычные люди, которые помогают вывозить женщин и детей из зон обстрела Донбасса. Мы привозим еду и медикаменты людям, которым неоткуда ждать помощи.

Реквизиты для помощи

Сбербанк р/с 40817810138066028961 БИК 044525225

Номер карты: 4276880043820913

Торская Татьяна Романовна

Раурал smirnov.producer@yandex.ru

Яндекс Деньги 41001974141662

Qiwi +79672382460

WMR-кошелёк R883781482599 WMZ-кошелёк

Z508422190927 WME-кошелёк E232009962810

НОВИНКИ НАШЕЙ «БИБЛИОТЕКИ»

Разрушение традиционной культуры и образования, вытеснение коренных народов мигрантами и культивация разврата, революции и войны – все эти процессы имеют в основе своей одну цель – дехристианизацию мира и подготовку его к пришествию Антихриста. Методы, применяемые для достижения оной, остаются неизменными в течение многих веков. Главным же фактором, обеспечивающим успех указанной разрушительной работе и открывающим широкую дорогу силам тьмы, является порабощение Разума. Как происходит данный процесс? Какие технологии применялись и применяются для этого? Каковы последствия подобного рабства? И как не попасть в него? Обо всём этом подробно рассказано в новой книге Елены Семёновой.

Первая мировая, Гражданская война в России, Вторая мировая война... Все это было в судьбе И.А. Эйхенбаума, не просто созерцателя, но участника великих битв двадцатого века. Большую часть жизни он прожил не на Родине. Но каждая строчка его воспоминаний дышит прежней Россией и являет ту Россию нам, родившимся тогда, когда она исчезла... Даже те читатели, которые считают себя искушенными в истории Российской Империи и ее гибели, найдут в книге Эйхенбаума «Сражатели» множество новых подробностей, живописующих эпоху. Читатели же, плохо знакомые с судьбой России прошлого столетия, несомненно, откроют для себя целый мир. Мир, в котором жили наши недавние предки, люди разных сословий, разного образования, но составлявших единое государство, самое большое на Земле.

Конфликт на Украине стал новой точкой невозврата для России и мира, подобно лакмусу выявив подлинный облик всех внешних и внутренних сил, действующих на шахматной доске политики. Данная книга рассматривает все аспекты украинского кризиса – исторические, политические, экономические, мировоззренческие, духовные. Каковы исторические корни нынешнего конфликта? Кто стоит за украинской революцией? Что в действительности происходит на Украине и в Новороссии? Геноцид русских на Украине – реальность ли это? Какова должна быть позиция России? «Белый взгляд» на украинские события – каков он? На эти и другие ключевые вопросы отвечают известные русские учёные, историки и публицисты Л.Фионова, А.Самарин, Ю. Л и с о в с к и й, В. Б а ш л а ч ё в, И.Михеев, М.Назаров, Е.Чудинова, Д.Соколов, А. Ж у ч к о в с к и й, Е.Семёнова.

*Эти и другие книги
можно преобрести*

в нашем магазине

www.golos-epohi.ru

+7(910) 412-71-64

+7(909) 626-81-86

Елена Семёнова

РУССКИЙ ЖРЕБИЙ
/новороссийская повесть/

Дизайн обложки и вёрстка Е.В. Семёновой

Отпечатано в ИП Бурина А.В.

Подписано в печать 28.01.15г.

Формат 84x108/32,

Усл.п.л. 7,5

Тираж - 200 экз.

ISBN 978-5-9905733-7-6

«И как так случилось, что этот город, ещё несколько месяцев назад редкому русскому уху известный, вдруг стал теперь подлинным сердцем России? И не России даже, а Святой Руси, Русского Мира? И со всей определённою чувствовалось, пока не будет возвращено оно, освобождено из плена, не видать ни конца войне, ни возрождения России», - так размышляет один из героев повести. Русский жребий свёл в этом городе самых разных людей: одесского юриста, чьи друзья погибли в Доме Профсоюзов и московского историка - потомка белого генерала, простых донбасских парней и прошедших Чечню офицеров, эмигрантку-кинематографистку и столичного военкора. Этих людей объединило одно: чувство Правды и Родины. Их судьбы, оборона ставшего русской крепостью Города, трагедия братоубийственной войны, её причины и суть - об этом рассказывает данная повесть.

